

ЗНАМЕНИЕ

НАЧАЛО

Май 2019. Где-то в небольшом пост-советском городке, возле самого моря, обычный офисный работник видит пророческий сон о глобальной вирусной пандемии, которая через год разрушит человеческую цивилизацию, превратив инфицированных в орду "обращенных" монстров.

У него есть ровно год, чтобы подготовиться к катастрофе и защитить свою семью... И он решает оборудовать свой личный бункер в обычной квартире на двенадцатом этаже жилого дома...

Плоский телевизор, подвешенный на стене в гостиной нашей крохотной, но уютной квартиры на двенадцатом этаже добротного жилого комплекса, показывает новости. На экране около десятка людей суетятся вокруг трех космонавтов в белых скафандрах. Они только что приземлились на обожженной дочерна металлической капсуле, валяющейся неподалеку, словно пустая пивная банка. Ветер настойчиво теребит белую ткань парашюта, на котором капсула спустилась из космоса. Прямоком с зависшей на орбите международной космической станции.

Один из космонавтов откидывается на спину и устало улыбается в камеру. Он снимает шлем, подшлемник и с наслаждением вдыхает прохладный воздух казахстанской степи. Его мокрое от пота лицо — на весь экран. Внезапно улыбка сменяется гримасой напряжения. Мужчина тяжело кашляет. Люди вокруг него озабоченно машут в сторону руками. Подбегает бригада медиков. Я замечаю в нижнем углу экрана телевизора дату трансляции новости — 15 мая 2020 года.

Картинка меняется. Еще один новостной репортаж. Я вижу журналиста, молодую деловитую девушку в накинута на плечи белом халате. Она вещает из приемной больницы.

— ... состояние нашего космонавта Бакира Токтарова остается стабильным. Врачи центральной клинической больницы города Алматы делают все возможное, чтобы прояснить диагноз заболевания. По предварительным данным, которые мы получили от представителей больницы, космонавт может страдать от острого бронхита, вызванного перепадами температур на космической станции и снижением иммунитета от воздействия солнечной радиации. Мы будем держать вас в курсе...

Краем глаза я замечаю дату — 17 мая 2020 года.

Следующая новость. Та же девушка — репортер. Рядом с ней стоит долговязый худой мужчина в белом халате. Он то и дело проводит рукой по влажному от выступающего пота лбу. Мужчина заметно нервничает.

— Пожалуйста, сообщите зрителям канала КТК, имеются ли изменения в состоянии пациента? И был ли поставлен окончательный диагноз? — задает вопрос девушка.

— Ммм..., состояние пациента вызывает у нас тревогу. Были выявлены новые симптомы, которые требуют дополнительного изучения и анализов...

— О каких симптомах идет речь? — перебивает врача девушка.

— Ммм..., - мужчина растерянно смотрит в объектив камеры, снимает очки и трет покрасневшую переносицу, — неудержимый кашель, температура, потливость и головные боли у пациента прошли. Теперь мы имеем дело с симптомами другого рода: с сыпью, диареей и рвотой, весьма нетипичными для предполагаемого диагноза. Мы отправили пробы для анализов дерматологам и аллергологам республиканской клинической больницы в столице. У них есть нужное оборудование. Они проведут свои исследования и сообщат нам о них в ближайшее время. Пока результаты анализов не готовы, мне трудно говорить определенно...

— В обществе есть мнение, что Бакир Токтаров мог заразиться новым видом вируса, привезенным на землю из космоса, и еще не известным науке. Как вы относитесь к подобным слухам?

— Это вряд ли, — нервно смеется мужчина, — ерунда и домыслы. Нам нужно еще

время, чтобы хорошо во всем разобраться. Я уверен, что со дня на день у нас будет полная картина заболевания и с этими слухами будет покончено. Мы также связываемся с врачами в Хьюстоне и Пекине, куда были отправлены два других космонавта, у которых были выявлены аналогичные симптомы. Они обещали предоставить нам результаты своих исследований, как только они будут готовы...

Его речь запинаяется. Мужчина притрагивается к губам, слегка кашляет, прочищает горло. Потом кашляет снова и снова, пока кашель не скручивает его пополам. Лицо врача при этом краснеет от напряжения, а глаза наливаются кровью. Перед тем, как передача прервалась, я замечаю дату трансляции — 30 мая 2020 года.

Картинка на телевизоре схлопывается и снова оживает. Опять новости. Я сразу обращаю внимание на нижний левый угол экрана — 2 июня 2020 года.

На экране — знакомая репортерша. Она стоит у широких стеклянных дверей в большое здание. Я знаю, что это та же больница, что и в предыдущих выпусках новостей. Лицо девушки наполовину закрыто медицинской маской. За ее спиной из дверей непрерывным потоком выходят люди. На лице каждого из них такая же белая с зеленым маска. Несмотря на полузакрытые лица, я замечаю, что люди напуганы. Страх виден в их глазах и по тому, с какой почти панической торопливостью они покидают здание клиники.

Репортерша смотрит в камеру. Она говорит, но так как нижняя часть ее лица скрыта маской, кажется, что это голос другого человека за кадром, а девушка лишь молча стоит перед камерой.

— ... после того, как у пятерых врачей и медсестер, работавших в отделении интенсивной терапии, где проходил лечение заболевший космонавт, были выявлены похожие с пациентом симптомы, в отделении был объявлен карантин. По нашим данным, все заболевшие оставлены на лечение и врачебный мониторинг в том же отделении. К сожалению, все наши попытки связаться с администрацией клиники не увенчались успехом. Мы обратились к городским властям за комментариями, но они отказались от интервью. Как вы видите за моей спиной, несмотря на то, что карантин был объявлен только в одном отделении, персонал и пациенты всей клиники покидают территорию больничного комплекса. Давайте попробуем поговорить с кем-либо из них...

Репортер поворачивается к дверям, выискивая глазами нужного человека.

— Здравствуйте. Вы не будете против ответить на несколько вопросов для зрителей КТК? — обращается она к торопливо семенящей по ступеням женщине. Она волочит за собой девочку лет четырех. У девочки в правой руке болтается снятая с лица повязка. Она тянется к репортерше и с интересом смотрит в камеру.

— Нет! Нет!!! — испуганно отстраняется от журналиста женщина, резко дергая девочку за руку, — не волочись! Быстрее! — командует она дочери. Обернувшись назад, она замечает, что девочка держит повязку в руках. Женщина замирает. Ее глаза над маской расширяются. — Не снимай это!!! Не снимай!!! Одень обратно!!! — кричит она, выхватывает маску из рук дочери и крепко завязывает ее на голове девочки.

Репортерша поворачивается в другую сторону и направляется к только вышедшему через двери худощавому мужчине в больничной рубашке. В отличие от остальных — он без маски и никуда не бежит, а спокойно останавливается у края крыльца и неторопливо закуривает. Широкая саркастичная улыбка расплывается на его смуглом, изрезанном глубокими морщинами лице.

— Здравствуйте! Вы не будете против ответить на несколько вопросов для зрителей

КТК? — задает вопрос журналист.

— Ничего не имею против, — глухим басом отвечает мужчина, выдыхая сигаретный дым из ноздрей.

— Вы пациент больницы?

— Да. Из хирургии.

— Вы можете с нами поделиться, что происходит в клинике?

— Могу, — отвечает он, плотоядно осматривая стройную фигуру девушки.

— По нашим сведениям, все пациенты и персонал покидают комплекс из страха заразиться неким неизвестным вирусом, которого называют «космическим». Что вы можете сказать по этому поводу? Это правда? — затараторила вопросами репортер.

— Это правда, красавица! Народ перепугался. Все в моем отделении разъезжаются кто куда. К вечеру, думаю, никого не останется. Говорят, что врачи заразились. Всех держат в карантине. Но это не помогло. Слышал, что и в других отделениях люди тоже стали кашлять, — неторопливо, растягивая гласные ответил тот.

— А вы не боитесь заразиться?

— Нет. Я уже ничего не боюсь. Я онкологический и мне терять нечего. Да и идти тоже некуда. Останусь тут. Посмотрю своими глазами, чем все закончится.

— А что вы слышали о заболевших?

— Ну... может это слухи, но в больнице говорят, что все началось с того космонавта. Вроде как он заразил врачей, а потом врачи заразили больных. Еще говорят, что космонавт этот покрылся сыпью и волосы его выпали. А потом он вовсе впал в кому...

Интервью прерывается нарастающими звуками сирен. Камера поворачивается в сторону автомобильной парковки возле главного входа в клинику. От дороги к больнице поворачивает череда автомобилей: выкрашенный в зеленое военный грузовик с тентом, сопровождаемый несколькими полицейскими легковушками. Автомобили на большой скорости преодолевают несколько десятков метров по территории парковки и останавливаются у главных ворот комплекса. Из грузовика, словно попкорн из сковородки, выпрыгивают люди в камуфляже и оружием наперевес. На лице каждого бойца — противогаз.

— Выключите камеру, — на мгновение в кадре показывается высокий мужчина в черном костюме. Трансляция тут же прерывается.

Телевизор снова оживает. Аккуратно причесанная девушка — диктор вещает из броско оформленной студии. На ее лице — повязка. Внизу экрана — 14 июня 2020 года.

Она ловко чеканит слова, нанизывая их в складные предложения.

— Теперь уже никто не сомневается, что мы имеем дело с неизвестным пока науке видом вируса, привезенным с международной космической станции. В настоящее время все ведущие лаборатории мира усиленно занимается его изучением и поиском вакцины. Но для этого понадобится время. По данным властей, зараженных в городе Алматы насчитывается от пятнадцати до тридцати тысяч. Многие специалисты сомневаются в верности таких цифр. Ими называются цифры в пятьдесят и даже семьдесят тысяч. По их мнению, число зараженных растет каждый день в геометрической прогрессии, и мы имеем дело с крупномасштабной эпидемией, быстро распространяющейся по всей республике. Наши корреспонденты из других регионов Казахстана сообщают о похожих заболевших в Шымкенте, Кызылорде, Караганде, Астане и Атырау. По сведениям, полученным от CNN и CCTV, аналогичные вспышки заболеваний зафиксированы в США и Китае, то есть в те

странах, куда были отправлены двое других космонавтов с того злополучного полета. С сожалением сообщаем, что и редакция КТК не избежала последствий эпидемии. Наш специальный корреспондент, Мирослава Корчевская, проводившая репортаж из клиники, где был размещен Бакир Токтаров, стала одной из жертв так называемого «космического вируса». Мы держим постоянную связь с ее родными и надеемся на ее скорейшее выздоровление.

Диктор поправляет на глазах очки и выдерживает паузу.

— Сегодня в редакцию поступило официальное сообщение Министерства по чрезвычайным ситуациям, которое мы уполномочены распространить. Каждый, кто чувствует следующие симптомы: повышенную температуру, кашель, потливость и головную боль, тому необходимо немедленно обратиться в ближайшее медицинское отделение для направления в карантин, где будет оказана неотложная помощь и обеспечено наблюдение. Также министерство рекомендует гражданам оставаться в домах и без веских причин не выходить на улицу и места скопления людей. Для защиты от вируса рекомендуется носить повязки и не контактировать с зараженными. Предприятиям предписано распустить работников и позволить им остаться в домах проживания. Все государственные учреждения, организации образования и муниципальные заведения будут закрыты начиная с завтрашнего дня вплоть до дополнительного уведомления...

Девушка наклоняет голову, прислушиваясь к сообщению в наушнике, скрытом за ухом. На невозмутимом лице ведущей проходит рябь недоверия и изумления.

— Только что мы получили весьма неоднозначное сообщение о том, что произошли изменения в состоянии Бакира Токтарова... Я не совсем понимаю, о чем может идти речь, и заранее прошу прощения за возможное недоразумение..., но как следует из полученной информации, пациент вышел из комы и..., я повторяю, что это, скорее всего, недопонимание и недоразумение... Вышел из комы и... напал на медиков. Предварительно в результате укусов пациента, повлекших разрыв глотки и брюшной полости, погибли трое врачей и две медицинские сестры. Также от рук..., вернее зубов... Токтарова погибли двое военных, охранявших отделение. Пациент прорвался через карантин и в настоящее время его местонахождение неизвестно... Внешность Токтарова претерпела изменения. По сведениям очевидцев, он полностью лишился волосяного покрова на голове, его кожа приобрела белесый оттенок, и он передвигался на четвереньках...

Сигнал прерывается. Белый шум. Я смотрю в экран и жду продолжения. Через мгновения экран оживает.

Снова та же девушка — диктор из предыдущих новостей. Знакомая студия. Метка — 29 июня 2020 года. На этот раз девушка не кажется аккуратной и уверенной. Ее правильно поставленный голос срывается. Она напугана. Я вижу страх в ее глазах поверх маски. Студия теперь выглядит заброшенной. Телевизионные панели позади ведущей отключены. Неоновая подсветка широкого изогнутого стола нервно моргает и гаснет.

— Наш канал уполномочен сообщить, что по решению правительства в стране вводится чрезвычайное положение и круглосуточный комендантский час. Всем гражданам следует сохранять спокойствие, оставаться в домах и ждать прибытия помощи. Эпидемия находится под контролем служб чрезвычайного реагирования и гражданам предписывается..., - девушка запинаясь, берет в руки лист бумаги, с которого читает текст, комкает и бросает в сторону.

— Какой бред!!! — выкрикивает она, — я не буду читать это, — она смотрит куда-то за

камеру.

— Дорогие казахстанцы, — продолжает она после паузы, — очевидно, что эпидемия так называемого «космического вируса» захлестнула всю страну. Даже не страну, весь мир. Вы все об этом знаете. Достаточно взглянуть в окно. Я не буду тешить вас надеждами. Просто скажу — спасайтесь сами. Никто нам не поможет! Правительство капитулировало и разбежалось. Никто не предпринимает никаких мер по борьбе с эпидемией. Теперь каждый сам за себя. Все что ясно на данный момент, так это то, что вирус передается воздушно-капельным путем, а также через кровь. Первые симптомы заболевания похожи на обычную простуду: кашель, температура, потливость. Приблизительно через две недели после инфицирования указанные симптомы полностью прекращаются и появляются другие: ярко выраженное раздражение кожи, диарея и рвота. Также инфицированные лишаются всего волосяного покрова, кожа приобретает белесый, даже прозрачный вид, они бредят, перестают реагировать на внешние раздражители, а после впадают в кому. Приблизительно через две недели после погружения в кому, зараженные приходят в себя. После пробуждения инфицированные теряют какую-либо человеческую идентификацию, становятся крайне агрессивны и опасны для окружающих. Передвигаются они четвереньках. При этом, они обладают невероятной силой и быстротой в движениях. Если кто-то из ваших близких заражен, то вам следует немедленно прекратить любые с ними контракты, тем более на последней стадии инфицирования... Это может звучать жестоко, но для того чтобы выжить, вам возможно придется избавиться от инфицированных... В любом случае оставайтесь дома и никого не впускайте. Запасайтесь пропитанием и водой. И да поможет нам бог...

Сигнал прерывается. Я лежу на диване и продолжаю непонимающе смотреть на черный экран потухшего телевизора. Потом я перевожу взгляд на двух крошек-дочурок, пяти и трех лет. Они играют в куклы на ковре, расстеленном между зоной кухни и гостиной, и теперь обе вопросительно смотрят на меня. Потом я ловлю взгляд супруги. Она занимается ужином и также обернулась в мою сторону. Ее лоб пересекли ряды озабоченных складок, а руки с мокрыми овощами замерли в воздухе. Стало так тихо, что я кажется слышал, как капли воды срывались с помидоров и тяжело падали на кафель. Подкоркой сознания, самыми кончиками волос на руках я ощущал приближение чего-то жуткого. И совершенно необратимого, словно волну разрушительного цунами, накатывающую на тропический остров. А я со своей крохотной семьей стою на прекрасном песчаном пляже, возле цветастого лежака и широкого зонта, в руках — пинаколада и крем от солнечного ожога. И смотрю в темнеющий океан, который накатывается на нас огромной стеной. Бежать некуда и поздно. Оставалось только оцепенело смотреть ее стремительное приближение.

И тут я слышу, как откуда-то снизу за окном, тишину, словно хрустальный бокал, разбивает истеричный женский визг и странный скрипящий вопль, вибрация от которого неприятным эхом отдается в ушах. Я, словно встревоженная пружина, поднимаюсь со своего места, подхватываю на руки притихших девочек и направляюсь к супруге.

— Что это? — испуганно спрашивает меня она, всматриваясь в черный квадрат окна.

Я ничего не отвечаю. Подхожу и встаю рядом. Девочки тесно прижимаются ко мне и чувствую их сладкое от конфет дыхание и ощущаю биение их крохотных сердец. Мы вглядываемся в очертания ночного города, вплотную прислонившись к кухонному шкафу, чтобы быть поближе к окну.

Наша квартира — на самом верхнем этаже жилой высотки, а окно кухни расположено на торце здания, из которого открывается широкий обзор на новую часть города с десятками кварталов строящихся и уже заселенных зданий. Мне подобный вид нравится. Он мне напоминает о старой мечте жить где-нибудь на Манхеттане, в Гонг-Конге или Дубай. В одном из небоскребов на высоком этаже и вечерами наблюдать за переливом мириадов огней у подножия своего убежища, чувствуя себя посреди пульсирующего океана людской жизни. Но супруга на такой вид ворчит и жалуется, что не любит смотреть, пока готовит еду, на копошащихся на огромной стройке внизу строителей и унылую вереницу их жилых вагончиков. Но теперь такой обзор позволяет нам рассмотреть, что происходит в городе.

По началу мы ничего особенного не замечаем. Привычный ночной пейзаж городского муравейника, череда огоньков от машин по широкой шоссе, обрамляющей городскую окраину и уходящей далеко на восток по направлению к аэропорту.

Но тут, сразу внизу, под нашим окном, мы замечаем, что заставленную автомобильную парковку пересекает большой светлый внедорожник с включенными фарами. Он едет намного быстрее, чем разрешено передвигаться по территории нашего жилого комплекса. Даже быстрее, чем обычные лихачи, распугивающие тревожных мам с детскими колясками.

Машина проскакивает мимо ряда мусорных контейнеров, подняв в воздух пару пустых пластиковых пакетов, и пролетает под высоким фонарем, свет которого позволяет разглядеть, что за лобовое стекло внедорожника зацепилось какое-то существо. Вроде человека без одежды... Или животного? Собаки? Обезьяны...?

В моем сознании я немедленно связываю это существо с новостями по телевизору и вспоминаю слова дикторши "...лишаются волосяного покрова..., кожа приобретает белесый вид..., после пробуждения теряют человеческую идентификацию..., становятся крайне агрессивны и опасны..., передвигаются на четвереньках..., обладают невероятной силой и быстротой...".

Приглядевшись я замечаю, что существо в яростных конвульсиях бьется в лобовое стекло, пытаясь прорваться внутрь салона. Автомобиль продолжает движение и через несколько метров на полном ходу врезается в припаркованный седан, отбросив существо далеко на асфальт. Седан по инерции касается соседнего автомобиля и оба разражаются обиженным ревом сигнализации.

Через мгновение водительская дверь внедорожника открывается и наружу выходит женщина. Она шатающейся походкой обходит свой автомобиль и подходит ближе к лежащему существу. Даже с высоты двенадцатого этажа я замечаю, что женщина испугана. Ее тело трясется, а голова покачивается из стороны в сторону, словно она не может поверить своим глазам.

Внезапно женщина дергается и кидается обратно к машине. Существо на асфальте поднимает безволосую голову, рывком встает на нижние конечности и издает знакомый

скрипящий вопль. Женщина успевает скрыться в автомобиле и захлопнуть за собой дверь, прямо перед тем, как существо снова накидывается на внедорожник, а потом лбом и всеми четырьмя конечностями пытается раздолбать стекло и добраться до жертвы.

Мы в оцепенении наблюдаем за разворачивающейся внизу драмой и молчим. Рука супруги крепко охватывает мою и сильно сжимает. Краем глаза я отмечаю, что ее лицо бледнеет, а губы искривляются в гримасе ужаса.

Тишину прерывает старшая дочь.

— Папа! Кто это?!! Кто это, папа?!! Почему дядя хочет обидеть тетю? — высоким взволнованным детским голосом спрашивает она.

Я ничего не нахожу в ответ и продолжаю смотреть вниз, наблюдая как лобовое стекло, наконец, поддается под натиском животного и разбивается вдребезги, позволяя тому ворваться в салон внедорожника. Автомобиль раскачивается. Ночь раздирает безумный агонизирующий женский крик, сливающийся по тональности с ревом автомобильных сигнализаций, на который я, наконец, реагирую. Почти бессознательно. Каким-то нелепым и бессмысленным образом. Я отпускаю детей с рук и трясусь от страха и негодования, забираюсь ногами на кухонный шкаф, не обращая внимания на протесты супруги, открываю настежь окно и всей силой легких не своим голосом выкрикиваю вниз.

— Отвали-и-и от не-е-е-е-ё!!! Уро-о-о-о-о-од!!!!!!!!!!

Мой выкрик зычным эхом отдается по всей округе, пересилив сирену сигнализаций. Внедорожник внизу замирает и через секунду из него выбирается то серое существо. Оно одним ловким пружинистым движением взрослой гориллы запрыгает на крышу автомобиля и задирает голову вверх. По направлению к моему окну. С высоты моей квартиры я отчетливо вижу его злобную звериную морду, перепачканную красным, кровью несчастной жертвы. Пара сверлящих темноту желтых глаз свирепо смотрят на меня. Прямо мне в глаза!!!

Осознав, что я натворил, я в страхе закрываю окно, спрыгивая со шкафа на пол и с сожалением смотрю в глаза своей супруге.

— Зачем? — трагичным шепотом спрашивает она, протягивая руки к детям.

В ответ я лишь растерянно пожимаю плечами.

И принимаясь лихорадочно размышлять. В голове с бешеной скоростью проносятся вопросы, сомнения, образы, варианты, предположения, сожаления:

— закрыта ли входная дверь?

— прочны ли окна?

— а стекла?

— фрамуги лоджии в детской?

— ручка закрытия окна в спальне сломана и держится на скотче (как же так?!! надо было давно вызвать мастера);

— нет, то существо не сможет забраться на наш двенадцатый этаж, слишком высоко;

— а если оно пойдет через подъезд? Но ведь оно — просто тупое животное? Как оно догадается куда заходить и в какую дверь ломится?

— тупое животное? А вдруг нет? Откуда ты знаешь? Это инфицированный человек. Не все же человек!

- "...после пробуждения теряют человеческую идентификацию... становятся крайне агрессивны и опасны...".

- "...теряют человеческую идентификацию...". Что это значит?

— хорошо. Дверь. Входная чертова дверь! Самое слабое звено! Она из дешевой жести

китайского производителя, установленная застройщиком, которую мы так и не поменяли на более надежную. Мы живем в этой квартире уже третий год и я мог бы в любое время заменить ее. Сколько раз я выкидывал рекламные объявления “надежные двери со скидкой”, “защитите свой дом и спите спокойно”, “от заказа до установки — пять часов”. И дело было даже не в деньгах. Просто лень. Идиот!!!

— что я могу использовать в качестве оружия. Швабру? Она прислонена к задней стенке в ванной комнате;

— Тяжелый гаечный ключ? Он упакован в набор “сделай сам” вместе с кучей других инструментов, который я храню в шкафу слева от входной двери;

— Не пойдет. Все не то...;

— Мама! Она далеко! На другой стороне страны. В трех тысячах километрах от нас. Что будет ней, если она окажется в подобной ситуации?

— А друзья? Коллеги с работы? Завтра на работу... Какая на хрен работа?!!

Продолжая размышлять, я решаюсь снова забраться на кухонный шкаф и взглянуть вниз. То, что я там увидел заставило мое сердце замереть, а после заколотится в бешеном ритме. То существо ловкими прыжками, цепляется от карниза одного окна к другому, забирается по отвесной стене нашего двенадцатиэтажного здания.

И еще! Я заметил, что со стороны пустыря за мусорными контейнерами перед большой стройкой к нам стремительно приближаются еще несколько серых пятен, отчетливо видимых в свете вышедшей из-за туч луны. И вот они подбегают совсем близко, так что я могу отчетливо разглядеть их бегущие на четвереньках, словно собаки, обнаженные и безволосые фигуры. Они легко перепрыгивают через контейнеры, на мгновение останавливаются, задирают морды вверх, обращая ко мне свои жуткие желтые глаза, а потом кидаются на стену моего дома, цепляясь за карниз окна и следуя за первым. Который уже где-то на уровне пятого или шестого этажа.

— Что там?!! Что?!! Он там?!! Он нас достанет?!! Да?!! Да?!! — кричит супруга и слышу истерические нотки в ее выкрике.

Я бросаюсь обратно в комнату. Несколько секунд в нерешительности смотрю по сторонам. Супруга хватая меня за обе руки и смотрит прямо в глаза, продолжая повторять и повторять свои вопросы.

— Да. Прячьтесь с детьми в ванной и запирайтесь, — упавшим, трясущимся от волнения и страха голосом отвечаю я.

— Как?!! Не-е-е-е-е-т!!!! - она начинает плакать, бросается к детям, собирает их в руках, потом отпускает, кидается то в одну сторону, то в другую. Она — в панике!

Я же рывком хватаю всех за руки и бросаю в ванную комнату. Потом включаю там свет и громко захлопываю за ними дверь.

— Оружие! Оружие!!! Что мне использовать?!! Что же делать?!! — бормочу я себе под нос, ощущая, что трясусь всем телом. Вспотевшие руки беспомощно сжимаются. Спазм сковывает горло. Волосы на затылке поднимаются.

Мой взгляд падает на раковину, где супруга оставила большой кухонный нож. Я немедленно хватаю его и крепко сжимаю в кулаке. Замираю, весь внутренне сжавшись и приготовившись. Смотрю в окно, не моргая.

Я — статуя воина перед сражением.

Я — спартанец перед битвой на Фермопилах.

Я — несчастный глупец, вооруженный кухонным ножом против толпы жутких зверей.

Я — муж и отец.

Я — это все что есть между монстрами, пробирающимися в мой дом, и хрупкой девушкой с двумя крохотными детьми в ванной комнате.

Я — последняя надежда!

Я — должен защитить!!!

Секунда проходит за секундой. Окно остается нетронутым. Тишина. Абсолютная тишина! Только оглушительно громко капает вода из крана. Словно весь мир занял свои места в грандиозном коллизе, замер в ожидании и смотрит на меня, ожидая финальной развязки.

И тут я слышу шум. Замечаю серу лапу, цепляющуюся за край окна. Мерзкое животное подтягивается снизу и устраивается на внешнем карнизе. Теперь я могу вблизи рассмотреть его. Существо внешне похоже на человека. Голова, туловище, пара рук и ног. Но, несмотря на такое сходство, человеком оно уже не было. У него почти прозрачная серая кожа, через которую просвечивают мышцы и кости. Оголенный череп в синих разводах вен. Оскаленная крысиная морда. Искривленный, вымазанный кровью рот. И жуткие желтые глаза, источающие лютую ненависть.

Зверь смотрит на меня и часто и тяжело дышит. В двух метрах от меня. Нас отделяет лишь тонкое стекло. В моей голове уже нет никаких мыслей. Полное и глухое оцепенение.

Я — статуя древнегреческого бога, обреченного на гибель.

Я — таракан, которого вот-вот прихлопнет огромная нога гигантского слона.

Я — песчинка в бушующем урагане.

Чудовище не двигается и продолжает смотреть на меня, и мне приходит в голову предательски трусливая мысль, что, может быть, он не станет нас трогать и уйдет.

Но стоило мне так подумать, как существо поднимает морду вверх, завывает своим оглушительным скрипящим воем и ударяет лбом в стекло.

Еще и еще.

Еще и еще!!!

Стекло и рама трещат, но держатся. Хотя я помню, что случилось с лобовым стеклом той несчастной женщины на белом внедорожнике.

Удар!

УДАР!!

Еще УДАР!!!

Теперь к ним добавляются удары длинных жилистых рук.

Я думаю, может быть, мне стоит резко открыть окно и скинуть монстра вниз одним уверенным ударом.

Но не решаюсь.

Наконец стекло не выдерживает и трескается. Все больше и больше, пока не появляется дыра. Стекла сыпятся внутрь, осколки режут руки животного, но он и не думает останавливаться.

Я — глоток чистого воздуха в газовой камере!

Я — полевой цветок перед ножом косильщика!

Я — последний кусочек пирога для идущего на казнь!

Я жду!

Я готов!!!

Давай!!!!

Позади раздается треск. Я готовился встретить врага из кухонного окна. Но видимо остальные звери подошли ко мне через тыл, проникая в квартиру через детскую, которая выходит на остекленную широкими окнами лоджию.

Я медленно отхожу на середину комнаты и смотрю вглубь детской, убедившись, что мои подозрения оправдались. Трое таких же чудовищ раздирали стекла лоджии. Один успевает пробраться внутрь и принимается за окно двери.

Раз, два, три, четыре, пять,
Хочешь в прятки поиграть?

Я глаза закрою быстро

До пяти считаю чисто,

А потом пойду к тебе,

Метку сделаю себе:

Где ходил, за кем, когда?

Кому он нужен иль нужна?

Будут ли искать тебя

Иль забудут навсегда?

Первый уже внутри. Он прыгает на пол кухни и готовится к следующему прыжку. Прямо на меня. Остальные тоже пробираются через обломки дверей и окон балкона в детской.

Еще секунда!

Еще чуть-чуть...

И все будет кончено...

Я зажмуриваю глаза... и...

просыпаюсь...

Средний палец

Я — в своей кровати. Рядом спит супруга. Между нами, широко раскинув руки и ноги, храпит старшая дочь. У ног, найдя уголок и скомкав одеяло под живот, сопит во сне младшая.

Проснулся я сразу, резко, без обычной утренней сонливости. Я моргаю глазами, осматриваюсь, пытаюсь в полной мере осознать себя в новом пространстве. Белый потолок. Тишина. За окном занимается рассвет, освещая небо первыми розовыми лучами.

Тело неприятно холодит утренний бриз из полуоткрытого окна. А я весь мокрый от пота. Перед глазами все еще стоит картина из сна, как на нас нападают чудовища, а в ушах звенит от грохота ломающихся окон и разбивающихся вдребезги стекол. Именно в этой квартире. Именно тут....

Я вспоминаю свой ночной кошмар и восстанавливаю все в мельчайших подробностях. Удивительно точно и ярко картинки всплывают в моей памяти. Как будто и не сон это был, а реальность. Я никогда не видел подобных снов. Ярких и неотличимых от яви. Совсем никогда за свою сорокалетнюю жизнь.

Какие угодно, но только не такие. Даже когда сильно уставал и испытывал сильные волнения. Даже в детстве, когда летал, когда рос. Или в подростковом возрасте с первыми эротическими снами. Этот ночной кошмар был совершенно другим. Он был пугающе настоящим.

Может быть схожу с ума. Говорят же, что цветные сны видят только шизофреники. А мой сон был без сомнения цветной! Еще какой цветной!!! Супер-дупер 5Д IMAH с погружением в виртуальную реальность.

Я на шариваю на прикроватной тумбочке айфон и проверяю время.

7.15 утра. 15 мая 2019 года.

15 мая... 2019 года....

Эти цифры вспыхивают в моем сознании. Они что-то значат. Что-то очень важное. 15 мая. 2019 года.

Я пытаюсь понять почему. Что же есть такое важное в этих цифрах...?

И тут меня настигает озарение и я вспоминаю первый телевизионный репортаж, который я смотрел по телевизору во сне. Степь. Космонавты. Мокрое от пота лицо. Кашель. И дата — 15 мая 2020 года. Да-да!!! Именно!!! Ровно через год с сегодняшнего дня!

Какое странное совпадение. Какой странный кошмар...

Я осторожно встаю с кровати, чтобы не разбудить родных и решаю записать свой сон на бумагу, пока все хорошо помнил. И каким-то инстинктом я понимаю, что это очень важно — все точно записать. Каждую деталь. Каждую мелочь. Тем более эти даты... Да..., даты... Они — самые важные!

Несколько минут я мечусь по квартире в поисках бумаги и ручки и невольно в страхе осматриваясь. На то самое кухонное окно, которое сейчас стояло целое и невредимое, с видом на ту самую стройку, парковку, мусорные баки и на раскинувшееся позади застраиваемые улицы. На детскую комнату с лоджией. На игрушки выставленные в ряд на неиспользуемой девочками кровати. На надувного ослика, прислонившегося к двери. На россыпь прилепленных к стене флуоресцентных звездочек. На маленький детский шкаф с аккуратно сложенной одеждой (сколько усилий мне требовалось, чтобы добиться от детей

такого порядка!)

Странно. Все очень странно...

Чистый лист бумаги нашелся среди кипы детских раскрасок, а ручку я заменил красным карандашом. Все равно. Нужно как можно быстрее все записать. И стремительным неряшливым почерком я восстановил весь свой ночной сон, почти без промедления и пауз, словно рука моя двигалась без участия сознания, движимая какой-то неведомой силой. Про репортажи, космонавтов, больницу и эпидемию. Про симптомы заражения, кашель, температуру, потливость. Про две недели после которых начинались раздражение кожи, диарея, рвота, потеря волос и кома. И еще через две недели — пробуждение в облике зверя. И про то, что в итоге надежда была только на самих себя...

Закончив с делом, я устало выдохнул, встревоженный и испуганный, но все же с облегчением, что смог сделать важное дело.

Потом я вернулся в кровать, сжимая в руках исписанный листок бумаги. До времени, когда нужно идти на работу оставался час и можно было поспать минут тридцать. Я вытягиваю под одеялом ноги, ощущая, как меня накрывает волна щемящего чувства любви к семье. И страха, что я не смогу защитить их от того, что может произойти. От того, что было в моем ночном кошмаре.

И какое-то мерзкое чувство тяжелого предчувствия чугуновой плитой оседает внутри моего живота, заставляя руку судорожно сжимать исписанный клочок бумаги.

Я смотрю на своих родных. На супругу — молодую девушку двадцати шести лет: хрупкую, нежную, тонкую. Которая имела неосторожность, будучи юной девятнадцатилетней студенткой, семь лет назад выйти за меня замуж, за мужика на тринадцать лет старше, который успешно загрузил ее тяготами и невзгодами семейной жизни, к которым она была не готова. Она спит на самом краю кровати, предоставив больше места девочкам, укрывшись в маленькое детское одеяло. Ее рот смешно открыт. Вена на изящной тонкой шее едва заметно пульсирует. Кожа на лице будто светится изнутри. Она — красивая и незащищенная. Я бесконечно люблю ее.

Мой взгляд переходит на детей. Двух спящих девочек трех и пяти лет. Моих птичек. Мои кошечек. Моих пончиков! Я осторожно глажу их крохотные розовые ножки, мягкие, словно резиновые, пальчики на руках, провожу пальцем по курносому носику.

И стоило мне вспомнить сцену из кошмара, как я ничего не смог придумать лучшего, как запихать их в ванную комнату в нелепой попытке спасти от монстров, как пульс мой бьется быстрее, а на лбу выступает испарина.

На глазах наворачивается влага от бессильной злобы и обиды, перемешанной с тревогой и страхом. Я снова и снова прокручиваю свой сон от начала и до конца, пытаюсь понять его значение. Пока не прихожу к выводу что он значит ровно то, чем являлся. Предзнаменованием! Предсказанием! Знамением! Я должен его услышать и обязан подготовиться к тому, о чем он предупреждает. И на это, по странному стечению обстоятельств, есть ровно год!

Пусть это безумие, нелепость, паранойя. Мне плевать! Если так, то хорошо, пусть я буду безумцем и параноиком, как те сумасшедшие сектанты, вечно готовящиеся к концу света, который никогда не наступает. Но если есть хоть один шанс из миллиона, что это был пророческий сон, то я должен быть готов. Я не имею права бездействовать. Я должен защитить свою семью. Я не могу позволить кому-либо разбить вдребезги мое счастье и растоптать мою жизнь!!! В моих руках будет далеко не кухонный нож, если (когда) настанет

час икс, то врата в мое королевство будет охранять далеко не дешевая китайская дверь. Не на того напали, fuckers!!!

Я — древнегреческий воин на страже своего полиса.

Я — зеленый оазис в выжженной солнцем пустыне.

Я — ноев ковчег, спасающий человечество!

Я — нагло торчащий средний палец на руке об который вы все споткнетесь!!! И выкусите!!! ВОТ!!!

Рабочая неделя началась, как обычно. И к среде волнения той ночи начали терять свою изначальную остроту. Я помнил про обещание, данное себе в то утро, начать подготовку к часу ИКС. Про хрупкие окна, дешевую китайскую дверь, оружие... И несколько раз брал в руки исписанный красным карандашом лист бумаги, прочитывая неровные нервные строки.

Но в свете дня, находясь в офисе, болтая с коллегами за чашкой кофе, просматривая ленты социальных сетей и новостных порталов, листая бесконечный whatsapp чат бывших сокурсников, пытающихся организовать встречу выпускников, управляя автомобилем по знакомым городским улицам, покупая продукты в местном супермаркете, в общем, проживая рутину жизни обыкновенного работающего горожанина, идея о том, что мне нужно готовиться к глобальному апокалипсису казалась все более и более невероятной и нелепой.

К концу недели я совершенно растерял свой былой пыл и вся затея уже казалось глупой шуткой и недоразумением.

Какой, к чертовой матери, апокалипсис?!!

Какие монстры?!!

Какой еще гребанный космический вирус?!!

Тебе сорок лет!!! Ты живешь в реальном мире среди реальных людей. И в реальном мире люди не мутируют в чудовищ из-за вируса, подцепленного на международной космической станции! Это все из сказок, страшилок и фильмов ужасов. Но никогда про обычную жизнь, где люди ходят на работу, воспитывают детей, забывают скидочные карты и внезапно умирают от инфаркта.

Я — оплот стабильности и разума в вечно качающемся мире!

Я — верблюд идущий к прохладному оазису на водопой!

Я — грязь под ногтями человеческой цивилизации!

Я — соль земли, придающая вкус хлебу и ягодам!

Я — кровь и пот на спине черепахи, держащей на плаву мироздание.

К выходным я окончательно забыл про случившееся и свои безумные планы. Однажды, перед сном, когда я шарился в прикроватной тумбочке, то снова наткнулся на тот самый измятый исписанный листок, напоминающий о прожитом неделю назад кошмаре. Но на этот раз я решил его не перечитывать, а лишь раздраженно скомкал в руках в тугий комок и швырнул в мусорное ведро.

Но той ночью случилось нечто странное, что снова вывело меня из привычного русла.

Я проснулся посреди ночи будто от толчка. Часы на руках показывали начало четвертого. Я лежал на боку, чувствуя как онемело правое плечо от неудобной позы. Мой взгляд направлен на слегка колыхающиеся от сквозняка плотные шторы, заслоняющее приоткрытое окно. В последнее время я предпочитаю спать в темноте. Возможно, меня пугает свет луны, который некоторыми ночами освещает спальню так ярко, что становится не по себе. Еще я где-то прочитал, что при слишком сильном освещении в организме не вырабатывается гормон сна, что способствует бессоннице. Да нет..., дело у меня не про гормон сна, мне просто не по себе от яркой луны...

В это ночь лунный свет все же просочился в комнату через незашторенную щель с

правого края от окна. Этой щели хватило, чтобы спальня оказалась залита синеватым неоновым свечением. Именно таким, который меня и пугал.

Последние несколько недель я каждую ночь просыпаюсь среди ночи в похожее время. Между тремя и четырьмя часами. И всегда словно по выключателю — резко, грубо, без обычного перехода от сна к бодрствованию. В отличии, впрочем, от утренних пробуждений — тяжелых, долгих и мучительных. Говорят, что все дело в каких-то ритмах, что если проснуться в фазе быстрого сна, то пробуждение будет легким, а если в глубоком — то с трудом сползешь с кровати. А может это просто возраст...

И тут я чувствую лёгкое движение за спиной. Нервно развернувшись я обнаруживаю старшую дочь, сидящую на кровати между мной и спящей супругой. Я не вижу ее лица, только спину и плечи с рассыпанными по ним волосами. Моими обожаемыми гладкими и блестящими волосами цвета коры на молодом дереве.

Неприятный холодок проходится по моему телу. Что-то было странное в этом.

Почему она проснулась? Она всегда спит по-детски крепко и очень редко просыпается среди ночи. Ей всего пять и у нее еще нет причин для бессонницы. Почему она капризно не хнычет, как обычно делает при пробуждении?

Я в нерешительности замираю, продолжая смотреть на неподвижную дочь со спины.

С каждой секундой напряжения во мне нарастает. Да что — напряжение? Страх!!! Страх собственной малолетней дочери! Картина — типичный шаблон из дешевого фильма ужасов. Поздняя ночь. Спальня в серебряном лунном сиянии. Маленькая девочка, молча и не шелохнувшись сидящая на кровати. Она медленно оборачивается и...

Может быть я снова вижу дурной сон, подумал я. Но доказательством реальности происходящего было то, что тишину нарушало привычное сопение младшей дочери, которая спала возле матери с противоположной стороны кровати, возле незанятой детской кроватки.

— Котенок, что случилось? — наконец шёпотом решился спросить ее я, осторожно притронувшись к хрупкой спинке.

На какое-то одно жуткое предательское мгновение мне показалось, что вот сейчас она обернется на меня и окажется чем-то невообразимо пугающим и чужим: монстром, зомби, призраком, захватившим мою сладкую малышку.

Но она ответила.

— Папа... мне страшно..., - еле слышно сдавленным голосом произнесла она.

Я с облегчением выдохнул, убедившись, что в моего ребенка не вселился демон, но в то же время меня неприятно удивили ее слова. Даже не слова, а интонация с которой они были сказаны. Она казалась совсем не такой, как как обычно жалуются дети: капризно и плаксиво, манипулируя родительской любовью, чтобы получить свое. А по-взрослому серьезной.

— Почему тебе страшно? — как можно мягче спросил ее я.

— Страшный сон, папа..., - она повернула ко мне свое милое детское пухлое личико. И я окончательно убедился, что это была моя дочь, а не злобный инопланетный репликант.

— Что тебе приснилось, милая?

— Ну..., я..., ну..., как будто вот я... и ты... и мама...и ляля. Мы в нашем домике... Ну в этом домике...

Она шепчет, с трудом подбирая слова. Ее глаза широко раскрыты, губы мелко дрожат. И мое сердце обливается кровью от понимания того, что возможно впервые в своей жизни моя пятилетняя дочь по настоящему напугана.

Я продолжаю слушать, боясь перебить. Я хочу узнать про ее сон и что ее так напугало. И я смутно догадываюсь о том, что она мне сейчас расскажет. Эта догадка меня страшит. Я словно вижу, как издалека ко мне приближается огромный многотонный поезд. А я лежу посреди путей. Привязанный к рельсам. И понимаю, что сбежать у меня не получится. И времени нет. И сил. И некуда.

Я молю про себя, чтобы она рассказала мне какой-нибудь обычный детский сон. Пусть страшный для детского восприятия. Что-нибудь про говорящего плюшевого мишку, страшный дырявый носок или горький какао. Но я уже знаю, что надежды на это нет.

Дочь тянет ко мне руки и я обнимаю ее. Она не плачет. Ее лицо утыкается мне в плечо, а потом она поднимает голову вверх и смотрит на меня глазами, до краев заполненными страхом, ища защиты. Яркой вспышкой я вспоминаю свой старательно забытый кошмар, когда я точно также, как и сейчас, обнимал своих дочурок в попытке защитить, и ловил на своем лице их сладкое дыхание.

Она начала рассказывать. Слово за словом, стремительно приближая многотонный состав. Он гремит, искрит колесами, орет оглушающим гудком, и все набирает и набирает скорость.

Я — щепка, отлетевшая от обрушенного землетрясением здания!

Я — фитилек от свечи, потушенный тропическим ливнем!

Я — волосок, смываемый после душа в канализацию!

Я — старый японский автомобиль под прессом утилизатора!

— ... там были плохие люди... ну не люди..., а как чудища... такие страшные!!! Они сначала съели тетю внизу... там... где наша машинка. Тетя ехала, ехала, а чудище сидело на машине... хотело ее съесть, а потом тетя ударила машинку на другую машинку... ввуууухххх!!! Нуууу... все равно он тетю съел. А потом, ты, папа, крикнул чудищу, чтобы он не обижал тетю, а он стал злым на тебя... И начал лазать к нам... Прямо вот так... по дому... И еще — другие егонные друзья прибежали. И все начали тоже лазать к нам... Лазать и лазать... Ты, папа, нас с мамой и лялей спрятал в туалете. Мы сидели тихо-тихо. Мама плакала и хотела идти к тебе. Но потом осталась с нами, потому что нам лялей было страшно.... Мы слышали, как ты кричал. И чудища обижали тебя... и съели...

Поезд с безумным грохотом пронесся через мое несчастное тело, разорвав его на мелкие куски.

Несколько минут я молча сидел, размышляя, осознавая, пытаюсь понять, что это все значит и что делать дальше.

А потом рывком встал с кровати, прошел к кухне, достал мусорное ведро и на самом дне, под грудой отходов, нашел скомканный листок бумаги, исписанный мною неделю назад красным детским карандашом неровными нервными строками.

Что такое наша современная жизнь?

Выпуски новостей пять раз в день?

Просмотр нового youtube ролика от модного московского психолога, который вещает про шесть правил жизни?

Очередной террористический акт в Северной Африке?

Свадьба стареющей индийской суперзвезды и голливудского чудо-подростка?

Инстаграм-инфлюенсеры, рекламирующие супер гель для похудения?

Безглютеновый хлеб?

Безалкогольное пиво?

Безкофеиновый кофе?

Электронные сигареты?

Секс по вторникам и четвергам?

Поездка в Турцию в июле?

Чаты WhatsApp?

Цены на бензин?

Санкции?

Союзы?

Трамп?

Путин?

Саакашвили?

Меркель?

Зеленский?

Запуск спутников от Илона Маска?

Нотр-Дам в огне?

Что? Что?! Что?!!

Кажется наша жизнь незыблима, проста, тверда и однозначна. Кажется, что ничто и никто не может нарушить привычный ход вещей, разрушить наш знакомый мир. Ничто? Никто? Точно?! А может быть все это лишь тонкий слой сахарной пудры, покрывающий жирный, бурлящий, огненный бульон под ним, который в любое мгновение может прорвать хрупкую защиту, взорваться и разнести ко всем чертям всю кухню! Может быть стоит одному неизвестному науке вирусу попасть на землю со спорой, прячущейся в легких космонавта с международной космической станции, как вся наша цивилизация рассыплется, словно вавилонская башня?!!

С этими мыслями я еду на работу. Утро. Яркое. Красивое. Летнее. Свежее. Я опоздал поспешно включил компьютер на рабочем столе и создал видимость присутствия. А потом заперся в туалетной кабинке.

Теперь я сижу на закрытой крышке унитаза, слышу, как в соседней кабинке заканчивает свои дела мой коллега и жду пока останусь в туалете один.

Я сосредоточенно смотрю на шуруп, отошедший от крепления щеколды на двери кабинки. Он немного искривлен. Видимо его закручивали через силу и он все равно не вошел в дерево полностью как нужно. Я думаю об этом идиотском шурупе. О строителе, который закручивал его. Я представляю, как он напрягает руки. Как капля пота скатывается

по его лицу. Он хочет побыстрее закончить работу и пойти на перекур. Потом он матерится и бросает дело на пол пути. Оставляя шуруп незакрученным до конца! И даже не понимает, что если вдруг случится худшее и в этой кабинке будет прятаться человек, спасаясь от нападения монстров, то его халатная оплошность может стоить кому-нибудь жизни...

От нападения монстров!!!

МОНСТРОВ!!! ЗВЕРЕЙ! ЧУДОВИЩЬ!!! ЧУДИЩЬ (как назвала их моя дочь).

Теперь все. Не остановить. От этих мыслей не спастись. Черная вонючая жижа страха пробивает хлипкую плотину, состоящую из груды кривых шурупов, и обрушивается на зеленые, аккуратно возделанные поля, живописные деревеньки и луга мирной долины моей привычной жизни.

Так проходит минута, две, десять, пятнадцать, как я сижу и пережёвываю смердящие мысли в мозговой мясорубке, пытаюсь найти в ней хоть какой-нибудь свет и надежду. В туалет заходит кто-то еще. Он проходит через помещение с раковинами, открывает дверь и входит в соседнюю кабинку. Последующие звуки говорят о том, что сосед обосновался там на долго.

Я мог бы спустить воду унитаза и выйти из своего укрытия, не вызывая подозрений, но не решаюсь, продолжая сидеть на своем месте, не шелохнувшись, слыша каждый звук, издаваемый соседом. Тем временем тот принимается за свой смартфон. Раздаются щелчки клавиатуры и тишину нарушает звук видео новостей.

— Казахстан, США и Китай готовятся к предстоящему через несколько месяцев запуску очередной ракеты-носителя Falcon 9 с кораблём Dragon и грузом для экипажа Международной космической станции. Запуск произведется с космодрома Байконур в Казахстане. Космонавт Бакир Токтаров прибыл на испытательный полигон для прохождения необходимых процедур подготовки... — вещает хорошо поставленный голос мужчины — репортера.

КОСМОНАВТ БАКИР ТОКТАРОВ!!! Имя космонавта из моего сна! Международная космическая станция! Байконур!

Щелчок и телефон переключается на следующую новость. Что-то про беспорядки в Париже. Но я их уже не слышу. Потными руками я достаю свой смартфон и прокручиваю ленту новостей. Через мгновение нахожу, что нужно. Все сходится. Космонавт. МКС. Ракета-носитель. Запуск запланирован на 7 июля 2019 года.

Я несколько раз перечитываю строки новостей. Потом захожу на один из авторитетных англоязычных порталов. На главной странице ничего нужного. Но по поиску я обнаруживаю, что искал. Много про Илона Маска. Про успех компании SpaceX. И дальше про запланированный полет американского космонавта Дага Бенкена 7 июля 2019 года. Вместе с двумя другими космонавтами из Казахстана и Китая.

ВСЕ СХОДИТСЯ. ОШИБКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!!!

Я не сошел с ума. По какому-то непонятному стечению обстоятельств я умудрился увидеть сон, который оказывается пророческим! Еще моя старшая дочь! Она тоже видела во сне тот же самый! Если бы даже я сходил с ума, но уж точно не она — пятилетняя крошка! Странно! Непонятно! Жутко! Непостижимо! Но я был прав с самого начала, когда решил записать свой кошмар на бумаге, когда планировал подготовиться к часу икс. Заменить дверь. Усилить окна. Иметь под рукой оружие. Но и этого мало! Продукты! Вода! Альтернативные источники электричества! Запас лекарств! И много чего еще!!!

Кровь приливает к моей голове. Перед глазами плывут красные круги. От волнения мне

не хватает воздуха и кажется, что я задыхаюсь.

Пока я пытаюсь прийти в себя, сосед по кабинке заканчивает свои дела и уходит. Я же, наконец, решаюсь вернуться в кабинет и на большом стационарном компьютере тщательно изучить все, что можно по этому космическому полету. Но стоит мне прикоснуться рукой к дверной щеколде, чтобы открыть дверь, как в помещение заходит кто-то еще.

Я выругиваюсь про себя. Я хочу выйти из своего укрытия незамеченным.

Его шаги тяжелые. Шлепающие. Я замираю и весь обращаюсь в слух. Что-то совершенно не так с этими шагами. Все мужчины в нашем офисе одевают на ноги туфли. И ноги, одетые в туфли, шагающие по кафелю туалетной комнаты, издают совершенно другие звуки.

Тем временем шаги подходят ближе. И я улавливаю тяжелое дыхание. Частое. Хриплое. Звериное.

— Твою же мать!!! Что за фигня происходит!!!

В моей голове звенит. Колокола сталкиваются с друг другом, издавая чудовищную какофонию, разрывающую воздух на мельчайшие атомы. Я снова оказываюсь в своем ночном кошмаре. Монстры лезут по стене моего дома, вламываются в мою квартиру! Смотрят на меня с ненавистью своими жуткими глазами! Окружают меня, чтобы сожрать.

Но я же не сплю. Сейчас утро. Яркое. Красивое. Летнее. Свежее. Я в туалете своего рабочего офиса.

Как? Почему?!! Зачем?!!

Я что есть силы пальцами сдавливаю кожу на запястье, чтобы проснуться. Но ничего не меняется.

А потом дверь моей туалетной кабинки начинает греметь. С той стороны кто-то дергает ее, пытаясь открыть. Все сильнее и сильнее! Незакрученный шуруп на дверной щеколде дребезжит, шатается и падает на пол. Дверь опасно приоткрывается с верхней стороны. И я понимаю, что обречен. Ничего не остается, как выйти из убежища самому и глаза в глаза встретиться с тем, кто на той стороне.

Трясущимися руками я отвожу щеколду в сторону и резко открываю дверь.

И вижу... Марину. Техничку-уборщицу нашего этажа в офисе. Она в недоумении смотрит на меня. В одной руке швабра. В другой — ведро с водой. На ногах — резиновые мокрые калоши, которые и издавали те шлепающие звуки. А на лице — маска. Видимо простыла. Вот почему я слышал хриплое дыхание.

— Простите..., я решила тут никого нет. Дверь, думала сломалась. Я долго ждала снаружи! Никто не выходил..., - она краснеет, смущается и поспешно уходит прочь.

Я что-то бормочу в ответ. Негнувшимися ногами подхожу к раковине. Умываю ледяной водой лицо, пытаюсь охладить разгоряченные щеки. А потом, сделав глубокий вдох, выхожу из туалета...

Я подумаю об этом завтра

Рабочий день проходит стремительно, словно час за минуту. Я, как одержимый, вцепившись потной рукой в мышку компьютера, прилепившись глазами к монитору, выискиваю в Интернете любую доступную информацию о предстоящем космическом полете. Все найденное я скидываю в электронную папку облака google и распечатываю. Фотографии космонавтов. Их биография. Время полета. Запланированное время возвращения. Потом я внимательно шгудирую статью Википедии про МКС, ее историю, конструкцию, системы безопасности и особенности функционирования. Все сходится... Все, его дери, сходится!!!

По мере того, как я продолжаю копаться в своей теме, накапливаются рабочие обязанности. Приходят люди с вопросами, которых я отправляю назад, сославшись на занятость. Трезвонит рабочий телефон, который я не поднимаю. Множатся встречи, которые я отменяю. Копятся имейлы, которые я игнорирую.

Я просто выключаюсь из офисной жизни и отгораживаюсь от коллектива, который привык меня видеть приветливым, эффективным и отзывчивым менеджером. Коллеги недоуменно смотрят на меня, не узнавая. Шепчутся по углам. Но мне все равно.

Разве работа имеет значение? Уважение шефа и коллег? Профессиональная репутация? Зарплата? Уволят — не уволят? Когда менее, чем через год, вся человеческая цивилизация рухнет в тартарары?!! Хотя зарплата мне, наверное, еще нужна... Имеющихся сбережений в пятьдесят тысяч долларов может не хватить на основательную подготовку к часу ИКС (Может уехать на северный полюс? Высоко в горы? На необитаемый остров? Купить яхту? Я подумаю об этом завтра (прямо как Скарлетт О'Хара). Что-бы я не придумал, на все нужны деньги). Так что нельзя терять головы, нужно следующий день посвятить полностью работе и подчистить долги. Деньги — это важный ресурс, по крайней мере до часа ИКС. После — уже не думаю...

Где-то ближе к обеду, распечатывая десятую по счету новость о полете и двадцатую фотографию ракетносителя, я внимательно осматриваю своих коллег. Они сидят за рабочими столами, полукругом справа и слева от меня. Сосредоточенно смотрят в экраны мониторов. Сбитые с толку моей внезапной молчаливостью и замкнутостью. Не решаются спросить, что могло случиться, что столь разительно изменило мое поведение.

В нашем просторном кабинете с умопомрачительным видом на море через широкие панорамные окна нависла неловкая тишина. Только урчит воздух из сопел вентиляции и изредка клацают пальцы по клавиатурам. Чашки кофе из итальянской машины дымятся на столах. Фотографии детей улыбаются из рамок. Кто-то работает. А кто-то украдкой развлекается просмотром Youtube и интернет-шопингом.

Смешно. Нелепо. Гротескно. Жутко. С вероятностью 99,9 %, менее, чем через год, все они либо превратятся в кровожадных монстров, либо станут их едой.

Я — троянский конь, проникший в осажденный город!

Я — тупица, выигравший джек-пот в лотерее;

Я — Уилл Смит в "Я — Легенда", один — среди вымершего Манхэттена;

Я — безумец, вопящий — ВОЛКИ!!! ВОЛКИ!!!

У всех моих коллег, без исключения, есть семьи. Родные. Любимые. Мамы и папы. Жены и мужья. Дети. Братья. Сестры. Друзья. Может быть — любовницы и любовники.

Что мне делать? Предупредить их всех? И что они подумают обо мне? Ведь не поверят? Ведь точно, не поверят! До этого я задумывался предупредить только маму и несколько близких друзей. Но ведь я могу спасти больше людей. Всех, кого знаю!!! Всех коллег, знакомых...

Да почему только их?!! Я же могу выйти на уровень страны, связаться с республиканскими каналами и новостными порталами. Черт возьми, я ведь могу предупредить всех! Всю землю! Все страны! Я даже могу попытаться вовсе предотвратить трагедию. Могу убедить правительства не отправлять космонавтов в этот гребаный полет. Могу предоставить доказательства. Мои записи! Даааа... Записи сна... Записки сумасшедшего...

Смешно... Кто же поверит моему безумному кошмару, записанному на оборотной стороне детской раскраски красным карандашом. Представляю, как надо мной все будут смеяться. Выставляя идиотом. Очередным сектантом, поверившим в конец света, поющим песни и водящим хоровод в поле в ожидании прилета НЛО. Переселения душ. Спасения. Сколько таких было? Десятки! Сотни! Аум Сенрике. Пензенские затворники. Врата рая и секта Джима Джонса в Америке! И много-много других. Я сам всегда смеялся над подобными идиотами, верившими бреду умалишенных фанатиков про конец света, тративших все сбережения для постройки бункеров и убежищ, уходивших жить в отдаленные общины, кончавших жизни коллективными самоубийствами.

Что же теперь — сам стал таким же?!! Нет..., надо все обдумать, нельзя действовать сгоряча. Если буду трубить об этом на каждом углу, только сделаю хуже. Я подумаю об этом завтра (Спасибо, Скарлетт).

Попробую, для начала, рассказать жене. Посмотрим, как она отреагирует. Что скажет? Поверит ли? Или наоборот — разуверит меня. Она на тринадцать лет младше, из поколения девяностых, с совершенно другим складом ума. Еще она особо не заморочена, в отличие от меня. Я же многое принимаю близко к сердцу, всерьез, сильно увлекаюсь, читаю и изучаю, бывает кидаюсь в новое увлечение с головой. Будь то спорт, популярная психология, ведение Youtube влога или планирование путешествий. Часто хандрю. Ищу смысл жизни. Решаю экзистенциальные вопросы, которые никогда не смогу разрешить. Что-то постоянно хочу и куда-то стремлюсь. Рефлексирую. Она же просто живет. Смотрит сериалы. Песенные шоу на популярных каналах. Покупает новые босоножки и купальник к лету. Делает маникюр с педикюром. Заботится обо мне и детях. Вкусно готовит. Целует. Смеется. Любит. И она умеет приземлить меня на землю, когда нужно.

Вечером, забрав детей из детского сада, поужинав и отправив девочек играть в детскую (с планшетом), я решаюсь затеять разговор.

Как можно подробнее я рассказываю о своем ночном кошмаре. А после выкладываю на стол исписанный красным карандашом листок и распечатки новостей о предстоящем полете. Обращаю внимание на выделенные фломастеров подтверждающие мои предположения совпадающие факты: даты, имена, страны.

— Что ты хочешь этим сказать?!! — она не может сдержать усмешку, перебирая руками ворох бумаг.

Она в коротком жёлтом сарафане. Начало июня. Жара. И кондиционер не справляется. Она — хрупкая, нежная, загорелая. Я — экскаватор на ее фоне. Выше на голову. И почти в два раза шире и тяжелее. Ее каштановые волосы собраны в пучок. Вена пульсирует на изящной тонкой шее. За восемь лет брака я до сих пор хочу только ее. И ни разу не позволил

себе измены.

В любом другом случае, я бы не тратил время зря, а затащил бы ее в спальню, пока дети заняты.

Но сейчас мои мысли совсем не об этом.

— Я хочу сказать, что мне приснился пророческий сон, — отвечаю я, пытаюсь выглядеть как можно более серьезным и спокойным, — Через год. В мае 2020 года мир будет заражен неизвестным вирусом, который превратит население земли в чудишь (зачем я сказал чудишь? Прозвучало совсем по-детски).

— В чудишь? — теперь она уже не сдерживается и начинает смеяться. Смотрит на меня, словно на ребенка.

— Ты мне веришь? — терпеливо спрашиваю я, — я серьезно!

Она перестает смеяться. Пристально смотрит мне в глаза, осознавая, что это не розыгрыш.

— Так не бывает, — наконец после долгой паузы отвечает она.

— Что значит — не бывает?! Что, ты разве не видишь все сама?! Вот тут!!! — мой голос срывается в возмущении, я громко хлопаю рукой по кипе бумаг, — все тут написано. Разве ты не понимаешь?! Вот ЭТО я написал сразу после того как проснулся 15 мая. А вот ЭТО — новости неделей позже!!! Ты видишь?! Про полет?! Все сходится!!! — я тычу рукой в бумаги и испытывающее смотрю на нее.

— Ну... не знаю... может..., ты увидел мельком где-то эти новости и потом, ночью твое подсознание... — она растерянно переводит взгляд между заметками.

— Нет! Ничего такого не видел! Не читал! Никакой игры подсознания! Смотри! Я записал свой сон 15 мая 2019 года. Смотри, что у меня тут. Три космонавта на МКС. Из США, Китая и Казахстана. А вот настоящая новость неделей позже. Смотри дату — НЕДЕЛЕЙ ПОЗЖЕ! И пишут, что в тот же день было принято решение изменит изначальный состав экипажа из граждан США, Японии и Казахстана. То есть заменить космонавта из Японии, по состоянию здоровья, на космонавта из Китая. Неделей позже! Как я мог об это знать или подсмотреть?

Она молчит. Ее высокий лоб сжимается складками (я столько раз говорил ей не морщится — заработает морщины раньше времени).

— Хорошо, ты не веришь российскому сайту новостей. Вот — то же самое — новости Euronews. Вот BBC! Вот New York Times! А вот выдержки из новостей с сайта NASA! — уверенно продолжаю я.

Потом замолкаю. Ей нужно время осознать услышанное. Но выдерживаю всего секунд десять и продолжаю давить дальше.

— Я знаю, как это выглядит. Я знаю, что кажусь сумасшедшим! Но скажи мне пожалуйста, — я говорю шепотом. С жаром. Четко выговаривая каждое слово. Поворачиваю свой стул и приближаюсь к ней лицом к лицу. Совсем близко, так что кончики наших носов почти касаются. И крепко обхватываю ее руки своими, — пусть это все хрень собачья. Пусть так. Но если есть хоть десятая или даже сотая доля вероятности, что это правда? Что каким-то образом мне дали возможность предвидеть то, что случится и приготовится к этому? Разве мы не обязаны принять это всерьез и подготовиться? Ааа??? Подумай о девочках! — я киваю в сторону детской комнаты, от куда раздаются громкие звуки очередного детского Youtube выпуска, где папа и его трехлетняя дочь играют вместе в зоопарк (и зарабатывают на этом десятки тысяч долларов в месяц).

Она открывает рот, чтобы что-то ответить. Я же не дожидаясь ее ответа, добиваю джокером, заранее спрятанным в рукаве.

— Дана! Пожалуйста, иди сюда! — я громко зову старшую дочь, пытаюсь перекричать вопли, доносящиеся из динамиков планшета, который мы купили дочерям несколько месяцев назад (я знаю, это не педагогично, но они так просили...). Стекло планшета треснуло, а вся поверхность покрыта толстым слоем жира, сахара, шоколада и бог знает чем еще (и не важно как часто я его протираю). Планшет — бюджетная дешевка. Но его динамик работает словно концертная колонка с мегаватными усилителями.

К моему удивлению, звук планшета немедленно прерывается и дочь появляется на пороге. Обычно ее зубами не оторвешь от любимого развлечения и приходится звать снова и снова, а потом вырывать игрушку из рук, терпя крики, жалобы и истерики. А тут — совершенно другое дело!

— Ляля, не смотри без меня, ладно? Я сейчас приду...,- она обращается в глубь детской, к младшей. Потом подходит ко мне.

— Сладкая, расскажи, пожалуйста, маме тот свой сон.

Дочь не переспрашивает. Не кривляется. Не капризничает. А послушно рассказывает все как было.

Я же внимательно, даже торжествующе (я же говорил, а ты мне не верила) смотрю на супругу. В ее карие глаза. Зрачки которых все больше и больше расширяются от услышанного. На брови, которые поднимаются все выше и выше.

И я понимаю, что у меня получилось. Она мне поверила...

Бабочки

Календарь показывает конец мая. Больше двух недель после того сна! А я даже не начал готовиться к часу ИКС. Все сомневался, переживал и рефлексировал. Взамен того, чтобы действовать! Весь вечер до поздней ночи, после того, как я смог убедить супругу в правдивости своих догадок, мы с ней составляли перечень того, что нужно сделать, чтобы подготовиться. Теперь оба листка: первый, исписанный красным карандашом на обратной стороне детской раскраски моим корявым почерком о событиях часа ИКС, и второй — длинный номерованный список дел и задач, написанный ровным почерком бывшей отличницы, были заботливо спрятаны в тумбочке, ожидая дальнейших действий.

Май в нашем небольшом, окруженном желтой степью городе на самом западе Казахстана, у берега Каспийского моря, выдался необычным. То по-июльски жарким, то по-осеннему холодным и ветреным.

Еще были бабочки! Тысячи! Миллионы бабочек!!! Они были везде. Они покрывали цветастым орнаментом каждое дерево и куст, прятались в траве, облепляли фонарные столбы. Все дорожки, парки, детские площадки, тротуары были заполнены ими. Дети были в восторге. Они бегали сквозь кружевные облака и смеялись. Девушки постили красоту в Инстаграм. Даже суровые мужчины не могли не улыбаться, наблюдая за подобными затеями природы. Никто не помнил подобного ранее. Даже самые старые жители города.

Но что-то было в этих бабочках странное. Зловещее. Жуткое. По крайней мере для меня. Будто природа решила напоследок показать свой последний сюрприз. Накормить смертника, идущего на электрический стул, последним ужином. Сочным стейком с горкой хрустящего картофеля. Бокалом красного бордо. Кубинской сигарой на десерт. А потом — пожалуйста следовать по коридору к маленькой железной двери, за которой лежит последняя черта.

Я еду на машине вдоль моря на работу. По обоим краям дороги в ряд высажены тщательно ухоженные деверья. Все — покрытые тучами этих чертовых бабочек. Мне плохо от этих бабочек! Я их ненавижу!!!

Моя машина уверенно движется вперед и каждую секунду в салоне раздается еле слышный глухой стук. Это очередная бабочка врзается в лобовое стекло. Прямо перед своим лицом я вижу как в предсмертных конвульсиях колышутся разорванные крылышки, растекаются внутренности, крошечные глазки умирающих насекомых смотрят на меня. Я в который раз включаю дворники. Жижа размазывается по лобовому стеклу и мне приходится щедро пользоваться омывателем, чтобы вернуть стеклу прозрачность.

Вся дорога покрыта ими. Тысячами умирающих. Сбитых. Раздавленных насекомых. В то время, как тысячи их сородичей продолжают беспечно кружить в майском воздухе, танцевать от ветки к ветке, пока случайный автомобиль не снесет их на асфальт, а следующий не расплющит тяжелеными колесами их хрупкие тельца с цветастым орнаментом на крылышках.

Я где-то читал, что такие бабочки живут всего один день. Их тела даже не приспособлены, чтобы жить дольше: пищеварительные системы сделаны для удержания воздуха, к тому же у них даже нет рта. И все отведенное время они тратят на брачные танцы, спаривание и откладывание яиц для следующих поколений. Первым умрет после спаривания самец. Потом, после кладки — самка.

Жизнь — для одного танца любви!!! Как романтично!!! Давайте все умилятся и плакать

от такой красоты!!!

Да ни черта подобного!!! Это ни на грамм не мило и не романтично!!! Это мерзко! Глупо! И нелепо!!! И до боли в зубах несправедливо!!!

Я — сгоревший трансформатор, вырубивший свет на выпускном вечере!

Я — тот, кто кричит «А король то — ГОЛЫЙ!»

Я — крохотная заноза на пальце, которую не вытащить.

Я — «крохотная явочка на языке, которая бы зажила, если не трогать. Но ведь не удержаться!»

Тут я чувствую сладковатый запах. Отвратительно сладковатый запах. Я открываю окно и запах становится сильнее. Он обволакивает меня и душит. Так что даже тошнота подкатывает из глубины желудка. Я знаю этот запах. Помню. Он пришел ко мне от куда-то из далекого детства.

Мне — лет семь. Закат советской эпохи. Я провожу очередное лето у бабушки в одном из маленьких грязных индустриальных городов некогда великой страны. Мама отправила меня, словно посылку, в одном аэропорту, а встретила меня уже бабушка в другом. Только много лет спустя я понял почему мама отправляла меня каждое лето к бабушке. Ей не было и тридцати пяти, когда умер мой отец (меньше, чем мне теперь), и она хотела устроить свою личную жизнь (по видимому — безуспешно).

Я — вместе с бабушкой еду на старом трамвае. Он кряхтит и гремит на плохо подогнанных рельсах. Мы едем сквозь агонизирующую промышленную зону между старой и новой частью уродливого советского городка, мимо череды монстроподобных корпусов химических и металлургических комбинатов, которые доживают последние годы перед тем, как с развалом союза развалиться и самим.

Мы едем вроде на сеанс в кино в какой-то потрепанный дом культуры каких-нибудь металлургов, шахтеров или строителей. Все фильмы в городских кинотеатрах мы уже отсмотрели, так что остались только дома культуры возле заводов. Я — маленький тиран обожающей меня бабушки. Делаю, что вздумается и получаю, что хочу. А когда не получаю, то раскидываю по квартире вещи, пока бабушка колдует над ужином для любимого внука (впрочем, раскидываю с умом и ничего не ломаю. К примеру, аккуратно и тихо кладу лампу лежа на пол, а потом ударом стопки журналов об стену имитирую ее падение).

Трамвай покачивается и едет вперед. Через открытые окна в салон проникает тошнотворный сладковатый запах.

— Это аммиак, внучек, — со знанием дела говорит бабушка и задумчиво смотрит на один из огромных серых корпусов от которого ввысь устремлены три колоссальных размеров трубы. Две из них — пусты, а третья изрыгает розоватый дым, стелющийся по направлению к нашему трамваю.

Я смотрю на эту уродливую трубу, на серые коробки химического комбината и понимаю, что именно так выглядит страх. Именно так пахнет смерть...

И теперь, более, чем через тридцать пять лет, я снова ощущаю этот сладковатый тошнотворный запах. Но я точно знаю, что тут не может быть никакого аммиачного завода. Что это может быть только моей иллюзией. Или нет?!!

Я плотно закрываю окно и запах пропадает. Но я ощущаю, что он все еще внутри. Он глубоко проник в меня. И я догадываюсь, что эти бабочки, и мой недавний кошмар, и то безумие, которое он предсказывал — все как-то связано. Пока невидимыми для меня нитями, но точно связано.

В ближайшую пятницу я напился. Нас с коллегами пригласили на дегустацию новых вин в местной винотеке. Я же превратил дегустацию в пьянку. Когда закончились бутылки на пробу я стал покупать сам. Первую, вторую, третью. Меня никто не остановил. А даже поддержали. Даже владельцы заведения.

По мере того, как я пьянел, казалось, что мне становилось легче. Я снова начал шутить и смеяться. И чернота в моей душе будто светлела, а запах аммиака выветривался. А кончился вечер тем, что я не помнил, как вернулся домой.

А на следующий день случилось кое-что еще. Опять же — совсем не связанное ни со знамением, ни с космическим вирусом, который уничтожит население земли менее, чем через год, ни с тучами бабочек-однодневок, танцующих последний танец любви, ни с запахом аммиака из детства.

Вроде бы не связанное. Кажется... А может быть и совсем наоборот. Может быть как раз таки и связанное. Просто нужно остановится. Осмотреться. Приглядеться. Увидеть скрытые символы и прозрачные нити...

Следующий день наступил с резкого болезненного пробуждения.

Я — старая калоша без пары на обочине дороги.

Я — мокрая половая тряпка, брошенная под раковину.

Я — старая плюшевая игрушка выросшего ребенка, заброшенная в пыльную коробку в подвале.

Я — рыба, плававшая в прохладных глубинах синего океана, а потом вдруг одним грубым резким взмахом выловленная на крючок и вытащенная на прожаренную солнцем поверхность. Я болтаюсь на леске. Жабры лихорадочно дергаются. Рот в агонии глотает сухой горячий воздух.

Я — лежу лицом вниз на диване. Без подушки. Без простыни.

Легкое одеяло, влажное от моего пота, скомкано в уродливые узлы.

За считанные секунды в голове мелькают события прошедшего вечера, последние часы которых я почти не помню. Тут же, как всегда бывает после попок, на меня накатывает чувство вины. За то, что неприлично напился. За то, что провел вечер с полужнакомыми людьми и коллегами взамен того, чтобы провести время с семьей. За то, что потратил слишком много денег. И самое главное — за то, что договорился с женой, что на выходных начну готовиться к часу икс, как было запланировано предварительно составленным списком дел. А теперь страдаю от похмелья, лишив себя возможности активно действовать в первый день уикенда.

В комнате жарко. Окно закрыто. Кондиционер и вентилятор отключены. В горле — Сахара, а мочевого пузыря давит так, что, кажется, лопнет. Из полуоткрытой двери в спальню доносятся приглушенные электронные звуки. Видимо одна из дочерей уже проснулась и включила планшет. Остальные, кажется, спят.

На часах — начало двенадцатого утра. Суббота. 1 июня 2019 года. День защиты детей.

Я собираюсь с силами и встаю с дивана. Моя одежда разбросана рядом. Мысль, что прошлой ночью, в моменты алкогольного беспамьятства, я мог потерять мобильный телефон и портмоне со всеми картами и документами, заставляет меня в панике проверить карманы джинсов и с облегчением убедиться, что все на месте (кроме, конечно же, всех имевшихся наличных денег).

Я включаю смартфон и обнаруживаю, что он пестрит пропущенными звонками и сообщениями от коллег по работе.

«Срочно перезвоните». «Возьмите трубку». «Шеф вызывает всех в офис».

Я в недоумении продолжаю открывать сообщения, пока не натыкаюсь на главное.

«На производстве умер человек».

Несколько секунд я смотрю на напечатанные слова и не могу осознать их подлинное значение. И даже когда осознаю, они поначалу кажутся шуткой. Но потом я понимаю, что все — правда. Звонки и сообщения пришли от нескольких коллег. И они не настолько близки, чтобы вдруг вместе решить разыграть меня субботним утром в первый день лета.

Это осознание приводит меня в чувство. В современном корпоративном мире неспособность нужным образом действовать, демонстрируя свою командную полезность, особенно в подобных случаях чрезвычайного характера, может быть губительно для карьеры. И наоборот, всем видимое рвение и нарочито правильное выполнение процедур (которых

никто никогда заранее не читает) может быть трамплином для новых служебных высот. Я знаю это очень хорошо. Точнее моя «офисно-планктонная» сущность.

И в который раз за эти дни я повторяю себе одни и те же вопросы. Имеет ли все это сейчас значение? Карьера? Признание коллег? Одобрение руководства? Служебные поощрения?

Имеет, — снова отвечаю я сам себе. По крайней мере пока. Ведь от работы зависят деньги. А деньги нам нужны. Для того, чтобы поставить галочки против каждого пункта в списке составленных дел по подготовке к часу икс.

Ватная голова светлеет. Разум концентрируется. Я смотрю на время получения сообщений и пропущенных звонков, и отмечаю, что был в «офлайне» не многим более часа. Это, конечно — не хорошо, но пока еще не совсем плохо. Еще не поздно, чтобы собраться, позавтракать и оказаться в офисе к полудню.

В подвале сознания острой стрелой проскакивает чувство вины о том, что я — бесчувственный мерзавец, что думаю о карьере, корпоративном соответствии, деньгах и своем спасении. Тут человек умер, а все мои мысли только о своей пятой точке. Где моя эмпатия, сочувствие, жалость? А вдруг я того человека знаю? Вдруг он мой близкий коллега? Хотя написали, что на производстве, а не в офисе. Хотя какая разница, где он работал и был ли мне знаком? Он все равно человек. У него остались родные и близкие. Но я то при чем? Каждый день на планете умирают сотни тысяч человек. Что же мне — потратить каждый день своей жизни на страдания по каждому из них? А почему я должен чувствовать себя виноватым? Может даже тем, кто уйдет сейчас повезет больше, чем тем, кто останется и станет свидетелем оглушительного крушения цивилизации, как того предсказывают мои зловещие сновидения.

При этом я все же еще не оставлял надежду, что мои предсказания не сбудутся. Все еще надеялся, что события окажутся случайными совпадениями. Что недоразумение прояснится и жизнь снова вернется на привычные рельсы. Мы с женой посмеемся и будет потом вспоминать случившееся, как забавный и странный случай, произошедший со мной в середине мая 2019 года. То ли от переутомления на работе. То ли от рано наступавшей в городе жары. То ли от съеденного жирного на ночь. Поэтому пока не стоит никому о моих домыслах распространяться. Время подумать и на холодную голову взвесить факты еще есть. По крайней мере до 7 июля, до даты на которую назначен запуск космического корабля.

Или времени уже нет и попытаться остановить запущенный маховик апокалипсиса нужно уже сейчас? Или уже вовсе поздно?

Список наших запланированных дел содержал пункты о том, что я (может быть) попытаюсь связаться с властями Казахстана, Японии, США, а также с NASA и ООН. Постараюсь убедить их не отправлять злосчастный экипаж в космос (очень наивная будет попытка), но все же я (может быть) обязан ее предпринять. Если (когда) из этого ничего не выйдет, я (может быть) даже выйду на средства массовой информации, чтобы предупредить людей подготовиться. Почему «может быть»? Потому, что сам прекрасно знаю, что из этого ничего не выйдет. Никто мне не поверит. Только посмеются. Обзовут сумасшедшим. Опозорят в новостях и социальных сетях. Может даже расскажут по телевидению в рубрике «курьезы» или «городские сумасшедшие». Но ведь кто-то может поверит и спасется.

А что будем потом, если (когда) все окажется правдой? Что будет со мной и с моей семьей? Ведь про мои предсказания все тут же вспомнят, как только начнется эпидемия? Я в один миг стану самым упоминаемым и известным человеком планеты. Что тогда? Меня

будут благодарить? Сожалеть, что не прислушались? Проклинать, что недостаточно убедительно призывал остановить полет? Ведь обязательно найдутся люди, которые посчитают меня мессией. А кто-то обвинит меня в случившемся и попытаются отомстить, навредив мне и моей семье. Попытается отыскать для того, чтобы заставить остановить заражение, поверив, что я каким-то способом причастен к его возникновению и, значит, в силах все исправить. А некоторые захотят меня просто убить. И мою семью в придачу! Торопиться нельзя! Нужно все хорошенько обдумать!

Рой этих невеселых размышлений вертелся в моей голове, кружился, образуя воронки и спирали выводов, гипотез и спекуляций о возможных последствиях моих действий, разветвлялся, множился, открывая моему сознанию всю сложность, неоднозначность и непредсказуемость моего положения.

С этими мыслями я вышел из дома и, не замечая дороги, добрался на машине до офиса.

На работе все были почти в сборе. Шеф, кадровики, юристы, начальники производства, специалисты по безопасности, инженеры, помощники и переводчики. Человек двадцать собрались в небольшой душной переговорной комнате и обсуждали происшествие. На столе был разложен огромный лист бумаги, куда записывались имеющиеся данные и планируемые действия: от сообщений властям до визита к родственникам умершего.

Мои малодушные опасения о том, что работник погиб по причине производственного инцидента, не оправдались. Работнику производства — мужчине средних лет стало плохо, когда он сидел за офисным столом и заполнял заявление на отпуск. Сердце. Высокое давление. Инфаркт.

После обеда я, руководитель кадровой службы и шеф собрались навестить родственников умершего дабы почтить его память, высказать слова соболезнования от лица компании и сообщить о намерении выплатить финансовую помощь (за которую между первой и второй женой, а также другими родственниками умершего впоследствии случилась некрасивая возня).

Жена шефа, энергичная молодая женщина, скучающая от вынужденного безделья домохозяйка, настояла, чтобы мы вернулись по домам и переоделись в подходящее для случая официальное и черное. Я догадывался, что это лишнее, но спорить не стал.

И вот, к часам четырем после полудни, когда по-июньски яростное солнце добивало через безоблачное небо беззащитный высушенный город, мы выгрузились из прохладного салона огромного белого внедорожника прямо в топку сорокоградусной жары.

Нужный адрес находился в старом районе обветшалых четырёхэтажных типовых многоквартирных домов. Когда-то, лет пятьдесят назад, эти дома, вероятно, были примером передового советского массового строительства. Теперь же они представляли собой жалкое и унылое зрелище. Открытые облезлые галереи, похожие на длинные лоджии на всю длину дома, опоясывали длинное прямоугольное здание, служившие своего рода коридорами для прохода к квартирам. Подъезд же был только один, в самой середине дома, без двери, тоже открытый улице через щербатую бетонную решетку на всю высоту здания.

Разношерстные двери квартир были на виду, как и вывешенные гирлянды сушившегося на ветру белья, прыщики кондиционерных блоков, спутниковых антенн и выставленный из квартир хлам. Цвет штукатурки коридоров перед квартирами был то жёлтый, то синий, то зелёный, в зависимости от вкуса и возможностей жильцов, безуспешно старающихся придать своему жилищу лучший вид.

От дома пахло теснотой, сыростью, вареным мясом, крысами, мочой и бедностью.

Унылое впечатление завершалось аляповатыми металлическими конструкциями детской площадки, нелепо вставленными в серую пыль плешивого двора перед домом, больше для вида, чем для действительных нужд детей.

Ну и, конечно, были бабочки. Они облепили каждый сантиметр чудом выросших в пустынном климате деревьев и кустов перед домом. Они плясали и кружили в своем жутком смертельном танце. И я чувствовал, что они тут неспроста. Что ничего хорошего меня в этом доме не ждет...

Мы втроем некоторое время стояли и смотрели на нависающее на нас здание, смущенные и оглушенные его убогостью, словно библейские праведники на чудовище-левиафана. Я с мрачной иронией оглядел нас, отметив трагикомичность ситуации, кричавший контраст между нами, высокооплачиваемыми, хорошо одетыми, бегло говорящими по-английски офисными служащими, и этим страшным нелепым домом.

Мне сразу стало за нас стыдно. И неловко. За стрелку на своих брюках и спортивные часы, отсчитывающие калории. За темно-бежевый костюм — футляр, аккуратно и почти без складок подчеркивающий стройную фигуру на фигуре моей коллеги. За поблескивающие полированной кожей туфли и твердый накрахмаленный воротник с галстуком на белоснежной рубашке у шефа, который держал его голову неудобно прямо, не давая опустить подбородок вниз.

Но хуже всего дела обстояли с супругой шефа. Я, коллега с отдела кадров и шеф (хоть и иностранец, но все же довольно бывалый кадр) были более или менее готовы к тому, что нас ждет. Но этого точно нельзя было сказать про нее.

На ней был нарядный атласный черный брючный костюм, видимо дорогой, хорошо отглаженный приглашенной горничной. Ее длинные, пропитанные бальзамами, масками и маслами черные волосы, блестели на жарком солнце и развевались на ветру, изредка обнажая драгоценный блеск изящных серег на ушах. А на руке сверкало крупным бриллиантом кольцо. От увиденного зрелища ее белоснежное, красивое лицо с обычно самодовольным и дерзким выражением растерянно скривилось (Я восемь лет жила в Москве. Меня называли чуркой, но я всех посылала. Так что у меня диплом по наглости — с бравадой и жаром любила говорить она).

По-видимому, она ожидала совсем другого. Некую торжественную сцену, где она, под руку со своим супругом, чинно пожимает руки вдове и другим родственникам. Все одеты подчеркнуто в черное. Дамы — в широкополых шляпах с вуалью. Мужчины в костюмах. В комнатах прохладно и много цветов. Все разговаривают приглушенно, почти шепотом. На фоне играет красивая классическая музыка.

Но реальность была почти диаметрально противоположной.

Все прошли за мной через густо пахнущий мочой подъезд на второй этаж к нужной квартире. Я уже с улицы догадался куда идти. Прямо к небольшой группе мужчин, деловито толпившихся возле распахнутой настежь двери.

— Похороны тут? — тихо, смущаясь спросил я у них.

Несколько секунд они недоверчиво осматривали нас, словно экзотических зверей в зоопарке.

— Да. Тут, — коротко ответил мне пузатый загорелый мужчина, первый протягивая мне поздороваться руку и прячущий вторую, за спиной, в которой дымилась сигарета.

Я ответил крепким хватом, пытаюсь показать этим, что я свой, такой же парень, как и они, просто волею случая оказавшийся выше по пищевой цепи. Следом последовали рукопожатия оставшихся мужчин, таких же крепких, грузных, загорелых, с потными лицами и шершавыми ладонями.

— Мы с компании. С нами первый руководитель. Пришли высказать соболезнования, —

мягко, успокаивающим голосом по-казахски сказала коллега, осторожно осматривая мужчин, оценивая уровень их враждебности и, как и я, опасаясь возможной агрессии со стороны родственников за случившуюся смерть их родного человека.

— Понятно, — закивали они, остановившись заинтересованными взглядами на шефе и его спутнице, — проходите в дом.

Я пропустил всех вперед. Не из вежливости, а больше из ребячливого желания внимательно рассмотреть, как шеф с его женой будут первыми вступать в этот незнакомый, совершенно чуждый для них мир. Мы сняли обувь в пыльном коридоре на щербатом полу, заваленном десятком пар стоптанной обуви людей, уже находящихся внутри (жена шефа сняла свои туфли на высоком каблуке и, скрючив стопу, брезгливо касалась пола только кончиками пальцев и пяткой).

Потом мы прошли в первую душную комнату, совершенно без мебели, по всем краям застеленную яркими матрасами на которых в ряд сидели женщины, немедленно, словно по команде, принявшимися громко причитать и плакать по усопшему. Мы опускались к их скрученным в гримасах плача лицам, неловко обнимали за плечи и негромко говорили скомканные слова, которые, как нам казалось, было принято говорить в таких случаях. А потом мы стояли и смущенно топтались на середине комнаты, не зная, что делать дальше.

В центре ряда сидела женщина, которая причитала громче всех. Еще она выделялась от остальных тем, что она не выглядела как оставившая все притязания на привлекательность тетя. У нее была приятная полноватость тела в тесно посаженном, не совсем тут уместном, выставляющим напоказ пышные формы платье с цветами. Круглое миловидное лицо было украшено полными губами в помаде и густо очерченными татуажем бровями.

Я догадался, что это именно она — вторая жена умершего, то ли законная, то ли гражданская, и сразу отметил не замеченное поначалу напряжение между ею и остальными женщинами. По чуть большему расстоянию между ней и сидящими рядом. По мимолетным презрительным взглядам. И по ней самой — с платьем, помадой и татуажем, одной на враждебной территории в попытке заявить о своих правах.

Видимо своим неожиданным визитом мы прервали течение их давным-давно начавшейся семейной драмы. И чтобы не выносить сор из избы и сохранить лицо, они все пытались спрятать от нас свои скелеты по шкафам. Но если присмотреться, то тут и там виднелись предательские косточки, грозящие в любой момент с грохотом вывалиться на самую середину комнаты.

Я не выдержал неловкости и первый вышел обратно в коридор.

— А он кто? — односложно спросил меня в коридоре по-казахски коренастый парень, и по голосу я узнал в нем старшего сына умершего, с которым мы разговаривали по телефону этим утром.

— Кто? — спросил я по-русски, не поняв вопрос.

— Ваш шеф..., - опять по-казахски слегка раздраженно уточнил он, как человек, не привыкший иметь дело с людьми, разговаривающими на другом языке. Взгляд его темных, обрамленных сеткой преждевременных морщин глаз, неприятно скользнул по мне и обдал плохо скрываемым пренебрежением.

— Канадец, — догадался о смысле вопроса я.

— Ааа, — протянул он уважительно. И тут настала моя очередь сдерживать свое раздражение на то, с каким примитивным благовением простые люди относились к западным иностранцам.

— А жена его? — осторожно кивнул он в сторону выходящей из комнаты супруги шефа.

— Азербайджанка, — ответил я, задержавшись взглядом на его смуглом лице и с интересом наблюдая за реакцией.

По стремительно сменяющимся теням в его глазах, я понял, что он был обескуражен, а потом все же сумел пристроить эту информацию в некую нужную мозговую ячейку. Он еле заметно кивнул сам себе, улыбнулся краем рта и скрылся в недрах второй комнаты, куда позвал и нас.

Во второй комнате, за длинным низким столом, сидели только мужчины. Лица у них у всех были твердые, угловатые и все еще подозрительные. Но после благополучного прохождения через комнату плакальщиц я был уже спокоен за то, что нас не разорвут на части, обвиняя в смерти родственника. И что причина зависшего напряжения была в интриге о сумме денег, которую мы пообещаем заплатить по случаю трагического происшествия.

Мы уселись на уложенные на полу вокруг стола матрасы, тесно бок о бок, беззащитные, растерянные, подавленные бедностью квартиры и перенесенным плачем женщин (который прекратился сразу, как мы вышли из их комнаты, словно выключили звук в колонке).

— Угощайтесь, — сказал нам самый взрослый мужчина, показывая на стол, покрытый выцветшей скатертью и уставленный нехитрой едой в разномастных тарелках. Потом он махнул рукой в сторону коридора и к нам вышли молодые женщины, ставя перед нами по тарелке горячего теста с картошкой.

Мы молчали и пытались сделать вид, что едим. На самом деле отломали лишь по кусочку от солоноватых лепешек и откусили по краюшку от невкусного слипшегося теста. Они же, сидевшие напротив нас, также притворялись занятыми едой, тоже молчали и изредка исподлобья поглядывали на нас.

И тут в комнату вошла пожилая полная женщина в туго завязанном на волосах платке. Она по-хозяйски села в кресло в углу комнаты и принялась говорить усталым скрипучим голосом. И нам немедленно стало понятно, что она — тут главная, и она будет вести разговор, ради которого мы все собрались.

— Горе какое! Сердце не выдержало. Он ведь пост держал, а на улице — жара... Вот так... И таблетки от давления не пил. Вот так..., - начала она издали, но сразу свернула ближе к делу, — Я супруга. Законная, — с этими словами она еле заметно кивнула в сторону второй комнаты и ее одутловатое морщинистое лицо исказилось в гримасе отвращения, — вот сыновья мои старшие, без работы ходят, нигде не берут, — она указала рукой на двух мужчин за столом, — а вот младший, инвалид, несчастная душа..., а отец его кормильцем был, помогал с лечением... Я обернулся за спину и только теперь заметил, что позади нас стоит мальчик лет восьми. Он стоял и смотрел на нас, не двигаясь, а лицо его безошибочно выдавало болезнь синдромом Дауна.

Черт побери, подумал про себя я, как будто этим несчастным бедным людям было мало невзгод, а тут еще и природа добавила.

Будто услышав мои мысли, мальчик собрал слабую ручку в кулаке и пригрозил мне им. Я тут же в смущении отвернулся от него.

Женщина держала напряженную паузу и смотрела на нас, ожидая ответа на незаданный, но висящий в воздухе вопрос.

Ответить ей по протоколу должен был бы шеф. Но он молчал, покручивая ложку в тарелке, видимо также смущенный и подавленный ситуацией, в которой мы оказались.

— От лица компании, нашего руководителя и всего коллектива мы выражаем вам и

вашей семье глубочайшие соблезновения, — наконец выпалил я, не выдержав напряжения и не дожидаясь шефа с его высокопарным, неуместным тут английским, который мы бы долго и громоздко переводили, — и вылатим в помощь родственникам полмиллиона тенге.

От моих слов лица присутствующих заметно посветлели, расслабились. Даже в комнате, казалось, стало легче дышать. Женщина одобрительно кивнула и пальцем приказала женщинам разлить нам чай.

Через несколько минут, проглотив по глотку остывшего напитка с молоком, мы поднялись и засобирались прочь, с облегчением, что тяжелая задача выполнена и можно было уйти из этого душного, неудобного, бедного дома, заполненного чужими непонятным нам людьми.

И вот, когда мы одели обувь и направились выйти через входную дверь на улицу, я почувствовал лёгкое прикосновение к ноге. Посмотрев вниз, я увидел того мальчика. Он стоял возле меня и смотрел прямо в мои глаза своими странными круглыми глазами. И опять молчал.

Я подождал секунды три, а потом двинулся к двери, но он вдруг схватил меня цепкими крохотными пальцами за брюки. Обернувшись, я снова наткнулся на его взгляд.

Потом он подозвал меня руками к себе, а когда я опустил к его лицу, то он прошептал, совсем тихо, но совершенно отчетливо для меня. Одно слово, от которого приподнялись волосы на моем затылке и онемело лицо.

— Готовься..., сказал он, а потом снова пригрозил кулаком и ушел в глубину комнаты.

Что с тобой не так?!!

Вечером, после завершения этого безумного дня, когда мы ужинали коронным блюдом супруги — запеченной в духовке курицей с картофелем, я решил рассказать ей о том мальчишке.

— Он говорит мне — «готовься», представляешь? — закончил я свой рассказ, ковыряя вилкой в тарелке и невольно подумав, сможем ли мы после часа «икс» позволить себе подобную еду.

— Ты думаешь, что он знает? — озадаченно спросила супруга, отпивая минеральную воду из ярко зеленого детского пластикового стакана.

Я пожал плечами.

— Может у него тоже был такой же сон, как и у меня? — предположил я.

Случившееся событие еще более затруднило мое понимание всей ситуации, добавив еще один крепкий узел в клубок не распутанной задачи.

— Получается, что он — третий, — добавил я, отправив в рот очередной кусок пышной, сдобренной приправами курицы, вкус которой я почти не чувствовал.

— Что это значит? «Третий?» — спросила супруга, внимательно взглянув мне в лицо. Ее красивое вытянутое лицо с острым подбородком, казалось, вытянулось еще сильнее в тонкий, узкий восклицательный знак.

— Первый — я. Вторая — наша старшая дочь. Ты же помнишь?

Она понимающе кивнула головой

— ... и вот теперь третий.

— Но почему он сказал это именно тебе? — спросила она. Ее голос слегка задрожал, а на лице сквозь загар проступил румянец.

— Может он всем говорит. Но ему никто не верит. Он же ребенок. Ну и особенный, ты понимаешь... Вполне вероятно, что нас таких много..., получивших сигнал, — я отставил тарелку и принялся рассуждать, несколько отстраненно и по-менторски, как я часто позволял себе разговаривать с супругой, которая на тринадцать лет младше и, при всем уважении, имеет значительно меньший жизненный опыт, чем я.

— Представь, человечеству скоро грозит вымирание. Полное уничтожение. Абсолютно всего, что цивилизация смогла создать за тысячелетия своего существования. И вот, я не знаю, что: мироздание, природа, проведение посылает предупреждающие сигналы... Толи определенным людям по какому-то своему выбору? Толи спонтанно? А может и всем подряд в надежде, что кто-нибудь словит этот сигнал? Хотя кто знает, может твой муж — пророк! Мессия со священной задачей спасти весь мир? Ну типа супергероя..., - я не удержался и расплылся в самодовольной, саркастичной улыбке.

Она не улыбнулась в ответ и молчала, отведя взгляд от моего лица и уставившись на полированную поверхность стола.

Я продолжал.

— Есть теория о том, что во вселенной есть только два варианта существования. В единственном экземпляре и в бесчисленном множестве.

Я когда-то слышал об этой теории и теперь решил блеснуть ею перед женой. Теория, вроде, была связана с существованием внеземных цивилизаций. Что стоит найти хоть одну вторую жизнь в космосе, то открытие бесконечного количества других становится

очевидным вопросом времени.

— Ну так вот! Или я один смог получить из космоса свое предсказание о конце света. В таком случае я — пророк и мессия. Или нас много... И я никакой не пророк, а просто один из плохо работающих радиоприемников, случайно принявших сигнал. Раз мы обнаружили уже третьего..., значит, я — простой радиоприемник...

Меня продолжало нести, пока фантастические и удивительные сценарии разыгрывались в моем воображении касательно возможной роли в надвигающемся событии, которое вдруг растеряло свою первоначальную зловещесть и обрело флер необычного приключения, как американцы показывают в голливудских блокбастерах в жанре «Апокалипсис».

— Еще, может быть, что сигнал приходит только группе избранных, которым нужно объединиться и предупредить людей о надвигающейся катастрофе. Кто знает, вполне вероятно, среди нас есть не только обычные люди как я, а известные политики, звезды шоу-бизнеса, мультимиллиардеры!!! Представляешь?!! Можно... можно... к примеру зарегистрировать на Фейсбуке страницу о предстоящем событии. Событии, вот приколы..., как будто о запланированной вечеринке или концерте, чтобы люди могли зарегистрироваться и прокомментировать. Можно сделать ее на английском, чтобы покрыть как можно больше людей. И тогда я смог бы найти этих других... Понимаешь? Круто да?!! А еще!!! Я мог бы написать об этом книгу... Целую повесть. Я бы выкладывал ее частями где-нибудь в интернете..., на сервисах самиздата. Не наших казахстанских, а на российских, где людей побольше... Я знаю пару таких... И кто-нибудь там, может быть, принял бы мою историю за правду. И начал бы тоже готовиться. Представляешь?

Я, наконец, замолчал, ожидая ее реакции. Но она сохраняла молчание и смотрела вниз. И даже не улыбнулась.

Тишина в гостиной нарушалась лишь приглушенным звуком телевизора, показывающим очередную серию Маши и Медведя, загипнотизировав дочерей на диване, словно сусликов в степи при свете автомобильных фар. Я тут же подумал, что нужно добавить в наш список покупку большого внешнего диска, где я сохраню побольше оцифрованных детских мультфильмов для девочек. Ну и фильмов и сериалов для нас. Еще и цифровые копии книг и журналов. Да и вообще, как можно больше всего, чтобы не сдохнуть со скуки, когда отключится Интернет. Электричество — тоже, рано или поздно, конечно, пропадет, но можно будет добыть генератор. Или лучше солнечную панель, чтобы не возиться с дизелем и не беспокоиться о шуме.

Да что я опять только о себе... Надо подумать о сохранении хотя бы части наследия цивилизации. Сделать свою личную Золотую пластинку «Вояджера», вроде так она называлась, когда американцы отправили в космос сообщение для внеземных цивилизаций с приветствиями и музыкой великих композиторов. Да..., Интернета, скорее всего, не станет совсем скоро, а потом разрушатся музеи, библиотеки и научные центры...

— Ну, что ты думаешь? — коснулся я ее плеча, воодушевленный, нездорово веселый.

Так как она повела себя дальше было совершенно на нее не похоже. На нее, мою маленькую хрупкую, податливую, слегка инфантильную женщину, никогда не повышавшую ни на кого голос, прячущую взгляд и теряющую от застенчивости слова.

Она медленно повернула ко мне голову и тихо спросила.

— Ты кому-нибудь об этом уже сказал?

— О чем? — с нелепой дурашливостью спросил я, хотя прекрасно понял вопрос.

— Тимур. Не придуривайся, — зашипела она.

— Нет, но..., я...

— Так говорил или нет? — ее голос перешел в угрожающий шепот.

— Нет, — резко, громко почти выкрикнул я, опомнившись от удивления, возмущившись таким странным, новым, наглым поведением супруги.

— А вчера, когда бухал со своими коллегами. Когда мы должны были начать работать над покупками по списку? — продолжала расспрашивать она, опять же совсем непривычным твёрдым и требовательным тоном.

— Нет, — растерянно ответил я, моментально выпустив из себя весь воздух возмущения, осознавая, что виноват, и при этом лихорадочно вспоминая действительно ли я ничего никому не рассказал, учитывая, что последнюю часть вечера, утопленную в алкогольном тумане, я совершенно не помнил.

— Точно? — продолжала давить она.

— Точно! — с напускной уверенностью ответил я, всерьез опасаясь за свою безопасность, если скажу обратное, замечая как дрожат ее пальцы, удерживающие в правой руке острую вилку, которую, как мне показалось, она была готова была в любой момент вонзить мне прямо в глаз.

— Даже Гуле и Русулу? — испытывающее спросила меня она, попав в самое слабое место, зная, что они были моими близкими друзьями на работе, от которых я, как правило, ничего не скрывал.

— Нет, — ответил я, ощущая как когти сомнения скребутся у меня в желудке.

— Хорошо, — процедила она сквозь губы.

— Успокойся, ты чего так завелась? С тобой все нормально? — с нажимом спросил я, стараясь вернуть себе привычную мужскую инициативу и доминирование, и крепко взял ее за плечо.

— Со мной — все нормально! — неожиданно громко, даже истерично вскрикнула она, дернувшись и скинув мою руку, — а вот что с тобой не так?!!

— Ты вообще, что несешь?!! Для тебя это игра?!! Страница в Фейсбуке?!! Рассказики в Интернете?!! Спасение цивилизации?!! Пророк?!! Супергерой?!! Супергеееероооой!!! - взвизгнула она и швырнула вилку об пол.

От удара железа об кафель неприятно зазвенел воздух.

— Мама? Что случилось? — спросила старшая дочь.

Обе малышки обернулись к нам, удивленно уставив в нас две пары круглых, словно пуговицы, глаз. Их тоненькие, хрупкие фигурки вопросительно вытянулись, сделал их похожими на фарфоровых кошечек из старинного серванта.

— Прости... прости..., я не права..., - потерянно и тихо прошептала супруга, вдруг превратившись обратно в знакомое мне создание, скинув с себя чужую маску лютой стервы.

Она виновато посмотрела на детей, на меня, подняла с пола вилку и осторожно вернула ее на стол. Потом закрыла глаза, выдержав в молчании несколько долгих томительных секунд, а потом открыла, и начала говорить. Шепотом, чтобы ее не слышали дети. Но при этом жарко. Сбивчиво. Умоляюще смотря мне в глаза.

— Послушай меня, Тимур, внимательно. Только послушай! Все эти дни я много думала о том, что ты мне сказал... Обо всем этом..., твоём... предсказании... Когда тебя не было... Сначала я тебе вроде поверила. Потом мы писали тот список и строили планы. А когда ты ушел на работу и загулял, то я начала сомневаться. Ну что такое?!! Какие зомби?!! Какие космонавты?!! Так в жизни не бывает! Ты же любишь этих зомби, смотришь фильмы про них. Вот и приснилось тебе всякое под впечатлениями. Ты же, на самом деле, мечтаешь, что так и случится. Вот и поверил. Помнишь даже, когда мы жили в Дубай в двенадцатом году? Когда родили Дарию? Ты в первый день после родов потащил меня на премьеру «Мировая война Z». Я перетянула полотенцем выпадающий живот, мы наврали родителям, что поехали в торговый центр за подгузниками, а сами поперлись в кинотеатр... Помнишь? На следующий день после родов!!!

— Помню..., - ответил я, кивнув. И приятные воспоминания, с привкусом вины за ребячество, о днях, когда к нам пришла наша первая дочка, нахлынули на меня, заставив внутренние уголки глаз предательски увлажниться.

— И про сон Дарии думала. Как же так получилось, что вам обоим приснилось одно и то же. Решила ее еще раз расспросить. А она уже все забыла. «Не помню» — говорит. Еще я перечитала распечатки новостей, которые ты принес работы. Ну про эти полеты, даты и замену космонавтов. Ну и сон твой, на листочке. Который ты записал. Прочитала. Знаешь, я ночь не спала, пока ты с гулянки отсыпался. Все думала, в Интернете копалась. Но там столько всего, в этом Интернете. Чего только не пишут. Ну короче, я начала думать, что так не бывает. Что тебе показалось. И решила, что не буду тебе ничего говорить и переубеждать, а буду просто ждать пока сам не успокоишься... А потом я начала сомневаться уже в том, что сомневаюсь... и совсем запуталась...

Я смотрел на супругу молча, не перебивая. Ее губы заметно дрожали, щеки горели румянцем от волнения, взгляд перебежал между мною и детьми, сидящими на диване в противоположном конце комнаты, а ее руки то касались меня за колено, то теребили край желтого платья.

И тут, к своему стыду, я осознал, насколько черств и слеп был по отношению к моей

женщине. Я совершенно не почувствовал в каком состоянии она находилась после того, как я раскрыл ей свою тайну. Мне наивно казалось, что все должно быть просто, как в двухмерном детском рисунке. Это — папа. Это — мама. Папа показывает пальцем маме на солнце, а та кивает в ответ и улыбается. И совершенно упустил ее из внимания. Ее эмоции и переживания. Что она — женщина, которая по природе чувствует даже интенсивнее и глубже, чем мужчина. А я ведь тоже прошел такой же путь мучительных раздумий и сомнений, и не просек, пока она проходила свой. Путь от первого шока, протеста, недоверия к принятию.

Только теперь я отметил, что все эти дни она была необычно отстранена и задумчива, даже сегодня вечером, пока готовила свою курицу с картошкой. Стояла на кухне, отвернувшись от меня, не говоря ни слова. Тихо занималась своими делами и даже ни разу не спросила, как часто бывает, как прошел день, какой сериал будем смотреть перед сном... И вот эта необычная смена поведений. Неожиданная, не похожая на нее агрессивность. Ведь она все это время напряженно шла по своему мучительному пути. А я — черствый эгоист, ничего не заметил!

— И вот сегодня опять... про этого мальчика..., - скорбно, с болью сказала она.

А потом она закрыла лицо руками, сильно прижав пальцы к щекам, до белых костяшек. Потом вдруг дернулась, опала и согнулась пополам. По резким вздрагиваниям ее спины, я понял, что она плачет. Я в растерянности смотрел на нее несколько секунд, а потом аккуратно коснулся пальцами ее плеча, боясь сделать что-то не так. Она же поднялась, убрала с лица руки, обнажив утопленные в слезах глаза, и обняла меня, пересев со своего стула на мои колени, крепко, судорожно сжимая и разжимая объятия. На моей правой груди, куда уткнулось ее лицо, стало жарко и мокро от ее дыхания и слез.

Потом я понял, что мне нужно сделать. Я нашел губами ее висок и медленно поцеловал, стараясь этим поцелуем принести ей все свои извинения и без лишних слов передать насколько сильно я люблю ее.

Потом я поднял ее лицо к своему и поцеловал в губы, всем телом ощущая, как она обмякает, расслабляется и успокаивается.

Это был один из тех редких моментов между партнерами, когда время замирает, окружающий мир пропадает, а остается только чистая концентрированная любовь, в которой оба растворяются и сливаются в единое целое. Такие моменты чаще бывают в начале отношений, когда чувства остры и интенсивны. На первых свиданиях, после первой смски, первого провожания до подъезда, во время первого поцелуя, первого секса... Но со временем быт, время, привыкание заставляют краски отношений блекнуть, словно цвет рубашки, застирываемой день ото дня. И вот этот момент случился с нами опять. Через семь лет брака. Внезапно и без предупреждений, отбросив лохматся и пыль бытовухи, схватив нас крепкой горячей рукой за самый центр, за самое нутро, заставляя его снова пульсировать и изливаться соком.

Мы обнимались и целовались, забыв про детей и весь оставшийся мир. И я ощущал себя на самой вершине самой высокой горы. Абсолютно счастливым. Бескомпромиссно благодарным. Бесконечно любящим. И я точно знал, что она ощущает то же самое.

— Помнишь той ночью, когда мы писали список...? — прошептала она, когда, внезапный наш порыв немного утих.

— Да, — ответил я, жалея о том, что этот волшебный момент между нами заканчивается, и в мое сознание снова проникает реальность.

— Ты мне сказал, что если есть даже сотая вероятность того, что твое видение — правда, то мы обязаны принять его всерьез и готовиться?

— Да, я так и сказал.

— Знаешь, ты прав..., коротко продолжила она ровным голосом, совершенно успокоившись и обхватив мое лицо руками, заглядывая в самую глубину моих глаз, — мы обязаны подумать о них, — она кивнула в сторону не обращающих на нас внимание детей, — о наших вонючках... Ты понимаешь, как может быть опасно распространяться об этом на каждом углу? Когда все, что предсказано начнется, то нас во всем обвинят... Будут искать и найдут... А потом, скорее всего, выкинут из убежища и завладеют запасами. А может и убьют!!!

Я молча кивнул, не решаясь перебивать, понимая, что она в точности повторяет опасения, которые и мне не давали покоя.

— Послушай меня! Послушай..., - продолжала она, — пожалуйста, я тебя умоляю..., ты никому ничего не скажешь... Мы будем сидеть тише воды — ниже травы. И будем готовиться. Осторожно... Потихоньку..., не привлекая внимание. Потом, ближе к дате, когда наши запасы будут готовы, то мы решим, что делать дальше... Кому сказать... Родителям, друзьям... Мы все обдумаем как и когда. Но только не сейчас!!! Хорошо?

— Хорошо, — согласился я.

— Хорошо? — с нажимом переспросила она меня, сжав руку и пригвоздив меня своим настойчивым взглядом.

— Да. Хорошо, — не смея перечить, заверил ее я.

Потом она говорила, что нам нужно устроить убежище в нашей квартире. Что никуда ехать не имеет смысла. Что наш городок удобнее всего подходит для выживания. Он не слишком большой, чтобы оказаться в эпицентре эпидемии, но и не слишком маленький, что позволит сохранить доступ к магазинам и складам. Вариант с яхтой она отбросила, так как море для нас, неподготовленных, может быть слишком опасно. Еще она предложила купить квартиру, входная дверь в которую находилась справа от нашей, в самом дальнем конце коридора. Участок коридора перед обеими квартирами можно было отрезать от остального подъезда стеной и общей крепкой дверью. Так у нас было бы больше места для хранения запасов, учитывая, что наша квартира была слишком маленькой для основательной подготовки.

Слушая ее, я думал о том, что пока я рефлексировал на работе, переживал и бухал с коллегами, она все, как оказалось, уже продумала и решила сама. Еще я понял, что совершенно не знал свою супругу. За все семь лет, что мы прожили вместе, у меня так и не было возможности узнать ее с этой неизведанной стороны. Когда дело касалось жизни и смерти. Когда речь шла о безопасности наших детей. Когда не оставалось места для моральных страданий и этических дилемм.

Теперь, когда прошла первая агрессия, истерика, слезы и трогательные поцелуи, на свет вышла ее новая грань. Спокойная и рассудительная. Я слушал и смотрел на нее, сначала с удивлением, потом с некоторой опаской, а после с уважением и даже облегчением, что рядом со мной вдруг оказался сильный человек, который сможет быть партнером в грядущем испытании...

Идея о покупке соседней квартиры была хорошей. И чем дольше я про нее думал, тем лучше она казалась. Часы показывали начало одиннадцатого. Но поддавшись порыву энтузиазма после разговора с женой, я решил немедленно исследовать эту возможность.

Я вышел босиком в темный подъезд. Освещение, управляемое сенсором движения на потолке, не загорелось. Гребаные сенсоры... Они, признаюсь, всегда немного пугали меня непредсказуемостью своего поведения. Их было три по длине коридора, управляющие каждый своим светильником. Один — над лифтами, другой — между квартирами посередине площадки, и последний — непосредственно над нашей дверью. Бывает, когда выходишь из лифта и проходишь по коридору, то чувствуешь себя рок-звездой на сцене, за которым следуют вспышки софитов.

Но иногда эти сенсоры странным образом не срабатывают, как будто обижаются и перестают признавать тебя человеком. Бывает, что я выхожу из поющего классической фоновой музыкой лифта в черный коридор, машу руками, топаю ногами, но ничего не помогает. Потом направляюсь по памяти и на ощупь к своей двери, ожидая, что следующий сенсор сжалится и признает меня человеком. Но и он оказывается в стоворе с первым. С учащенным пульсом и холодной испариной на лбу, я продвигаюсь к территории влияния третьего сенсора — над нашей квартирой. И тот, будто самый родной и близкий, всегда протягивает мне свою руку (точнее — свет) помощи, вырвав меня из темноты, позволив найти ключами замок и скрыться в безопасности жилища.

А на этот раз и он меня подвел. Я топнул босой ногой о холодный кафель, свет желтой лапы над головой опомнился и с щелчком осветил площадку перед дверями обеих квартир. Эта площадка была от силы метра полтора на метр, отдельная от остального коридора проемом.

Я прошел дальше к лифтам, ожидая от остальных двух сенсоров привычного предательства. Но они решили на этот раз не шутить, и с послушным щелчком осветили все пространство просторного, вытянутого на пять квартир коридора.

Обернувшись, я осмотрел проем со стороны, и почти осязаемо представил в нем добротную, крепкую железную дверь, которая бы объединила обе квартиры в отдельное защищенное извне пространство.

— Отличная идея..., - прошептал я себе под нос, возвращаясь обратно.

Перед тем, как вернуться в квартиру, я внимательно осмотрел соседскую дверь. Она, в отличие от нашей, была дорогой, массивной и крепкой. Звонка не было, а его роль, вероятно, выполняло тяжелое, стилизованное под старину, кольцо, встроено ровно посередине, которым и следовало стучать, чтобы вызвать хозяев.

Поддавшись секундному ребяческому импульсу, я подошел ближе, поднял тяжелое кольцо и с гулким стуком вернул его обратно. Я знал, что дома никого не было. Соседская дверь была в метре от нашей. А наша дверь, от застройщика, была лишь хлипкой жестяной, пропускающей каждый звук. Мы бы слышали входящих и выходящих людей. Последний раз мы помнили признаки жизни там около полугода назад. Бригада строителей делала ремонт, несколько недель стучала, пилила и сверлила, иногда варила бич-пакеты, приторный запах от которых заполнял нашу ванную комнату, видимо, делящую с соседями одну шахту вентиляции. А потом все стихло. Мы думали, что в квартиру кто-нибудь заселится. Хозяева

или квартиранты. Но никто так и не появился.

Я поднял и опустил кольцо снова, продолжая внимательно осматривать крепкую дверь, словно древнеримский военачальник, осматривающий осажденный, но все еще не сдавшийся город. Прислушался к тишине. Подождал немного и вернулся в дом.

— Что ты там делал? — спросила супруга, занятая укладываем беспokoйных детей спать на широкой разложенной поверхности дивана в снабженной кондиционером гостиной, на который мы всей семьи перебрались из душной спальни, как только лето за окном всерьез зажарило и запыхтело.

Девочки ни в какую не желали спать в своих кроватках в детской, а упорствовали на том, чтобы спать с нами. Эта была одна из одержанных ими побед. Наряду с доступом к планшетам, смартфонам и сладкому. Честно, мы пытались быть хорошими родителями, но проварились, малодушно избрав путь наименьшего сопротивления и позволив детям быть детьми, и, да — манипулировать нами, взрослыми. Ну и плевать. Я, на самом деле, сам рад засыпать, ощущая рядом тепло детей и улавливать их сладкое дыхание. Пусть это эгоистично, и непедagogично, и, возможно, — неэтично. Плевать. Я хочу ловить моменты рядом с ними, пока они еще маленькие, пока они еще хотят быть рядом с родителями. Я знаю по себе — это продлится совсем не долго. Время песком утечет сквозь пальцы, они подрастут и перестанут в нас нуждаться. А пока я буду ловить эти моменты, столько, сколько смогу, нанизывая их разноцветными леденцами на ожерелье воспоминаний. Чтобы потом, под конец пути, во льдах одиночества, перебирать их по одной, смакуя и согреваясь воспоминаниями...

Вернее, я думал так раньше..., когда мир вокруг крепко стоял на своих ногах. Теперь же, в ожидании конца света, я даже слабодушно, к своему стыду, радовался, что мои детки от меня не уйдут, и мы будем всегда вместе. Не будет школы, подруг, парней, которые бы унесли моих девочек в поток самостоятельной жизни. Если предзнаменование верно, то наша жизнь кардинально изменится и все будет совсем по-другому. Как? Я не знаю. Не могу даже представить! Но совершенно точно — совсем не так, как было.

— Постучал к ним..., думал, может есть кто дома..., - ответил я супруге, кивая в сторону стенки, за которой находилась соседская квартира.

— Там никто сейчас не живет. Я видела как-то хозяйку, молодую женщину с детьми. Может, год назад... Напиши в группу нашего подъезда в WhatsApp. Может она там есть...

— Точно, — пробормотал я себе под нос, отмечая про себя практичную сообразительность жены и мысленно хваля ее за это.

Я немедленно исполнил задуманное. Выдрал телефон с зарядки, нашел нужную группу в мессенджере, обычно мною игнорируемую, заполненную малоинтересной болтовней и нытьем по поводу прогретых лампочек и мусоре в лифтах.

И коротко написал:

«Ищу хозяев 410-ой квартиры. Мы соседи справа»

Сообщение ушло, а я все смотрел на экран. Время было позднее и ожидать от участников чата ответной реакции было наивно. Но я решил все же подождать.

И тут кто-то ответил.

«Что вы хотели?».

Я опешил от неожиданности, потом открыл профиль пользователя. На экран всплыла фотография молодой миловидной женщины с двумя детьми: девочкой постарше и мальчиком помладше, на вид — одного с моими детьми возраста.

Сохранив контакт, я набрал ответ в приватном чате.

«Я могу Вам завтра позвонить?»

«По поводу?»

«Хотел узнать, продаете ли Вы квартиру?»

Сообщение было доставлено. Но ответа не было. Через некоторое время, статус пользователя отобразил, что сообщение в процессе набора. Потом статус пропал. Снова набор. И опять тишина. Видимо человек на том конце связи пытался собраться с мыслями, определиться с ответом, несколько раз удаляя написанное.

После колебаний, ответ, наконец, пришёл.

«Позвоните утром».

«Ок», — ответил я, внутренне ликуя и делюсь новостью с супругой, которая взяла у меня телефон и с интересом разглядывала фотографию женщины с детьми.

И тут лицо жены помрачнело, и я немедленно понял почему.

— Тимур, у нее дети... прямо как наши..., - после долгой паузы сказала она.

Ее бравурная идея о покупке соседние квартиры неожиданно быстро стала воплощаться в реальность. И она оказалась к ней не готова. Одно дело — жонглировать воздушными планами, а другое — смотреть в лицо реальной женщины и двух малышек с фотографии, жильё которых мы используем для спасения наших жизней, при этом осознавая, что они, вероятнее всего, обречены на ужасающую гибель...

Потом мы снова корпели над списком для подготовки к часу «икс», переписывали его и дополняли, вычеркивали и вносили комментарии. Пока не обнаружили, что этот список превратился к длиннущую и запутанную мешанину из обрывочных и неразборчивых записей. Тогда мы решили перенести все данные в ноутбук, создав электронный документ, который можно было легко редактировать.

После обсуждения деталей, мы пришли к выводу, что с продуктами и медикаментами торопиться не стоит. Так как у них ограниченный срок годности, то ими нужно запастись поближе к в апреле 2020 года, приблизительно за месяц до катастрофы.

А пока стоило сосредоточиться на следующих пунктах:

покупка соседней квартиры — самый приоритетный пункт, от которого зависит размер площади, которую можно будет отвести для хранения припасов и оборудования убежища. Если задуманное получится, то нужно будет установить мощную звуконепроницаемую железную дверь в проеме перед нашими двумя квартирами, обеспечив надежную защиту. Если не получится, то придется ограничиться заменой двери в нашей квартире;

установить крепкие решетки на окнах и лоджии, чтобы не повторить сценарий событий из моего сна, когда мутанты без труда вломились через них в нашу квартиру;

получить лицензию на охотничье оружие и купить как можно больше ружей и патронов к ним. Еще купить топоры, большие ножи и биты, чтобы иметь возможность защищаться, когда патроны подойдут к концу;

обзавестись несколькими комплектами качественной походной одежды и рюкзаков на случай, если нам придется покинуть убежище и выбираться наружу. Найти и купить подходящее снаряжение для детей (существует ли такое?);

купить профессиональный бинокль, компас, водонепроницаемые механические часы, приспособление для высекания огня и готовки пищи на природе, мощные и компактные фонари, палатку и спальные мешки, опять же, на случай, если нам придется покинуть квартиру. А может на случай, если мы окажется в степи или в море (нужно быть готовым ко всему...);

купить бытовую солнечную панель, которую нужно установить на лоджии, чтобы питать необходимые электроприборы. Пару вариантов я уже успел приглядеть на Aliexpress за совершенно приемлемые деньги. Идея о покупке дизельного генератора я сразу отбросил. Скорее всего у нас не будет возможности пополнять запасы топлива и, как я помню, такие генераторы невероятно шумят, что исключает их использование в нашем положении;

купить радиопередатчик и рации для связи, когда наземная и сотовая связь выйдут из строя;

купить уловитель дождя, который можно будет выставлять из окон для пополнения запасов воды. Климат в нашем городе засушлив и дожди бывают крайне редко, но другого варианта для решения этой проблемы мы пока не нашли. Когда я штудировал интернет в поиске информации о предстоящем космическом полете, то наткнулся на технологию, которая позволяет перерабатывать мочу в питьевую воду. Но после я убедился, что подобное оборудование невозможно найти в свободной продаже, а те, что были — оказались промышленных размеров и с неподъемным ценником;

фильтры для воды, самые лучшие и надежные (также, если нам все таки придется очищать мочу). Еще приобрести большой запас обеззараживающих таблеток для очищения загрязненной воды. Я читал, что они плохо справляются с очисткой и крайне вредны для здоровья, если пользоваться регулярно, но все же лучше запастись ими на экстренный случай;

купить самую компактную и эффективную систему для выращивания овощей и фруктов в домашних условиях с капельным орошением (для получения витаминов и минералов). Достать семена картофеля, лука, огурцов и помидоров. Может даже клубники, малины, апельсинов и лимонов (не уверен, что их получится вырастить, но опять же, лучше иметь, чем потом сожалеть, что заранее не запаслись);

придумать как оборудовать миниатюрную домашнюю птицефабрику, хотя бы для пары куриц. Тогда у нас будут яйца (источник белка). Еще закупить для них корм. Большая проблема, что его много не запасешь, еще и запах будет, вероятно, от куриного хозяйства отвратительный. Впрочем, вольер можно будет оборудовать на лоджии. Хорошо бы, если в соседской квартире она также была. А если задумка со второй квартирой не выйдет, то придется расположить вольер рядом с овощами на нашей лоджии. Может быть грядки повесить выше, а снизу расположить куриц... Да, надо обдумать и просмотреть варианты в интернете. Работы предстоит очень много...

и, наконец, купить надежное хранилище цифровых данных и переписать туда все наши видео и фотографии с облачных сервисов и социальных сетей. Еще выкачать как можно больше нужных статей из Википедии, электронные журналы, книги и статьи (нам нужны будут знания, когда доступ к ним прекратится), а также фильмы, сериалы и музыка для нас и мультиков для детей (чтобы не сойти с ума от скуки). Потом нужно сохранить как можно больше оцифрованных общепризнанных шедевров культуры (не для нас, а для наследия, кто знает, может только благодаря мне до будущих археологов дойдут артефакты канувшей в лету цивилизации).

Закончили мы ближе к трех часам ночи. Возбужденные, уставшие, болезненно воодушевленные, с красными слезящимися глазами от просмотра сотен интернет страниц в поисках информации, стремительно заполнявшую папку в облаке Google многочисленными скриншотами, ссылками и фотографиями.

И чувствовал я себя странно. Также, как, вероятно, и супруга, судя по тому, как мы слажено действовали и рассуждали. Как похожи были наши повадки, движения и мысли. Будто мы оказались героями виртуальной игры или фильма, где нужно строить и защищать базу, пополнять ресурсы, защищаться от врагов и зарабатывать игровые очки.

За окнами мигал ленивыми огнями заснувший город, облизывая наши разгоряченные головы ночной прохладой из открытой форточки. Из слабо закрытого крана в гору немойтой посуды капала вода. Электрической мухой жужжал вентилятор. С недовольным дерганьем включался и выключался холодильник. Недоеденная детьми шоколадка валялась в углу. Плюшевый медведь посаженный в детскую коляску смотрел в стену пластмассовыми глазами. Смартфоны щелкали уведомлениями новостей и сообщений. Все на вид выглядело привычно, обычно, обыденно. Но это была иллюзия. Тонкий слой пудры, из под которого просачивались наружу напечатанные строки, выстроенные, словно солдаты на построении, в таблицу с составленным нами список дел и закупок, подвешенную поверх белого пятна монитора. Вот это была наша новая правда. Наша новая реальность. И чем быстрее мы в нее

поверим и окунемся, тем больше у нас будет шансов выжить.

Дети давно уснули, прямо на полу, со сжатыми в руках планшетами. Я поднял их и уложил в детской. Когда я нес старшую на руках, то она почти проснулась, принялась хныкать и вырываться. Я прижал ее к себе, ловя носом ее сладкий детский запах, слегка похлопал по спинке, и она успокоилась.

Завтра (уже сегодня) наступало воскресенье и не нужно было идти на работу. Я, плотно закрыв дверь в детскую, прошел к кухне, достал красного вина с полки под раковиной и разлил тягучую, терпкую рубиновую жидкость в два бокала (отмечая про себя, что нужно не забыть запастись вином).

Остаток ночи мы с женой любили друг друга. Долго, нежно, страстно, обливаясь потом и страстью. В моменты отдыха мы пили вино и я делал ей массаж, как она любила. Обильно пропитывая ее кожу маслом, я разминал ее и вытягивал, надавливал и прижимал. Начиная от головы к шее, спине, пояснице, ягодицам, бедрам, икрам и, наконец, к ступням, не пропуская ни сантиметра без внимания, расслабляя уставшие и затёкшие мышцы и связки, выжимая из ее рта стоны наслаждения и заставляя ее без конца повторять мое имя.

Измощенные и хмельные мы уснули, когда небо за окном подернулось первыми розовыми отсветами. Осторожно, на цыпочках, боясь потревожить наш сон, в город заходил новый день...

— Вам посчитать деньги? — спросила нотариус.

Она сидела за большим, обтянутым кожей столом, на высоком стуле с пошлыми лакированными завитками, словно на троне. И смотрела на нас сквозь крупные, на половину лица, очки с завитками на оправе, такими же, как и на стуле, слегка задрав к нам голову. На ней была высокая рыжая прическа учительницы середины прошлого века, красные длинные ногти и толстые накрашенные в тон ногтей губы. Все в ее плотной и самоуверенной внешности говорило о прочном, тщательно охраняемом материальном положении, двухэтажном частном коттедже на две машины в приличном районе, муже — чиновнике на белом Прадо, и детей — в столичных университетах и при собственных квартирах. На нас, клиентов ее нотариального бизнеса, где она поддерживала социальный статус деловой женщины, она смотрела с плохо скрываемой надменностью, словно на некую помеху, мешающую жить совершенно не оглядываясь.

Может быть это было еще и потому, что было воскресенье и ее кабинет был единственным в районе, который работал по такому графику (неужели муж — чиновник на белом Прадо не смог оградить благоверную от переработок? А может никакого мужа на Прадо нет, а была только она — единственный кормилец и поддержка для (вероятно) большой семьи).

Невольно я подумал, что будет с этой женщиной менее, чем через год, когда начнется заварушка. С ее небольшим, но респектабельным бизнесом, с обтянутым кожей столом, с фикусами в громоздких кадках, с золочеными статуэтками орлов на высоких шкафах, с россыпью сверкающих сувениров, разложенных на подоконнике, с послушной угрюмой и прыщавой девушкой — помощницей в предбаннике? И вообще с ее жизнью? С домиком в хорошем районе? С мужем на белом Прадо? С детьми на последних курсах столичных университетов? Что будет с ее жизнью, когда привычный мир рухнет? Превратится ли она одного из жутких монстров? Будет ли разрывать плоть своих жертв своими мутировавшими длинными красными ногтями и будет ли капать кровь с ее обезображенных, со старыми следами от помады, губ?

На часах было начало четвертого пополудни. Голова моя все еще гудела, а горло пересыхало от последствий прошедшей бессонной, пропитанной сексом и вином ночи.

— Да, посчитайте, — ответила женщина, сидящая напротив меня.

Увесистая пачка долларов перешла из моих рук в цепкие когти нотариуса, которая со знанием дела уложила деньги в слот электронной машины. Устройство принялось с неистовой скоростью и шумом выплевывать купюры от отсчитывать их количество. Я не хотел связываться с наличными деньгами и предложил рассчитаться банковским переводом, но хозяйка, не объяснив причины, отказалась. Поэтому мы с женой все утро колесили по городу в поисках работающих в воскресенье банковских отделений и частями снимали сбережения с депозитов.

События этого воскресенья развивались быстро. Намного быстрее, чем я ожидал. Проснувшись и позавтракав, жена напомнила мне о том, что я обещал позвонить хозяйке соседней квартиры и обсудить потенциальную сделку. Я позвонил и к своему изумлению быстро договорился о встрече. Оказалось, что соседка не только не против обсудить продажу своей квартиры, а сама желает продать ее как можно скорее. Несколько дней назад она даже

успела опубликовать объявление на сайте с предложениями о сделках с недвижимостью, но пока не успела ни с кем встретиться. Я был первым.

Это было странным совпадением. Неожиданной удачей. И я не до конца верил происходящему, ожидая в любой момент подвоха или затруднения. Может быть запрошенная цена квартиры окажется слишком дорогой и у меня не окажется нужной суммы (а с ипотекой не хотелось связываться, а может и стоило, раз менее, чем через год никаких банков, требующих возврата задолженности не останется, но ведь как-то все же стремно так делать). Или с документами не будет все в порядке. Или еще что. Но все срасталось как нужно, просто и без помех. словно некая загадочная сила наблюдала за нами сверху, выпрямляла путь и устраняла препятствия.

Через тридцать минут после нашего разговора по телефону, соседка уже показывала нам свою квартиру вместе с правильно оформленными документами о собственности.

Хозяйкой оказалась женщиной средних лет. Худая, маленькая, бледная, с темными кругами под светлыми, словно высохшими глазами. С узкими бескровными и будто высохшими губами. С тонким белым лицом в сетке морщин, не глубоких, как у пожилых людей, а будто только недавно появившихся, как обычно бывает, когда человек переживает некую трагедию и горе немедленно отражается на внешности. Она была чрезмерно, даже болезненно сосредоточенна. словно каждое движение и произнесенное слово приносили ей боль, которую она тщательно скрывала, чтобы не выдать свою слабость. Ее аккуратная голова была пострижена под мальчика и выкрашена в черное, что выдавали отросшие седые корешки у корней волос. Добротная, видимо дорогая одежда на ней казалась излишне свободной, словно на резко похудевшем теле, будто она не успела сменить гардероб под новый размер. Мне было почти физически больно смотреть на нее, настолько удручающее впечатление она производила на меня своим трагическим, драматичным видом. Будто некая печать стояла на ней незримым мрачным пятном. Печать отчаянья. Печать скорби. Печать смерти.

Я не спросил о причинах продажи квартиры. Мне этого не хотелось знать. Потому что я чувствовал, что причиной была некая драма, в пучину которой мне было страшно заглядывать. Но она рассказала все сама. Даже не спросив разрешения. Тихо, спокойно, монотонно, словно и не про себя даже.

Дело было в том, что год назад ее младшей десятилетней дочери диагностировали некую редкую и трудно неизлечимую болезнь глаз, которая стремительно прогрессировала к слепоте. Они с мужем пытались разобраться с болезнью в местных клиниках, но девочке становилось только хуже. Пару раз они выезжали в Южную Корею для срочных операций, где потратили все семейные сбережения. Денег у них не осталось и для последующего лечения они планировали переехать в столицу, где государство оплачивало часть расходов. Женщине пришлось бросить работу и ухаживать за дочерью, оставив в кормильцах одного мужа, которой, впрочем, вскоре их бросил, не выдержав невзгод, и женился на другой женщине, моложе и без житейских проблем. Женщина осталась одна. И единственным решением создавшейся ситуации было продажа ее квартиры и осуществление задуманного ранее плана переезда в столицу, где она надеется снять жилье и на вырученные со сделки деньги продолжать бороться за здоровье дочери.

С тяжелым сердцем я прошел в квартиру и потерял дар речи от удивления. Планировка квартиры представляла собой точное зеркальное отражение планировки нашей квартиры. Даже лоджия находилась на том же, что и у нас месте, также застекленная коричневой под

дерево фактурой. Окна квартиры выходили на противоположную от наших окон сторону и упирались в огромный длинный массив здания соседнего жилого комплекса, что ухудшало вид, но все же, благодаря высокому этажу, позволяло квартире оставаться хорошо освещенной солнцем.

Жилье было уютным, аккуратным, современным, с качественным со вкусом исполненным ремонтом, полностью оборудованным новой встроенной мебелью и техникой. Было очевидно, что хозяева готовили квартиру не для продажи или аренды, а для себя, так внимательно и продуманно были исполнены даже самые мелкие детали. Еще оказалось, что в квартире даже никто еще не успел пожить.

— Сколько? — глухим, хриплым голосом спросил я, зажмурив глаза, ожидая услышать завышенную цену.

Женщина назвала цифру.

— Сколько? — переспросил я, не веря услышанному.

Женщина спокойно, не изменившимся тоном, повторила сумму.

Цена была на удивление ниже, чем я ожидал, и мне с лихвой хватало сбережений, чтобы совершить покупку.

— Мы берем, — коротко ответил я.

В голове подленькой молнией промелькнула мысль о том, что стоило бы поторговаться. Но я ее немедленно отбросил. Я просто не смог бы это сделать. Смотреть в худое, бледное лицо этой женщины, в ее выцветшие заплаканные глаза. И торговаться за товар, который и так продавался по цене ниже рынка.

Сделка была завершена быстро. Деньги посчитаны и пристроены. Документы подписаны и проверены. Так быстро, что мы не успели прийти в себя, как выскочили, словно пробка из бочки, из кабинета нотариуса, растерянные, до конца не верящие в происходящее. Со свежими бумагами в руках.

Несколько секунд мы втроем стояли на гремящей автомобилями улице. Смотрели друг на друга, собираясь с мыслями.

Первой опомнилась соседка. Она сунула тонкую руку в сумку, достала связку ключей и протянула их мне.

— Это ключи от входной и внутренних дверей. Еще ключ от детских замков на окнах.

Я протянул руку и взял связку, на мгновение коснувшись кожи ее руки. От этого прикосновения меня словно укололо осколком льда, настолько холодными показались ее руки.

— Спасибо, — пробормотал я, пряча свой взгляд под ногами.

— Вы, конечно, замените замки от входной... ну сами знаете, — пробормотала она.

— Да..., да..., спасибо..., - ответила супруга, такая же растерянная и смущенная, как и я.

— Вам спасибо. Счастья новом доме... До свидания..., - почти шепотом сказала она. А потом рывком развернулась и торопливо направилась в сторону стоявшего у обочины автомобиля. Потом села за руль и уехала.

Мы с супругой некоторое время стояли и смотрели вслед удаляющемуся вдаль автомобилю, пока он не пропал из вида за поворотом.

Я знал, что мы ощущали с женой одни и те же чувства. Гадкие чувства. Противные липкие чувства совершенной подлости. Хотя, казалось, что мы никого не обманули и были

предельной честны. Но ведь это было не так...

— Надо было ей сказать..., - первая нарушила молчание супруга. Словами, которые вертелись и у меня на языке.

Я ничего не ответил. Только крепко взял ее за руку.

А потом мы пошли домой.

К следующей среде, пятому июня 2019 года, первый эшелон защиты нашей крепости был готов. Я с плохо скрываемым ликованием, широко улыбаясь, словно школьник на последнем звонке перед каникулами, передал в испачканные строительной грязью руки мастера последнюю часть платежа за доставку и установку новой двери — железной машине бронированной толстым железом и покрытой шпоном под натуральное дерево.

Я — стражник средневековой крепости!

Я — последняя надежда умирающей цивилизации!

Я — хранитель святыни, охраняющей ее от нападения варваров!

Я — навигатор утлого суденышка, идущего прямо в жерло океанского тайфуна!

— Спасибо! Отлично получилось! — похвалил я мастера.

Мастер выглядел именно таким, каким мы обычно представляем мужчин, зарабатывающих на жизнь руками. Коренастый немногословный человек средних лет, в синей пыльной спецовке, с сигаретой за ухом. Его помощник был почти его полной копией, только немного моложе и субтильнее.

Они вдвоем за несколько часов умудрились встроить огромную железную дверь в проем между двумя квартирами, закрыв общий проход и создав общее защищенное пространство, мои ворота в собственное царство, убежище, ковчег, который должен спасти нас от надвигающейся угрозы. Именно эта дверь менее, чем через год, станет границей между двумя мирами: миром хаоса, ужаса и смерти снаружи и крохотным островком жизни, безопасности и надежды внутри.

Я, словно замороженный, смотрел на эту огромную крепкую дверь, не веря своим глазам и не до конца осознавая, что у нас все получается, как задумывалось. Неровные щели между стеной и дверью были аккуратно заделаны изоляционной пеной, а поверх — цементной штукатуркой. Все было сделано профессионально и качественно.

Теперь размер нашего убежища удвоился и составлял около ста двадцати квадратных метров полезной жилой площади, которую можно будет использовать для хранения припасов и оборудования. Ну и конечно, чтобы поселить кого-то еще. Мы с женой ни разу не обсуждали эту возможность, но я чувствовал, что этот вопрос будто огромным неоновым знаком висел в воздухе. Мы оба думали об этом, каждый сам по себе, боясь первыми затеять разговор, понимая насколько чувствительной и щепетильной является эта тема.

Я думал о своей матери, которая жила в одиночестве в другом городе за три тысячи километров от нас. Жена, вероятно, думала о своих родителях, также живущих далеко. Абсолютно ясно, что наши родители, в их зрелом возрасте, в неведении о надвигающейся беде, обречены на погибель, если мы не решимся спасти их, предоставив укрытие в нашем убежище.

Вы спросите — в чем же проблема? Разве это вопрос — спасти от гибели собственных родителей? Может быть не вопрос для кого-то другого. Но для нас вопрос с большой буквы. Со всеми большими буквами.

Все дело в моей матери. В ее сложном и невротичном характере. Дело в том, что она, по своему обыкновению, в черную поссорилась с родителями жены, разорвав с ними любые контакты. Впрочем, она также поссорилась и с моей женой, с которой не разговаривала

около года. Она так рано или поздно поступает с каждым человеком, который попадаетея у нее на пути и остается в зоне ее общения достаточно продолжительный период времени. Так бы закончилось и со мной, если бы я не был ее сыном и если бы наша связь не держалась на моих чувствах сыновней вины и долга, даже после очередных ее выходов и оскорблений, когда я клялся стереть ее номер телефона и никогда не звонить, но потом остывал и прощал.

Мысль о том, чтобы закупорить мою мать, родителей жены и нас в одном пространстве, словно селедок в консервной банке, казалась безумной, обреченной на ядерный взрыв, на грандиозный провал. Поэтому я не решался заговаривать на эту тему. И был благодарен супруге, что и она также тактично молчала. Время у нас еще есть. Мы еще успеем все обсудить и решить эту задачу. Но только не сейчас.

Сейчас передо мной стояла новая великолепная дверь. И она мне нравилась!

— Отлично получилось. Спасибо, — повторил я.

На мою похвалу старший мужик лишь молча пожал плечами, давая мне понять, что для них такие дела не представляют сложностей. Они оба ловко и быстро собирали в огромный зеленый ящик инструменты, каждый на свое место в определенное отделение.

Признаюсь, я всегда испытывал неловкость и даже робость при общении с людьми физического труда, простыми и конкретными, не умеющими много говорить, а предпочитающими и умеющими действовать. Я вырос почти без отца и никто в детстве не научил меня мужским штукам, вроде забивания гвоздей или прикручивания болтов. В итоге, почти всегда, когда мне приходилось волею судьбы сталкиваться с необходимостью мастерить что-то руками, результаты работы, за редкими исключениями, оказывались весьма плачевными. И я почти с благоговейным восхищением смотрел на мужчин, у которых руки росли из нужного места, а не из "задницы", как говорит моя мать.

Голос мамочки из детства выпрыгнул из темноты сознания и продолжил чеканить много раз произнесенные ею в моем детстве фразы:

Манипулятивное и угрожающее — "будешь плохо учиться — пойдешь работать дворником".

Мотивирующее — "ты не рукастый, тебе нужно учиться, чтобы выжить".

И одобряющее — «все, что ты умеешь, это работать головой».

"Спасибо мама, ты права, как всегда, но вот интересно — насколько умение работать головой будет полезно после часа «иск»? — ввязался я с ней в воображаемый диалог.

"Ничего, ничего, сынок, мозги всегда сильнее рук", — ответила мама и я был вынужден с нею согласился.

Мама. Мама... Мама... Даже будучи за три тысячи километров от меня, ты на самом деле всегда рядом, готова вставить нужную фразу, колкое замечание, едкое сравнение, словно ткнуть тонкой острой иглой в мою мягкую попку. Только ты знаешь, как одним словом стянуть с меня штанишки для наказания и превратить снова в маленького, обиженного, незащитного и плаксивого мальчика.

О мама! Как же мы справимся тут с тобой? Взаперти!!! Еще с родителями жены, людьми совершенно другого типа: наивными, простодушными, непрактичными растяпами, умудрившимися выжить в девяностые, и теперь живущие размеренной жизнью пенсионеров.

Я как сейчас помню, как полтора года назад, в приступе ярости и истерики ты, залив в себя пол литра водки, неистово орала в трубку: "Я тебя ненавижу, жирная жаба! Ты никакого права не имеешь в семье моего сына! Ты никто!!! И муж твой — вонючий баран!!!".

А какие исключительные по качественному наполнению концерты ты устраивала нам,

когда гостила у нас. Ведь тебя никогда ничто не устраивает. Ты всегда на все жалуешься. Во всем нас обвиняешь. И всегда на все обижаешься. Мы никогда не хороши для тебя, потому что у тебя всегда найдутся для примера кто-то лучше. И еще, ты умеешь превратить любое с тобой общение, а тем более любое семейное торжество с твоим участием в выжженную токсичным ядом пустыню.

О мама... Мама... Я очень люблю тебя, но рядом с тобой моя жизнь превращается в ад. И причиной этому является то, что ты никогда не сможешь признать, что я имею право быть самим собой, сорокалетним мужчиной, мужем и отцом, зрелым человеком со своими взглядами на жизнь, которые могут расходиться с твоими. Что я больше не твой маленький сынок, а зрелый человек, который завел свою семью и успешно ее содержит. Я ведь понимаю, что тебе на самом деле неприятно видеть меня таким. Где-то глубоко внутри, на уровне подсознания. Ты на самом деле отрицаешь мое право быть отдельно от тебя, потому что тогда тебе придется признать, что у тебя больше нет надо мной власти.

Ты почти разрушила мой брак. Около года назад. После твоего очередного долгого визита в наш дом. Вернее я сам почти его разрушил. Потому, что к сорока годам я все не мог вырасти из под твоей юбки и позволял тебе грубо вмешиваться в нашу жизнь, в то, как нам с женой себя вести, что есть, что носить, как воспитывать детей. И чем больше мы с женой пытались тебе угодить, баловать, соглашаться, дарить подарки, отправлять на отдых, тем неблагодарнее мы оказывались и тем несчастливее оказывалась наша жизнь.

Кончилось та история тем, что у супруги случился нервный срыв на фоне переживаний на работе, во время которого она тебе, мама, все и высказала. Громко, истерично, уродливо, мерзко, от души, все что было спрятано и копилось семь долгих лет, все обиды, все скомканые, спрятанные слова, сконцентрированные временем и молчанием. Все обрушилось сразу одним сокрушительным потоком прорвавшейся плотины.

После той грандиозной ссоры у меня было лишь два пути. Развод с женой, о чем почти открытым текстом, по обыкновению манипулируя мною, настаивала ты. Что означало бросить в жертвенный костер болезненного, неутолимого, уязвленного твоего самолюбия мою самостоятельную семейную жизнь с человеком, которого я люблю, с которым завел прекрасных детей, мое достоинство взрослого человека, мое право жить, как считаю сам нужным. Или развод с тобой, мама. Не менее болезненный, но необходимый, чтобы наконец разорвать пуповину, отравляющую как мою жизнь, так и твою.

С этими мыслями, я пожал мастерам руки, и закрыл за ними дверь.

Да. Время все обдумать еще есть... Я, конечно, не оставлю мать одну, но детали решения можно решить позднее.

Решетки

Через месяц с небольшим, в субботу, 13 июля 2019 года, мы установили в обеих квартирах решетки. Крепкие, из толстого кованого железа, выгнутые снизу пивным пузом, ощетинившиеся сверху острыми копиями, словно шеренги пикинеров готовых к бою, глубоко и надежно утопленные во внешние бетонные стены дома. И так на всех четырех проемах окон и двух лоджиях.

Это был второй после железной двери барьер защиты нашего убежища. Наша Великая Китайская Стена. Второй заслон от надвигающейся беды. Оставалось еще около десяти месяцев до заражения, а самые первичные пункты подготовки к часу ИКС были выполнены. Я смотрел на решетки и мне становилось хорошо, спокойно, безопасно.

Я позволил себе на секунду вновь окунуться в тот сон, когда монстры без труда разодрали в клочья беззащитные окна кухни и лоджии.

— Теперь я такого не допущу! Выкусите, сволочи!!! — шептал я про себя, с наслаждением осматривая работу, поглаживая тугие рифленые прутья, приятно холодившие руку.

— Ты молодец, — жена услышала мои слова, подошла сзади и обняла меня двумя руками, плотно прижавшись ко мне всем телом, сначала слегка, потом вдруг сильнее, словно вложив в свои объятия все, что не могла выразить словами. А я был благодарен ей за это теплое, тесное и порывистое объятие. Оно словно окончательно покончило с нашей утренней ссорой, стерло ее и перезагрузило нас обоих, позволив вытравить из памяти обидные слова, сказанные сгоряча.

Все дело было в том, что в отличие от быстрой и безболезненной установки двери, с решетками нам повезло гораздо меньше. При чем я сам был во всем виноват. А именно, мое невротическое стремление сэкономить (привет маме). Сами решетки я заказал в крупной и приличной компании, а их установку решил поручить неизвестной бригаде с интернет сайта объявлений, которые запросили половину от средней стоимости подобных услуг на рынке. Я был доволен такой экономии, первое время, пока с бригадой установщиков не начались проблемы, и я не понял, что совершил ошибку.

Трое установщиков, деревенских молодых ребят, проработали два дня, не до конца установив двое из шести решеток, попутно погрузив наш дом в хаос. Они шумели, пилили, долбили, варили, мусорили, прерываясь каждые пятнадцать минут на перекур и каждые два часа на перекус, матерясь и плюясь, пропадая по часу в неизвестном направлении и бесконечно с кем-то разговаривая по телефонам. При этом проемы окон оставались уродливо открытыми, со снятыми рамами, словно кровоточащие раны, обнажая улице наше беззащитное жилище, прикрываемое хрупкой пленкой тонкого целлофана, приклеенного к краям липкой лентой.

Я же эти дни малодушно спасался от бытового ужаса тем, что уходил на работу, оставляя жену одну встречать горе-бригаду после развозки детей в школу и детский сад, а потом находится с ними целый день, обреченно наблюдая за бардаком, который они создавали. Мне, конечно, было тревожно за нее и за сохранность ценностей в доме (жена предусмотрительно спрятала все гаджеты и документы в дальнем углу спального шкафа). Но исправить что-либо с ситуацией было уже поздно. И мы лишь терпели, ждали пока

неприятные хлопоты закончатся, работа будет доделана, дверь за охламонами будет захлопнута и мы сможем привести наше жилище в привычное состояние. Тем более, что мы все еще не обосновались на новых территориях нашего жилища. Купленная квартира оставалась все еще нетронутой, наполненной гулким эхом пустых комнат и шкафов, все еще чужая, словно падчерица у нелюбящей мачехи.

К концу второго дня установщики попросили аванс, сославшись на неприятности в семье (какой сюрприз!). Я согласился заплатить, несмотря на то, что понимал, что мне врут, и я поступаю неразумно (до сих не могу избавиться от дискомфорта говорить людям "нет", позволяя собой манипулировать). Конечно — они больше не пришли. Конечно — они перестали брать трубки, а потом вообще их отключили. А я был даже рад такому исходу, несмотря на то, что заплатил больше, чем было выполнено работ. Я не хотел больше видеть их наглые тупые морды. И еще я пытался представить, что с ними станет после часа ИКС, злорадно надеясь, что они не выживут и превратятся в отвратительных упырей. Хотя потом пристыдил себя за подобные мысли.

На следующее утро мы решили, что хватит. Со вздернутым белым флагом капитуляции над головой, я позвонил в компанию изготовителей решеток за установкой (именно то, что я должен был бы сделать с самого начала). Когда я договаривался о деталях работ с девушкой — оператором, мне показалось, что она усмехается надо мной на том конце провода. Хотя, конечно, это было лишь в моем воображении.

"Скупой платит дважды" — слова известной поговорки, которую любит повторять моя мать, издевательски плясали у меня перед глазами, когда я записывал в блокноте сумму денег, которую нужно было приготовить для оплаты работ. Словно ты, мама, сама следуешь этому правилу... Как бы не так... Словно эту невротическую скупость я не впитал от тебя, мама... Хотя разве ты стала скупой по своей воле? Ты растила меня одна, без помощи родных в голодные девяностые. Разве у тебя был шанс стать другой? Нет... Хотя что я делаю? Нужно перестать перекладывать ответственность за свои поступки на других. Да, ты, мама, глубоко покопалась в моей голове, когда растила меня одна, в крохотном двухкомнатном домике с угольной печью, на отшибе большого равнодушного города. Но теперь я вырос и не обязан вести себя так, как ты меня научила.

Новые мастера, четверо собранных, молчаливых, одетых в чистые фирменные спецовки мужчин, как близнецы похожие на специалистов, которые установили нам новую дверь, закончили со всеми решетками в обеих квартирах за один субботний день, еще и переделав работу предыдущих “умельцев”, выявив в их установке существенные недостатки.

- Они почти не утопили крепления в стене, — объяснил мне бригадир, — решетки могли бы выпасть даже от сильного ветра.

Он стоял возле открытого окна и со знанием дела указывал толстым в мозолях пальцем на отверстия в стене, в глубине которых прятались крепления решеток. Его лицо, твердое, крупное, немного детское, со слишком широко поставленными глазами, что противоречило некой симметрии и отличало красивых людей от обычных, было серьезным. Но верхняя губа, немного вздернутая в ухмылке, все же выдавала его насмешку надо мной. Над дурачком с высшим образованием и высокооплачиваемой работой, которого обдурили трое бездельников с местного базара. Кинули на деньги и смылись.

- Дааааа?!!! — совершенно по-идиотски протянул в ответ я, пристыженный, понимая как глупо выглядел в его глазах, а самое главное — в своих собственных.

Когда же я перестану так сливаться. Где же моя гребаная самооценка? Сейчас же найди ее и подними с пола! Какого черта мне не все равно, что думает про меня какой-то левый мужик! Я плачу ему деньги. Он делает работу. Конец истории. Я никогда больше не увижу его. Почему же мне так стыдно перед ним? словно я — нашкодивший ученик перед учителем, наблюдаю снизу вверх за его вздернутой в насмешке губой, прокручиваю в голове слова, которыми он обзывает меня про себя. Скорее всего и не обзывает. Скорее всего ему вообще на меня все равно. Вероятнее всего, я для него — лишь очередной клиент, а все остальное я лишь себе навидумывал.

— Да, — повторил он мой ответ с утвердительной интонацией, — лучше обращаться к авторизованным специалистам, чем к кому попало с улицы, — продолжил он.

И тут меня осенило, что мои догадки подтвердились. Этот мужик действительно смеялся надо мной. Наслаждался возникшей ситуацией. Своим временным превосходством. И мне, к сожалению, не было на это плевать.

— Серьезно что ли?!! — с сарказмом выпалил мой рот, сам по себе, без ведома головы, будто выстрелил пулями из раскаленного автомата. Я немедленно пожалел о сказанном, заталкивая обратно раскаленный комок возмущения, поднимающийся из глубины живота, вверх по пищеводу, через горло, угрожая захватить и воспламенить гневом сознание. Еще одно постыдное доказательство моей обидчивости, уязвленного самолюбия, яркое подтверждение тому, что я сам себя не люблю и не уважаю, раз любое сказанное чужим человеком слово может вызвать во мне острую обиду.

“Масштаб вашей личности определяется величиной проблемы, которая способна вас вывести из себя” — сказал Зигмунд Фрейд и был прав. Видимо масштаб моей личности совсем не велик. И это нужно срочно исправлять. Теперь это вопрос не праздного повседневного комфорта, а вопрос жизни и смерти. Надвигается время, когда я не смогу позволить себе размениваться на лишние эмоции, обиды и рефлексии. Также, как и с нашим убежищем, я должен приготовить и себя, свою голову, свою психику к грядущим

испытаниям. Я должен превратиться в эффективный и жизнеспособный механизм, готовый отразить любые удары судьбы и защитить близких от угрозы. Без права на ошибку. Без скидки на слабости.

Что нас ждет впереди?

Ужас рушащегося на глазах мира?

Кошмар превращения человечества в орду кровожадных монстров?

Одиночество посреди безумия тонущей цивилизации?

Голод?

Жажда?

Болезни?

— Нам часто приходится переделывать установку других мастеров. Наши решетки сложные, тут нужны специальные инструменты и навыки. Вы правильно сделали, что вовремя обратились к нам, — как ни в чем не бывало ответил мужик, как будто (а может и действительно) не замечая мой сарказм, подавленный гнев, внутреннюю борьбу между противоречивыми чувствами и переживаниями о грядущих катаклизмах.

Стоило ему произнести эти слова как буря негативных эмоций, клокочущая в моем сознании немедленно успокоилась, уступив место щенячей симпатии к этому чужому человеку со смешным детским лицом. Я даже ощутил подступающую влагу на глазах (вот блин, королева драмы). Стоило мне понять, что передо мной был обычный мужик, прямолинейный и бесхитростный, скорее всего добрый и честный трудяга, как я осознал насколько заблуждаются в своей неприязни к нему.

И мне, как обычно бывает, стало стыдно.

Долбаные качели.

Вправо и влево.

В этом весь я.

Но к привычной дозе рефлексии добавилось горькое осознание собственной жадности и глупости, которая почти поставила под угрозу весь наш план, жизни членов моей семьи. Ведь страшно было даже представить, если в нужный момент, мои едва подвешенные решетки рухнули бы под первыми ударами вурдалаков.

Я — глупец, потерявший выигрышный лотерейный билет.

Я — растяпа, опоздавший на нужный рейс.

Я — дурак, променявший золото на медяки.

Я — ошибка в программном коде, заставившая зависнуть целый сервер.

Мне нужно перестать быть таким. Я не могу позволить себе этого. Цена моих ошибок может быть слишком высокой.

Я глубоко и скорбно выдохнул.

— Вы у себя дома тоже такие поставили? — спросил я мужика, окончательно успокоившись.

Я надеялся, что тот ответит утвердительно.

— Зачем мне это? Я на третьем этаже живу. К нам никакие воры не доберутся..., - ответил он, широко улыбнувшись, обнажая два ряда желтых прокуренных зубов, — с третьей женой живу и дочерью ейной, — зачем-то добавил он.

— Ну... все равно как-то спокойнее с решетками..., - не унимался я, будто надеясь переубедить этого простака, чтобы к следующему лету у него был хоть небольшой шанс спасти себя, свою третью жену и приемную дочь.

Он озадаченно посмотрел на меня, зажал в задумчивости двумя пальцами кончик широкого вздернутого носа, словно пытался лучше понять меня, определить, с каким чудачком он имеет дело, а потом после долгой паузы громко гэкнул и снова расплылся в улыбке, еще шире предыдущей.

— Вы меня простите... Не мое дело... Вам эти решетки зачем? На двенадцатом-то этаже? — он глянул через окно вниз, в пропасть, где далеко внизу, словно пластмассовые игрушки виднелись фигурки людей и машин.

Мне захотелось тут же все ему выдать, вывалить на стол все что знаю. Но я вовремя себя остановил, вспомнив уговор с супругой не гнать горячку и не создавать проблем.

Не найдя нужных слов в ответ, я только пожал плечами, наблюдая, как он убирает за собой мусор на полу, протирает чистой белой тряпкой пыльные разводы на окне и перебрасывается репликами с двумя другими мастерами, которые заканчивали работу в соседней комнате.

— К концу света готовитесь? — корячась на корточках, повернув ко мне голову вверх, все еще добродушно улыбаясь спросил он.

— Что? — я замер и похолодел от его слов.

— К концу света готовитесь? — повторил он и добавил, — от космического вируса?

Я ошарашенно смотрел на него, широко раскрыв глаза и замерев от неожиданности...

— Вы..., вы.... о чем....? — пробормотал я, изумленно всматриваясь в глаза мужика.

Выражение его лица оставалось мультяшно-добродушным, а рот все также растягивался в широкой улыбке. Но его глаза цвета намокшей древесной коры вдруг насторожили меня. Его взгляд неожиданно стал острым, испытывающим, хитрым. словно этот чудной мужик разыгрывал передо мною комедию, притворяясь простаком, а глаза выдали то, что показывать он не планировал.

Мужик не отвечал, застыв в неудобной позе на корточках, с задранным ко мне вверх лицом, с зависшей в воздухе рукой с белой тряпкой. Его странный взгляд держал меня словно на крючке, заставив замереть на месте, не отрывая глаз.

Секунда за секундой тянулось молчание, длинная пауза, словно густая и тягучая патока со столовой ложки.

— Я говорю — мне смету готовить? Оплатить установку? — прервал молчание он, при этом взгляд его глаз неожиданно снова стал прежним, взглядом добродушного простака.

— Вы же сказали... — я попытался собраться с мыслями и разобраться в своих ощущениях.

Ведь я не мог ослышаться. Она сказал “К концу света готовитесь? От космического вируса?” Я не мог не расслышать. Он сказал эти слова. Абсолютно точно сказал. Пусть не прикидывается. Почему он их сказал? Он тоже знает? Неужели? Откуда? Он тоже видел сон, как и я?

Тут я вспомнил о своей гипотезе, которую обсуждал с женой в начале лета, что некая сила посылает предупреждающие сигналы тем, кто их может получить (особо чувствительным, склонным к ярким сновидениям, детям, людям с особенностями мышления или группе избранных, отобранных по некоему алгоритму).

Я вспомнил мальчика, которого встретил в доме погибшего работника с предприятия. Того пацана с синдромом Дауна, когда он сказал мне фразу, которая насторожила и испугала меня. Что же сказал он мне? Какое-то одно слово. “Жди”? “Это будет”? Нет. Как я мог забыть?!! А!!! Да!!! Он сказал “Готовься”. Точно.

А потом была моя старшая дочь с ее сном, который точь в точь повторил последние фрагменты моего сна, когда монстры “съели тетю внизу, а потом залезли в нам, обидели нас... и съели...”

Что же это может быть? Уже четвертый случай? Или нет? Послышалось?

— Что я сказал? — непринужденно спросил мужик, выпрямляясь во весь рост и уставившись на меня вопросительно своим обычным, совершенно плоским и невозмутимым взглядом.

— Вы сказали по другому, — упрямо настаивал я, ощущая, как из глубины моего живота снова поднимается волна возмущения. От того, что мне приходится оправдываться и что он опять вынуждает меня ощущать себя дураком.

— Я так и сказал, — спокойно ответил он не меняя интонации, — то есть спросил — “Готовить ли мне смету на оплату?”. А вам что слышалось?

— Мне не слышалось, — тихо, с трудом подавляя злость, процедил я сквозь зубы.

Мы стояли возле окна. Друг против друга. словно боксеры перед боем. И наши взгляды снова сцепились. При этом его глаза на несколько мгновений повторили свой прежний

трюк. Они вдруг опять стали глубокими, потемнели в оттенок намокшей древесной коры, будто начав жить своей жизнью, отдельно от всего остального лица. Но на этот раз я не чувствовал себя парализованной жертвой. Напротив, благодаря контролируемому огню возмущения, который горел у меня внутри, я стал полноценным соперником, смело бросая ему вызов.

Теперь он сдался первым, погасив свой странный взгляд, отвернувшись и засобравшись к выходу.

— Ну если наличных нет, то ничего страшного. Оплатите установку напрямую компании. Помните телефон? Позвоните им. Они вам скажут банковские реквизиты. И тип-топ...

Потом, как мне показалось, он излишне поспешно подхватил на руку собранную сумку с инструментами, стремительно вышел в гостиную, на ходу коротко кивнув двум другим мастерам, закончившим работу, рывком открыл входную дверь и пропал из вида в недрах подъездного коридора. За ним, также поспешно, последовали двое других. Я растерянно смотрел на этот исход, безуспешно ловя глазами взгляды уходящих мужчин.

Через считанные секунды мы с женой остались в квартире одни. И меня понесло...

Загадка

— Ты представляешь, что он мне сказал? — накинулся я на супругу.

— Что? — не оборачиваясь ко мне, продолжая заниматься уборкой, спросила она.

— Он спросил — готовлюсь ли я к концу света от космического вируса!!!

— Что? — супруга, наконец, оставила свои хлопоты и обернулась ко мне.

— Готовлюсь ли я к концу света от космического вируса!!! — громко и нервно повторил я.

Признаюсь, меня раздражает особенность некоторых людей постоянно переспрашивать собеседника, даже если они прекрасно расслышали вопрос. Я подозреваю, что они так делают для того, чтобы выиграть время на обдумывание полученной информации и для подготовки ответа. Очень неприятно, если честно. Неужели они не могут не переспрашивать? А просто помолчать. Взять тайм-аут. Переварить данные и ответить в своем темпе, что впрочем также весьма мерзко, но все же более терпимо, в отличие от постоянных переспрашиваний, заставляя собеседника повторять уже сказанное и тратить свою энергию впустую.

Моя супруга — великолепная девушка и я люблю ее, стараясь принимать всю целиком, со всеми особенностями характера (так, впрочем было не всегда, было время, когда я изводил ее своей критикой, но потом, благодаря почерпнутой мудрости из книг хороших психологов, я так поступать перестал, и меня отпустило...).

Все же, иногда меня несет и я не могу удержаться от раздражения на нее, но по крайней мере я теперь не высказываю (почти никогда) свое недовольство вслух, продолжая работать над собой, что, как мне кажется, не раз спасало корабль моего брака от столкновения с рифами семейной жизни. Как говорить в отношениях есть три варианта поведения: первый — принять человека, перестать париться и жить счастливо; не принять и свалить, позволив обоим найти путь в жизни получше, там где все нравится; и не принять и не уйти, пожертвовав самым ценным, что у нас есть — временем и жизнью, на бесконечное страдание, рефлексии и неврозы. Я выбрал первый вариант...

Супруга долго ахала и охала, все переспрашивая одно и то же, заставляя рассказывать ей снова и снова детали моего диалога с тем странным мужиком.

— Ты знаешь, мне он тоже показался странным. А эти двое других, представляешь, за все время не сказали ни слова... Хотя я спрашивала у них про решетки. Ну, крепкие они или нет? Можно ли распилить или сломать. Они просто молчали. Странные какие-то... Может по-русски не говорили? Да вроде русские были. Очень странно. Ты думаешь, что они что-то знают?

Она продолжала стоять посреди комнаты, с детским розовым стульчиком в одной руке и шваброй в другой. Ее узкое бледное красивое лицо исказилось гримасой озабоченности, обозначив привычные морщинки на высоком лбу. Эта была еще одна ее особенность, которая меня раздражала. Моя супруга совсем не была многозадачна. Главное слово — "совсем". То есть она не могла выполнять два действия сразу. К примеру — кушать и вести диалог. Заниматься домашними делами и обсуждать что-нибудь. Стоило ее отвлечь, хоть пустяковой фразой, так она застывала на месте и сосредотачивалась исключительно на новом предмете внимания, словно сурикат при свете фонаря в степи.

И тут у меня возникла идея, которую я немедленно принялся исполнять.

— Что? Что ты делаешь? Куда ты звонишь? — донимала меня она, пока я искал телефон, а потом набирал нужный номер.

Я решил не тратить время на объяснения, решив, что она сама сейчас все поймет.

В телефоне зашумело, затрещало, потом динамик сорвался на длинный гудок. Первый, второй, третий....

Что за фигня?!! Почему они не берут трубку?!!

Я с трудом сдерживал свое волнение и нетерпение, заметив, что пальцы на правой руке принялись сами по себе отстукивать на столе мелкую дробь.

На шестом гудке я почти отчаялся. Но звонок вдруг наконец приняли. Динамик ожил знакомым голосом девушки — оператора.

— Здравствуйте. Я хочу оплатить установку решеток. Ваши мастера только что закончили у нас работу. Да.... Адрес правильный. Да... Как? Я не понимаю... Они ведь только что у нас были?!! Как это может быть?..... Да... Да.... Нет... Я ничего не платил... Они сказали, что я могу оплатить у вас через компанию. Банковским переводом. Так вы не работаете? Да... Я не понимаю.... Хорошо... Я понял... Спасибо....

Я медленно, негнущейся рукой положил телефон на стол, ощущая как кровь отливает от головы и пол уходит из под ног.

— Что? Ты звонил в строительную компанию? Зачем? Что они сказали? — словно заведенная, сыпала вопросами жена, продолжая удерживать в руках детский стульчик и швабру.

— Они сказали, что наш заказ на установку решеток было отменен. Якобы я сам позвонил и отменил. И они никаких мастеров к нам не отправляли...

— Что?!! — переспросила супруга, снова взявшись за свое.

Я не нашел сил ответить. Лишь молча, ватными ногами подошел к окну, пристально осматривая проделанную мастерами работу.

Догадки, гипотезы, варианты словно осы в разбуженном улье, кружились в моей голове, не давая надолго сосредоточиться ни на одной из них.

Как же так получилось, что кто-то отменил мой заказ на установку решеток. А после кто-то, может быть тот же самый человек все же сделал работу. Это было тот странный мужик? Скорее всего... А зачем? Что ему с этого? Какая ему разница? Еще его слова... Проконеч свет от космического вируса. Он ведь точно сказал их. Без сомнения. Это все не просто так... Это все как то связано между собой... Сказал.... Я точно услышал и не могу ошибаться.

Надо об этом подумать... Хорошенько подумать. Хотя, впрочем, какая разница? Главное, что решетки стоят!!! Вот они!!! Реальные!!! Качественные!!! Крепкие!!! Профессионально установленные!!!

Черт возьми!!! А может быть все еще сложнее? Может быть и первая бригада, те охламоны, которые пропали и не доделали работу, как то связаны со всем остальным? Может быть они не сами решили смыться? Может им помогли? Устранили, чтобы не позволить установить решетки халтурно? Может быть, так было подстроено? Получается кто то за нами присматривает?

Кто?

Зачем?

Почему?

Именно за мной?

Вопросов так много!

И нет никаких ответов!

Впрочем опять же, на самом деле, сейчас никакой разницы нет...

Главное, что все получилось как нужно! Мне нужно было установить хорошие решетки? Да. Нужно было! Вот они и стоят!!!

Я поделился своими переживаниями с супругой, которая, наконец, оставила в покое детский стульчик и швабру и подошла ко мне.

— Да! Да!!! Какая разница!!! Все равно, — соглашалась она с моими выводами, кивая головой, сжимая в гармошку свой высокий светлый лоб, — и деньги целее..., - добавила она, улыбнувшись.

— Это точно..., - усмехнулся в ответ я, чувствую благодарность ей за поддержку и за то, что смогла своей шуткой снизить градус моей тревоги.

Еще я отметил про себя, что именно так бы, наверное, отреагировала бы моя мамочка.

Как же ты умудрилась, подумал я, сама того не желая перенять от моей матери эту ее мелочную практичность, граничащую со скаредностью? Ты же ее на дух не переносишь? Я помню, ты такой не была, когда мы с тобой познакомились. Ты была маленькой неподготовленной к жизни девочкой. Впрочем, ты такой в целом и осталась, но в тебе точно не было этой вороватой практичности. А я не могу себя понять, нравится ли мне это? Твоя

новая особенность пойдет на пользу нашему партнерству по выживанию в наступающем апокалипсисе. И это хорошо. Но то, что ты скопировала поведение моей матери — мне однозначно не нравится. Прости мама...

Я до сих пор отчетливо помню, как в время моей ранней юности, моя мать случайно проглотила во время еды рыбную кость, которая намертво застряла в глотке. Я и бабушка безуспешно пытались справиться с проблемой дома сами, народными средствами, но ничего не помогло и пришлось ехать в больницу. В приемном отделе скорой помощи, ожидая очереди к хирургу, моя мать сидела с прямой спиной, едва шевелясь и с трудом дыша, боясь, что кость проколет пищевод и станет намного хуже. Рядом же, на скамейке, лежал оставленный кем-то зонт, который привлек внимание матери. Стоит ли говорить, что она, несмотря на свое состояние, аккуратно под села к зонту и положила его в свою сумку. Девяностые года. Может начало двухтысячных. Вдова, воспитывающая сына одна, в эпоху экономических катаклизмов, без чьей либо помощи. И тут — хороший японский зонт! Дорогая и качественная вещь. В хозяйстве пригодится...

Мы с женой еще некоторое время простояли возле окна, успокоившиеся, принявшие случившееся как данность. Потом обошли все другие окна, закованные в такие же крепкие решетки, словно в броню. Зрелище было приятным.

— Теперь я такого не допущу! Выкусите, сволочи!!! — пробормотал я себе под нос, вспоминая свой сон.

— Ты молодец, — сказала жена, плотно прижимаясь ко мне всем телом, растворяя последние нотки тревоги и напряжения.

И тут я заметил кое-что в окне. Что-то странное. То, что не должно было быть там...

Я пригляделся к чисто вымытому стеклу и обнаружил, что нам нем виднелись какие-то знаки. Как будто бы цифры. Я подошел вплотную, стараясь смотреть на стекло под таким таким углом, чтобы следы были видны лучше.

Это были цифры. Они были весьма отчетливо нанесены на стекло. Скорее всего пальцем.

43,630188, 51,172650.

— Что это? — супруга, сморщив лоб и оттолкнув меня в сторону, рассматривала знаки на стекле.

— Откуда мне знать..., - с едва скрываемым раздражением ответил я.

У нее была такая привычка. Отталкивать меня в сторону. И задавать бессмысленные вопросы.

— Цифры какие-то..., - задумчиво протянула она, не обратив внимания на мой ответ.

Я заметил, как она воодушевилась. Как заблестели ее глаза. Я вспомнил, что она любит такое. Загадки, цифры, ключи. Школьная отличница, победитель математических олимпиад, обладатель диплома инженера-сметчика. Жаль, что ей пока не пришлось ни дня проработать по специальности (и я знаю, такая нереализованность гнетет ее).

А тут цифры... На стекле... Оставленные тем странным мужиком, который задал мне вопрос про космический вирус, а потом сбежал с двумя такими же странными подельниками.

43,630188, 51,172650.

Мы с женой продолжали таращиться на цифры, со всех возможных сторон, просматривая их на свет, на темную поверхность соседнего здания.

Ошибки быть не должно. Это были несомненно цифры, а не случайная мазня, оставленная грязными руками.

Жена что-то бормотала, выкрикивала фразы, обращаясь ко мне. Я же ничего не слышал, полностью погрузившись в собственные размышления.

Я — Робинзон Крузо, заметивший на морском горизонте силуэт проплывающего корабля

Я — ученый, обнаруживший рабочую формулу после долгих лет неудач.

Я — древнегреческий астроном, впервые нашедший новую звезду в ночном небе.

Я — дикий абориген, вертящий в руках последнюю модель айфона.

— .... надо записать..., - уловил я отрывок речи супруги.

Точно. Как я сразу не догадался. Молодец. Надо записать эти цифры. Срочно. Мало ли что может случиться. Может быть в комнате измениться температура, влажность или еще что..., и надпись пропадет.

Пока жена носилась по квартире в поисках клочка бумаги и ручки, не обращая внимания на истошные вопли детей, требующих то ли воды, то ли еды, то ли вытереть попу после туалета, я догадался взять смартфон и попытался запечатлеть надпись в фотографии. По началу ничего не выходило. Надписи оказывались не видны, смазаны, засвечены, забликованы. Наконец, с десятого, наверное, раза, я нашел правильный ракурс и получил нужное качество изображения.

Супруга, не обращая внимания на мои старания с фотографированием, записывала цифры в найденный в детской комнате блокнот. Пусть. Вернее будет, подумал я.

43,630188, 51,172650.

Что это может быть? Шифр? Код? Цифры нужно сложить? Разделить? Разгадать послание по очередности букв в алфавите? Что бы оно ни было, это было очень важно. Это был ключ!!! Ключ к разгадке всех странностей, которые происходили в последнее время в

моей жизни. Почему мне так казалось, я не мог объяснить. Может просто хотел в это верить...

Я отставил телефон в сторону и снова уставился на цифры. От волнительных, тревожных мыслей в голове застучало. Меня кинуло сначала в жар, потом в холод, а перед глазами закрутились белые мошки. Идеи, догадки, сомнения кружились в моем разгоряченном сознании, словно безумный рой пчел. Этот рой крутился, жужжал, вскипал по нарастающей, грозя свалить меня в обморок, пока каким то чудом, я не ухватился за одну догадку, которая вмиг остановила хаос, заставив все встать на свои места.

— Это географические координаты!!! — громко выкрикнул я, наблюдая как от изумления расширяются глаза супруги.

На следующий день, 14 июля 2019 года, я проснулся рано, в начале девятого утра. В квартире было тихо и спокойно. С улицы, через полуоткрытое окно доносились приглушенные звуки просыпающегося дня. Воздух в комнате будто был подернут прозрачной дымкой, а знакомые вещи и предметы мебели словно выглядели по новому, свежее и новее, как если бы за ночь их кто-то выстирал и протер.

Мы все вчетвером спали эту ночь вместе, вповалку, перемешавшись, словно новорожденные котята в коробке, среди скрученных груд одеял и подушек. По выходным в нашей семье с дисциплиной было плохо (да и по будням, если честно — не намного лучше). Так что дети заснули с нами, широко раскинув свои пухлые розовые ножки и ручки, заставив супругу вплотную прижаться к самому краю кровати. В детской у девочек были свои места, но нам было трудно (на самом деле — лень) приучать к ним детей. Да я и рад этому. Пройдет время и детки станут самостоятельными, перестанут тянуться к нам. А потом совсем вырастут и оставят нас, чтобы начать свои собственные взрослые жизни. А пока — мы были молодыми родителями двух крошек — девочек. Шести и четырех лет. Мы были нужны им. И это было прекрасно.

Я лежал и прислушивался к сопению спящих рядом детей и жены. Не двигаясь, боясь шелохнуться и разрушить эту утреннюю воскресную негу. Словно ночью на моем теле некие волшебные создания построили хрустальный замок, прекрасный, но настолько хрупкий, что первое мое движение немедленно обрушит всю конструкцию. Я хотел продлить этот момент. Словить на кончик языка и посмаковать, словно хорошее сложное вино. Прощупать каждую молекулу ощущений, запомнить их, отложить в самых глубоких и надежных тайниках памяти, чтобы когда-нибудь через много лет достать их наружу, стряхнуть пыль, раскрыть и снова вдохнуть ароматы этого момента.

Я все лежал, не двигаясь, вдыхая детский аромат, неуловимо разлитый в воздухе, осторожно поглаживая девочек за их мягкие ладошки и пяточки. Потом посмотрел на жену, на ее узкое лицо, безмятежное и красивое.

Потом я закрыл глаза в попытке заснуть снова, чтобы поспать подольше перед рабочей неделей. Но тут я разом все вспомнил. Все переживания прошедших дней. Свой кошмар. Грядущий апокалипсис. Нашу подготовку к нему. А особенного события вчерашнего вечера. Это осознание в один момент вернуло меня к суровой реальности, разогнав остатки сна и обрушив в мелкие осколки мой хрустальный замок волшебного момента семейного счастья.

Я осторожно выбрался из кровати и принялся действовать. Голова была удивительно ясной, несмотря на то, что мы с женой уснули поздно, обсуждая дальнейший план действий. Самое главное, что мы обнаружили, прочесав данные google карт, что координаты, оставленные на стекле сходились на точке совсем недалеко от нас, в пределах населенного пункта, где мы живем.

К югу от центра города, там, где городские кварталы огибают уходящий в синеву моря мыс, у основания естественной бухты, располагался единственный в стране яхт-клуб. При слове яхт-клуб в воображении, наверное, представится образ роскошной морской марины где-нибудь на средиземноморье, облепленной, словно ягоды облепихи, рядами белоснежных яхт. Наш же яхт-клуб имел мало схожего со своими старшими средиземноморскими

собратьями. И назывался он глупее не придумаешь. Яхт клуб “Бриз”.

Представлял он собой огороженную невысоким железным забором территорию. Со стороны города в ряд были расположены одноэтажные разномастные строения и гаражи, а у кромки моря на различных сваях, стойках и креплениях торчали два десятка лодок самых разных размеров, от крохотных суденышков до полноразмерных яхт. Новые, блестящие и полированные. И старые, дряхлые с облезлыми растрескавшимися боками. Заботливо укутанные в брезент и открытые солнцу и ветрам. А с самого дальнего края виднелся бетонный рукав уходящего в море пирса, основанием которого служило самое большое строение яхт-клуба — помещение администрации.

Вот именно на этом помещении сходилась точка найденных нами координат.

С высоты птичьего полета, а точнее с высоты спутниковой фотографии google maps, здание выглядело обычным ярко-синим квадратом на фоне желтизны окружающего ландшафта. Простым незамысловатым квадратом. Ночью, когда мы с женой обнаружили находку, то довольно долго всматривались в найденное изображение, отмечали детали, приближали и отдаляли масштаб, пытаясь разглядеть на карте что-нибудь особенное. Будто бы в этом изображении скрывался некий смысл, ключ к разгадке нашей тайны.

Наскоро приготовив себе завтрак, я как можно быстрее запихал его в себя, стараясь не шуметь и не разбудить домашних. Перед собой я поставил смартфон, на экране которого продолжал рассматривать спутниковое изображение яхт-клуба с заветным синим квадратом.

Полный решимости выяснить тайну загадочного послания, я пулей выскочил из квартиры, чуть не забыв запереть за собой дверь. Спустившись на лифте вниз, я сел в машину и, не прогрев двигатель, полупустыми, все еще по-утреннему прохладными улицами повел ее по направлению к пункту назначения. К яхт-клубу с идиотским названием “Бриз”.

По пути я невольно осматривался по сторонам. Замечал редких воскресных прохожих. Бодрых бабушек-пенсионерок, деловито торопящихся по своим делам. Молодых мам с колясками, сидящих на скамейках, окрикивающих непоседливых малышей. Долговязых подростков, шумными группами перебегающих дорогу в неположенных местах. Неулыбчивых мужчин лениво развалившихся в салонах автомобилей, потягивающих сигареты, взгляды которых я умудрялся ловить в моменты, когда наши автомобили останавливались на красных сигналах светофоров.

Открывались и закрывались двери магазинов и кафе. На балконах домов сушилось белье. Слышались разговоры, возгласы, крики, смех. Мелькали лица людей. Озабоченные, улыбающиеся, скупающие, злящиеся. Наш небольшой уютный город постепенно просыпался, лениво потягивался, стряхивая с себя сонную муть, собирался с силами, готовился повернуть еще один круг предстоящего дня.

Наблюдая за обыденной городской суетой, ход моих мыслей принялся за старое.

Что же будет со всем этим?

Со всеми этими людьми?

С бодрыми бабушками?

Молодыми мамами?

Беспечными детьми?

Серьезными мужчинами?

С кафешками?

Магазинами?

С улыбками?

Смехом?

Неужели менее, чем через год все это исчезнет?!!

И прежде чем эти мысли смогли утянуть меня в омут привычной рефлексии, в зеркале заднего я заметил синий автомобиль, вроде Лады Приоры, который подозрительным образом в очередной раз оказался позади моей машины...

Кажется, впервые я увидел эту машину возле своего дома, когда выезжал со двора на основную улицу. Обыкновенная машина, каких в городе сотни, с самым обыкновенным внешним видом, наверное купленная в кредит для заработка извозом с Яндекс Такси. Об этом свидетельствовала фирменная желто белая наклейка, приклеенная на заднюю дверь.

Потом мы остановились на ближайшем перекрестке и Лада пристроилась прямо за мной, что также не пока вызывало у меня подозрений. После я свернул по продольной улице в сторону моря и заметил, что синяя машина также повернула за мной. Мало ли? Город наш небольшой. Дорога вдоль моря менее загруженная, чем центральная улица, и по ней куда приятнее ехать. Может быть, водитель-незнакомец также знал об этом и следовал такому же правилу.

Когда я выехал на приморский бульвар, синяя Приора затерялась в потоке и я забыл про нее. Так я проехал почти весь город, преодолев большую часть расстояния от дома до пункта назначения, занятый своими мыслями и наблюдениями за мирской суетой воскресного города.

Свернув на второстепенную улицу возле парка развлечений, я снова заметил незнакомца. Синяя Приора пристроилась вплотную за мной, нарушая разумные правила о минимальной дистанции между автомобилями.

Это было странно. Даже возмутительно. И не выглядело случайностью. Этот придурок реально ехал в считанных сантиметрах от моего заднего бампера. Я вспомнил, как мой друг, когда учил меня водить много лет назад, советовал в таких случаях резко давить на тормоза, тем самым отпугивая подобных нахальцев. Но в моем случае, такой финт привел бы к неминуемому столкновению.

Я постарался рассмотреть водителя за лобовым стеклом, но полуденное жаркое солнце, пригвожденное к макушке безоблачного синего неба, оставляло салон автомобиля в непроглядной тени, резко контрастирующей с ярко освещенной улицей.

Мои руки неприятно вспотели от волнения, а пульс завелся в ускоряющемся ритме. Я вытер взмокшие руки о джинсы и глубоко выдохнул в попытке унять сердечный ритм.

Что же мне делать? Остановиться и попытаться по мужски разобраться с обидчиком. Но такие способы решения конфликтов никогда их не решают, а только усугубляют. Я — офисный профессионал на хорошей корпоративной должности, интеллигентный, разумный, образованный человек, прочитавший много литературы про эмоциональный интеллект и методы цивилизованного разрешения конфликтов. Я не могу вести себя как неандерталец.

После некоторых раздумий и колебаний, я решил, что оптимальным решением возникшей ситуации будет немного поддать газу, чтобы попытаться оторваться от Приоры, в надежде, что недоразумение само собой разрешится и тот тип перестанет меня преследовать, направившись по своему маршруту.

Но какое было мое удивление и возмущение, когда я увидел, как приора также поддала скорость и снова пристроилась за мной. Ошибки или совпадения быть не должно. Этот урод целенаправленно преследовал меня. И не пытался это даже скрыть, что было неприкрытым выражением агрессии.

Коктейль из эмоций: злости, страха, возмущения, захлестнул мое тело, опустив белую

пелену перед глазами и ускорив сердечный ритм. Я резко поддал газу, превысив максимальную допустимую скорость. Приора невозмутимо сделала то же самое и снова заняла свое место прямо за мной.

Я не глядя пролетел нерегулируемый перекресток, где должен бы был пропустить проезжающих по главной дороге. Маневр удался. Дорога оказалась пуста. А Приора продолжала меня преследовать, приклеившись за мной, не отрываясь ни на метр.

Скорость на спидометре приближалась к отметке 100 километров в час и мы неслись по узкой трассе в сторону индустриального пригорода, давно проехав нужный поворот на яхт клуб. По какому-то чудесному стечению обстоятельств, оба встречных перекрестка были пусты и горели зелеными сигналами светофора.

Я понимал, что поступаю глупо. Что в любой момент наша погоня может закончиться плачевно. Случайный пешеход может внезапно выскочить на трассу. Машина может выехать со второстепенной улицы, заблокировав дорогу. Или мой очередной лихой маневр по обгону попутных автомобилей закончится неудачей. Но я все ждал и надеялся, что преследователь, наконец, отстанет, что у водителя не выдержат нервы, а может быть, в конце концов, у него перегреется двигатель, это же все таки гребаная Лада Приора!!! Но не тут то было. Он не уступал мне в безрассудстве, продолжая нашу безумную гонку. Нам даже ни разу не встретился на пути экипаж дорожной полиции, хотя я помню, что они часто патрулируют эту часть города.

Обгоняя очередную порцию попутных автомобилей, я заметил впереди желтую коробку камеры-радар. И подумал, что на этом все! Хватит!!! Теперь точно нужно остановиться. Я не буду настолько идиотом, что заработаю штраф за превышение скорости только потому, что испугался гребаной Приоры. В самом деле, зачем я убегая? Чего я боюсь? К тому же, вдалеке виднелся очередной перекресток с крупной междугородней магистралью, который я однозначно не смогу проехать, не остановившись.

Секунда! Еще одна! И еще!!! Все! Теперь!!! Хватит!!! Останавливаюсь!!!

Моим первым импульсивным желанием было остановить машину колом, нажав всей силой на тормоза, позволив Приоре со всей дури въехать мне в зад. Его ведро с гвоздями не должно пережить такого удара в область двигателя. Моему же свежему японскому внедорожнику удар в багажное отделение не принесет проблем. А потом я смогу спокойно уехать, оставив врага обездвиженным, истекающим маслом и тосолом. Но это было бы глупо, целенаправленно повреждать свой автомобиль, тем более сейчас, когда мне он был нужен, чтобы исполнить план подготовки к часу икс.

Я с трудом остановил себя от подобного безумства. И когда до зоны действия радара оставалось несколько десятков метров, я принялся постепенно тормозить, позволяя преследователю также синхронно снижать скорость, продолжая находится в близкой дистанции от меня.

Когда наша скорость снизилась до минимума, я съехал на обочину, остановился, поставил коробку передач на парковочный режим, убрал ноги с тормоза, снял руки с руля и уставился в зеркало заднего вида, в котором отражалась Приора и загадочный водитель, все также скрытый в тени салона.

— Ну, гребаный урод! Что дальше? — зло процедил я себе под нос, чувствуя, что еще немного и я не удержусь, выскочу из машины, подбегу к Приоре, вытащу мерзавца их салона и надаю ему по мордам.

Ничего не происходило. Приора продолжала стоять на месте и никто из нее не выходил.

Меня же начало трясти от ярости, руки дрожали, во рту пересохло. Я подождал еще немного, не отрывая взгляда от Приоры. Потом все же не выдержал напряжения, рывком открыл дверь и пружиной выскочил из машины. Полный решимости, сжимая кулаки, я направился к обидчику.

Когда до Приоры оставалось лишь несколько шагов и я отчетливо начал различать очертания лица водителя, машина резко дернулась, круто с визгом покрышек развернулась, прямо передо мной, почти проехав по ногам и в считанные секунды скрылась из вида, свернув с главной дороги в какой-то проезд.

Я стоял на месте, растерянный, сбитый с толку. Потом было кинулся к машине в стремлении нагнать обидчика, но потом остановился, передумав, решив, что из этого ничего дельного не выйдет.

Несколько минут я сидел за рулем, не двигаясь, с успокоившейся головой обдумывая случившееся и заключив, что этот случай с Приорой как-то связан со всем остальным. Мой сон, сон дочери, мальчик с похорон, установщики решеток, цифры на стекле, и теперь эта странная синяя Приора — все это элементы пазла, которые нужно собрать воедино, чтобы увидеть разгадку. И кажется, что разгадка могла быть там, куда я направлялся.

Я аккуратно развернул машину обратно, в сторону города, и, не превышая скорости, направил автомобиль в сторону яхт-клуба “Бриз”.

На обратном пути в сторону города я только заметил, что совершенно взмок. Так, что моя футболка неприятно прилипла к холодеющей спине. Окна машины были наглухо закрыты, в машине было душно, а из за переживаний погони я совершенно забыл включить кондиционер.

Открыв окно с водительской стороны в попытке проветрить салон, я почувствовал как мое лицо обдало полуденным жаром. Я поскорее закрыл стекло и на полную включил кондиционер. Машина в ответ недовольно загудела, но все же выпустила поток приятной прохлады. Так было намного лучше. Если бы я догадался сделать это раньше, тогда, во время погони, может быть, я поступил бы иначе. С холодной головой. В буквальном смысле слова. Может быть я бы заставил его остановиться раньше, зажал бы в потоке, прижал бы к бордюру, заставил бы объясниться, сдал бы ментам... Но точно не допустил того, что случилось в итоге. Я попросту упустил его, оставшись наедине со своими неотвеченными вопросами.

Кто был этот водитель?

Что он хотел от меня?

И самое главное — связан ли он со всей остальной историей о грядущей эпидемии?

Когда я приезжал мимо поворота, где скрылся преследователь, то немного притормозил, посмотрел в сторону уходящей вдаль дороги, которая быстро заполнялась автомобилями, и с трудом остановил себя от импульса повернуть в ту же сторону в попытке отыскать злодея. Я понимал, что это было бы бесполезно. Я лишь потерял бы время и силы.

И тут меня осенило! От досады я даже стукнул себя ладонью об лоб.

Я не запомнил его номер!!!

Это было бы самым логичным и необходимым в моем положении. Запомнить, записать номер, чтобы потом попробовать пробить его в базах данных и выяснить кто мог бы быть водителем той приоры.

От злости на самого себя я крепко сжал руками руль, так что заскрипела кожаная обмотка.

Я — космический долбан!!! Тупица!!! Баран!!! Овца!!! Как можно было не додуматься?!! В каждом фильме, сериале, рассказе или романе, который я когда-либо смотрел или читал, где была сцена преследования незнакомым автомобилем, герои первым делом записывали регистрационный номер!!! Все!!! Но стоило такое случиться со мной в реальной жизни, так я все напрочь забыл!

Что же делать?!! Возможность упущена! Я попытался вспомнить, выловить из памяти заветные цифры. Но бесполезно. Проблемой было то, что большую часть преследования автомобиль ехал слишком близко к моей машине, так что номерной знак не показывался в моем зеркале заднего вида. Но ведь были моменты, когда плашка была в поле моего зрения, особенно в начале пути.

Что же там было? Что же?!! Кажется это был местный номер. В противном случае я бы обратил внимание на знак другого региона. Кажется, там была цифра “пять”, еще “три”, или “семь”. На этом все! Я не помнил больше ничего. И, конечно, у меня не было видеорежистратора. Я всегда считал подобную приблуду прерогативой нудных комсюков,

всяческих задротов, на дороге и по жизни, к которым не хотел себя относить. Но сейчас я впервые пожалел, что пренебрег этим гаджетом и упустил возможность записать погоню и преследователя на видео. Хотя видеорегистраторы, обычно, устанавливают на переднюю сторону, а не назад. Впрочем, есть типаж, которые записывают и обе стороны.

С этими мыслями я доехал до места назначения. Припарковался у ворот яхт-клуба, в свободной нише между плотно поставленными автомобилями, и вышел на солнцепек.

Яхт-клуб представлял собой совершенно иное зрелище, чем то, каким я в последний раз застал его в середине зимы: спящим, безжизненным, обиженно оскалившимся в холодное ветренное небо десятком мачт, завернутых в облезлый брезент лодок, совершенно покинутым и безлюдным, мрачную тишину которого нарушало только нервное стаккато растяжек объявлений о почасовой аренде прогулочных яхт, трепыхавшихся на ветру, словно заложники, привязанные к забору.

Сейчас яхт-клуб и окружающая местность вместе с прилегающим диким пляжем бурлили жизнью. Десятки людей, в основном семьи с детьми, облепили полосу замусоренного песка, расположились на циновках и полотенцах, загорали и плавали, кушали, пили пиво и курили, наслаждаясь летом и морем, коротким пляжным сезоном в три-четыре месяца, когда вода прогревалась до купальных температур, ветер успокаивался и город становился похож на милое курортное местечко.

На территории у самого же клуба также кипела праздная суэта. Подъезжали и парковались автомобили, выпуская из салонов стайки праздных, по летнему одетых людей, предвкушающих водные развлечения. У проходной, в неказистой беседке, также толпились ожидающие своего времени посадки на яхты веселые, смеющиеся люди, с разноцветными сумками, шляпами, шлепанцами на босые ноги. Изредка ворота огороженной территории клуба открывались, впуская и выпуская груженные машины, в которых сидели деловитые, в бронзу загорелые мужчины, делающие бизнес на всеобщем летнем празднике жизни.

А в море, совершенно изумрудного цвета, почти карибского разлива, были разбросаны более десятка лодок, яхт, шлюпок, катамаранов, водных мотоциклов, рассекающих водную гладь, отдавших якоря подальше от берега и причаливающих или отчаливающих от пирса.

Как бы мне хотелось присоединиться к всеобщему беззаботному веселью, забыть все свои переживания и тревоги, взять семью и пойти отдыхать на море, как, вероятно, сделали большинство жителей города в этот прекрасный жаркий воскресный день.

Но яркое июльское солнце не могло развеять тьму в моей душе. Ведь все эти люди, менее, чем через год погибнут, или превратятся в пожирающих живую плоть монстров. И я, в отличии от всех них, знаю это! И как после этого я мог бы беззаботно веселиться, плескаться и смеяться?

Я подошел к воротам, внимательно всматриваясь внутрь огороженной территории.

Что мне нужно искать?

Почему оставленные загадочным мастером на стекле координаты указывали именно на это место?

Что в нем было особенного?

Рядом со мной в беседке громко смеялась веселая компания женщин, ожидающая посадки на яхту.

— Мужчина, вы, случайно, не наш капитан? — игриво обратилась ко мне полная блондинка средних лет, в синей шляпе с широкими полями, закрывающими половину лица очками, огромными, вывалившимися наружу из блузки грудями и обширными бедрами,

обернутыми в яркое пляжное парео.

Остальные женщины громко и вульгарно засмеялись, заинтересованно рассматривая меня с ног до головы.

— Боюсь, что нет, девушки..., - мрачно, даже неприветливо отрезал я, заставив померкнуть заигрывающие взгляды дам.

— Мы так и подумали..., - надменно протянула другая, демонстративно, обиженно отворачиваясь от меня.

— Как можно пройти внутрь? — спросил я женщин, сменив тон на более дружелюбный и жалея о том, что не подыграл их флирту, и не воспользовался шансом присоединиться к их компании, тем самым получив возможность пройти на закрытую территорию клуба.

— Спросите того мальчика на проходной... — уже безразлично, сквозь зубы, копаясь в сумке, кинула в меня ответом полная блондинка.

— Спасибо, девушки, — как можно теплее поблагодарил я, в который раз обещая себе перестать вести себя как мерзкий сноб.

За воротами я заметил подростка. В коротких шортах, белой майке без рукавов, загорелого до черноты, так что даже русые волосы на макушке выцвели до оттенка соломы, и наглым лицом типичного дворового хулигана. Когда я увидел его, то внутри у меня что-то невольно передернулось. Именно подобные типы создавали мне проблемы в детстве. Задирали и наводили страх на нас, обычных пацанов, менее спортивных и наглых. Удивительно, что несмотря на то, что прошло больше тридцати лет, как закончилось мое детство, типаж этих пацанов совершенно не изменился.

Ну уж нет. Мне сорок два года. Я не собираюсь пугаться этого сопляка.

Я подошел вплотную к воротам. Парень сидел на стуле, в тени соседнего здания, курил и занимался просмотром своего смартфона. Я же лихорадочно обдумывал дальнейшие действия. Очевидно, что внутрь территории просто так не пройдешь и единственным способом осуществить задуманное было придумать повод, связанный с арендой яхты.

— Приветствую! — громко обратился я к парню, стараясь приветливо и непринужденно улыбаться.

Парень поднял на меня глаза и лениво кивнул, не удостоив меня вербальным ответом. Какая же сволочь!!!

— Хочу поговорить по аренде лодки!!! — сказал я самое первое, что пришло в голову.

— Уже договаривались? — нагло протянул парнишка.

— Нет, — ответил я, стараясь сохранить приветливый тон.

— Там телефоны. Звоните, — он не глядя, безразлично указал пальцем на рекламные вывески, привязанные к забору.

— Может я сразу тут поговорю, если хозяева яхт на месте? — еще раз попробовал удачу я.

Парень снова поднял на меня глаза. И к моему изумлению нехотя поднялся со стула. А потом открыл ворота.

— Идите в капитанский домик. Там..., возле пирса..., - ответил он, плюхнулся обратно на стул и снова уткнулся в свой смартфон.

Я же, не веря удаче, поспешил пройти через ворота, и направиться вглубь территории...

Я шел как можно медленнее, внимательно осматриваясь по сторонам. Мимо ряда разномастных гаражей, некоторые из которых были открыты, обнажая улице свои внутренности.

По пути мне встретились двое мужчин, они копошились над разобранным на земле устройством, вроде двигателя, и смачно матерились, разжимая тугие детали и раздвигая внутренности железного механизма. Они не обратили на меня никакого внимания.

Дальше я встретил молодую девушку, скорее все еще подростка. Долговязую, в круглых очках и рваных по моде джинсах. Она прошла мимо, уткнувшись лицом в смартфон, и также не удостоила меня своим вниманием.

Я же продвигался дальше, сканируя окружающее пространство, пытаюсь отыскать знаки, которые бы помогли мне отгадать загадку таинственного послания, оставленного на окне. Но ничего примечательного не замечал. Все выглядело обычно и не вызывало подозрений.

Я повернул за угол, в сторону пирса, пропустив группу людей, видимо только что сошедших с яхты после морской прогулки. Они были иностранцы — европейцы. Крикливые, лысоватые и полноватые мужчины средних лет, видимо работники местных нефтегазовых предприятий. Еще их спутницы, скорее жены, не менее громкие, с типичной для европейек манерой с вызовом обращаться с мужьями, разбавленные двумя девушками из местных, намного моложе, милевиднее и скромнее остальных. А также небольшая стайка разновозрастных детей, бегающая между взрослыми, безудержно галдящая и требующая внимания родителей.

Скрыв взгляд за зеркальными очками, я внимательно осматривал их, заглянув каждому в лицо. Но ничего необычного не заметил. Стандартные обыватели.

Но когда я уже почти разминулся с этой группой, то неожиданно уткнулся во взгляд маленькой девочки, лет шести, по виду — ровестнице моей старшей дочери. Она шла поодаль от остальных, держа в руках небольшую розовую детскую сумку. Ее милое веснушчатое лицо, обрамленное копной мокрых спутанных каштановых волос, было по взрослому серьезно и сосредоточено, в отличии от остальных детей. И она ответила мне на взгляд, хотя не могла заметить, что я наблюдаю за ними через свои непроницаемые очки.

Я внутренне замер, соображая как поступить дальше. Мало ли девочка засмотрелась... Может быть задумалась о своем... При чем тут я? При других обстоятельствах я бы даже не обратил на нее внимание. Но теперь, учитывая ситуацию, я не мог не напрячься от этого наблюдения. Напрячься — еще слабо сказано. Я — испугался. Может быть это были нервы, переживания последних месяцев. Но все же..., все же...

Я продолжал идти дальше, оставив всю компанию позади. Но, как это иногда бывает, продолжал спиной, а точнее затылком, чувствовать взгляд той девочки. Я каким-то образом был уверен, что она остановилась, развернулась и продолжала таращиться на меня своими круглыми детскими глазами — пуговками, словно что-то знала, о чем не ведали все остальные.

Мои тело словно превратилось в кусок дерева. Я с трудом передвигал ноги, заставляя себя совершать шаг за шагом, в то же время продолжая ощущать затылком сверлящий взгляд.

Я должен был повернуться и проверить, не показалось ли мне.

Я должен собраться силами и проверить...

Я должен взять себя в руки!!!

Должен!!!

И, наконец, я решился и повернул голову назад.

Каково было мое потрясение, когда обернувшись, я увидел, что девочка действительно стоит посреди дороги, прилично отстав от беспечных родителей, обернувшись в мою сторону всем телом и пристально смотрит мне в глаза. Я весь похолодел от неожиданности и ужаса, несмотря на прожаренный солнцем воздух.

Это выглядело, словно типичная сцена из триллера. Главный герой ищет ответы на полные загадок вопросы. И его необъяснимая, мистическая встреча с посланником неведомых сил, способным ответить на эти вопросы, как правило с ребенком, животным или городским сумасшедшим. И тут я снова провел явно напрашивающиеся параллели между этой девочкой и тем пацаном с синдромом Дауна, а еще и со своей дочерью и ее сном.

Секунды проходили за секундой. Медленно, тягуче, неестественно растягиваясь. Девочка же продолжала таращиться на меня. И было в ее взгляде, позе, наклоне головы, что-то неуловимо зловещее, нечеловеческое, жуткое, от которого хотелось бежать прочь, не оборачиваясь, закрыв уши и глаза.

Я все не мог сдвинуться с места, словно пригвожденный к земле ее гипнотическим взглядом, мысленно умоляя родителей обратить внимание на отставшую дочь и заставить ее отпустить меня.

Когда я почувствовал, что больше не могу терпеть нарастающего напряжения, и что еще немного, то попросту заору на эту мерзкую жуткую девку, то она неожиданно отвернулась и побежала прочь вслед удаляющимся родителям.

Напряжение моментально меня отпустило. Я с трудом удержал свои ноги в прямом состоянии и не рухнул на землю.

Это было просто смешно! Нелепо! Позорно!!!

Так испугаться какой-то крохотной девченки!!!

И почему? Потому что она решила потаращиться на меня?

Мало ли зачем?

А я распереживался!!!

Но все же..., все же... Странно..., все странно..., с утра та приора, теперь еще это...

Я чувствовал себя совершенно усталым и сбитым с толку. Хотелось вернуться домой и забыть о дальнейших планах. Но в таком случае пришлось бы идти обратно к парковке, и возможно снова встретиться с той девчонкой. Ну уж нет!!!

Ощущая степень собственной ничтожности, взяв себя в руки, я развернулся и направился в сторону пирса и виднеющегося правее капитанского домика...

Капитанский домик

Мой внедорожник бесшумно пожирал серый, горячий от палящего солнца асфальт дороги. Справа и слева пролетал пейзаж города. Мутный, расплывающийся, бесформенный. В фокусе оставался только небольшой квадрат прямо перед глазами, непосредственно перед лобовым стеклом. А я чувствовал себя гончей лошадью с шорами на глазах, позволяющими смотреть только вперед, не отвлекаясь на посторонние факторы.

То что случилось в том капитанском домике в яхт-клубе было нелепым и странным, как, впрочем и все, что случалось со мной в последнее время. Теперь мне нужно было вернуться домой, закрыть за собой дверь и хорошо все обдумать. Возможно даже укрыться от домашних в ванной комнате одному, постоять под горячими струями душа, попытаться уложить все события в какую-нибудь одну стройную линию, все по своим местам, чтобы придумать что делать дальше.

А произошло вот что.

После того, как напугавшая меня девочка окончательно исчезла вдали, догнав своих родителей, я направился в сторону пирса и небольшого белого с синей крышей здания, называемого “капитанским домиком”.

В сторону дороги здание смотрело сплошной стеной, выкрашенной в белую, кое-где облупленную краску, в сторону моря смотрела пара широких с синими наличниками окон, защищенных решетками, и крепкая железная дверь между ними. Перед входом был устроен высокий навес с длинным деревянным столом для летних застолий.

Я подошел к закрытой двери и постучал. Никто не ответил. Дернул ручку. Было закрыто. Потом изучил окна, которые с внутренней стороны оказались плотно занавешены шторами. Никого. Только, вроде, или мне показалось, что прямо перед тем, как я приблизился ко второму окну, штора внутри немного дернулась. Как бывает, когда человек прячется и пытается подглядеть за тем, кто снаружи.

Я снова подошел к двери, пытаюсь обнаружить дверной звонок, который мог не заметить с первого раза. Безуспешно. Постучал снова. Ответа — нет.

— Это по поводу яхты!!! — крикнул я, пытаюсь привлечь к себе внимание.

Никто не отозвался.

Я обернулся по сторонам, надеясь найти кого-нибудь поблизости. Но эта часть территории была безлюдна. Только вдалеке, на пирсе, виднелась группа женщин, с которыми я столкнулся ранее на входе в яхт-клуб. Девушки суетливо, громко смеясь и театрально визжа, грузились в лодку, а парень — штурман, заботливо принимал каждую за руку на борт, попутно загружая объемные разноцветные сумки и пакеты.

— Ну все... Делать нечего... Никого нет.... Домой, — прошептал я себе под нос, чувствуя даже облегчение от того, что никого не застал и что мне не придется больше испытывать этот день на дальнейшие сюрпризы.

Направившись назад, я по ходу в последний раз взглянул на глухо зашторенные окна.

И замер на месте!!!

Что за чертовщина!!!

Потом рванул обратно к двери!!!

И снова обомлел!!!

Как я мог сразу этого не заметить?!!

Это же было прямо перед моими глазами!!!

Решетки на окнах были новые, свежеставленные. И они были идентичными тем, которые красовались в моей квартире.

Более того!!! Железная дверь, в которую я безуспешно стучался также была такой же, как и дверь, которую я установил у себя в начале прошлого месяца.

Я внимательно осмотрел дверь и решетки еще раз: фактуру железа, ручку, наличники, узоры и крепления. Ошибки быть не могло!

Как это понимать?!! Что это значит?!!

Совпадение?!! Я случайно заказал одну и ту же модель двери и решеток у одного поставщика? А может быть те же модели, но у разных поставщиков?

Или что?!! Это не совпадение?!!

Я постарался вспомнить, как я нашел компании, которые сделали работу с дверью и окнами? Вроде я выбирал из нескольких найденных в интернете. Искал надежную, с хорошим сайтом и положительными отзывами. Неудивительно, что компании с репутацией пользуются популярностью.

Но есть два упрямых “но”. Бригада установщиков решеток оказалась подделкой. И кто-то еще позаботился, чтобы работа была сделана без моей оплаты, в отличии, впрочем от установщиков двери, там все произошло без сюрпризов и деньги с меня взяли... Но самое необъяснимое и загадочное — знаки на окнах, которые привели меня сюда... Против такого аргумента не попрешь!!!

— Откройте!!! Слышите, откройте!!! — завопил я, принимаясь яростно стучать по решетке. Но безмолвие здания было непреклонно.

Покрутившись еще немного, весь взвинченный, на нервах, я бросил эту затею и быстрым шагом направился прочь. Стремительно, ни на кого не смотря, прошел всю территорию яхт-клуба, вышел на парковку, буркнув скомканное “спасибо” парню на входе, сел в машину и помчал домой...

День Дурака

Прошло восемь с лишним месяцев. Словно один день. Я пишу эти строки 1 апреля 2020 года. Первого, гребаного, апреля! В день дурака! Давайте посмеемся! Поржем!!! Представим что все, что происходит и то, что произойдет — всего лишь шутка.

Но начнем по порядку. Прежде всего хочу сразу сказать, что всяких странностей, вроде чудных незнакомцев, вещей снов и знаков на стекле больше не происходило. Хотя сны мне снились почти каждую ночь, когда я засыпал в районе трех часов, в постоянном сражении с бессонницей, с колющем от переживаний сердцем (пока не додумался начать принимать снотворное, на которое основательно подсел).

Снились мне, конечно же, кошмары. Тонкие черви, которые я один за одним выковыривал из под кожи раскровавленными ногтями, вилками, ножами, отвертками, сходя с ума от боли и отвращения. Или то, как будто мое лицо в отражении зеркала переставало быть моим, становилось одутловатым, незнакомым, а потом я принимался выдавливать из него через жирные прыщи кровавый вонючий гной, бесконечными длинными потоками, наблюдая, как опухлось спадает и лицо приобретает знакомые черты.

Жена же рассудительно старалась сохранять видимость нормальной жизни. Отправляла меня на работу, развозила детей в школу и садик, готовила еду, стирала и убирала, старалась отвлечь меня от навязчивых мыслей о подготовке к часу икс. В то время, как я постепенно, но неуклонно съезжал с катушек, добавив к снотворным приличную дневную дозу аптечного успокоительного, которое, впрочем, помогало все меньше.

Несмотря ни на что, за прошлое лето, осень и зиму мы почти подготовились по нашему с супругой списку.

Соседняя квартира была куплена и успешно переоборудована в хранилище.

Решетки обустроены на всех окнах.

Железная дверь защищала общее с двумя квартирами пространство.

Два месяца бюрократических процедур, проверок здоровья, волокиты заняло получение разрешения на приобретение двух дорогих нарезных карабинов, трех тысяч патронов к ним и сейфа для хранения. Еще нужно было обустроить к сейфу централизованную сигнализацию, как требуют нормативы. Ко мне даже приходил молчаливый неприветливый полицейский, чтобы проверить все ли в порядке с оружием, сейфом и сигнализацией, подозрительно смотрел на меня, заполнял какие-то формуляры, заставлял меня на них расписываться.

Все равно! Пусть делают, что хотят, придет время и все эти формальности будут не важны. Главное, что у меня получилось. Два охрентельно красивых, черных, надежных карабина успокаивающе блестели в своих безупречных футлярах, вместе со штабелями коробок с патронами, которые, когда придет время, будут запущены в мерзкие морды оборотней, разворотят их вонючие кишки и защитят нас от гибели.

Также я запасся в местном спортивном магазине тремя бейсбольными битами, четырьмя охотничьими ножами, огромным кухонным тесаком и длинным, с широкой ручкой топором. Я помню с каким недоумением смотрела на меня кассирша, пробивавшая покупки. А мне было все равно. Ничего противозаконного я не совершал. Так пусть же выкусит!!!

Ассортимент товаров в единственном местном охотничьем магазине не внушал уважения, да и цены были на порядок выше, чем в городах покрупнее. Так что по два

комплекта походной экипировки и рюкзаков для каждого члена семьи я заказал в интернете, прождав около десяти дней, пока заветная коробка не дошла до моих дверей.

Еще я купил два профессиональных бинокля, походные часы, двадцать блоков охотничьих спичек по десять упаковок в каждой, три мощных электрических фонаря (два ручных и один налобный) на аккумуляторных батареях, одну большую палатку и четыре спальных мешка.

Также через интернет я приобрел пять портативных солнечных панелей, способных заряжать по два устройства через USB разъемы. Никогда бы раньше не подумал, что подобные товары можно без каких-либо затруднений найти в продаже, по совершенно небольшим ценам. Но у меня все вышло как нужно.

Еще я обзавелся радиопередатчиком (с которым еще предстоит разобраться), сотней фильтров для воды и десятью пачками обеззараживающих таблеток. Задачу по пополнению запасов питьевой воды в нашем засушливом климате я пока не решил. А все, что находил в интернете совершенно для меня не подходило. Я даже начал подумывать о переезде в родной город, к маме, где дожди шли как минимум раз в неделю. Но потом отбросил эту идею, вспомнив о том, что безопаснее находиться в маленьком городке, чем в двух миллионном мегаполисе, который намного быстрее превратится в кровавые джунгли.

Все приобретения я складировал во второй квартире, в шкафах, на полках, в ванной, на балконе или просто на полу в комнатах, штабелями, стараясь сохранять хоть какой-то порядок.

Также на местном строительном рынке я заказал и после повесил к самой свободой и длинной стене гостиной второй квартиры три ряда полок, на которых разместил пять десятков вместительных пластиковых лотков для выращивания овощей, прикрутил ряды инфракрасных ламп для освещения, приготовил двенадцать мешков самых разнообразных семян овощей и фруктов, которые смог найти на местных рынках, а также привез двадцать мешков качественного магазинного чернозема. Закупить больше я не мог, слишком много места они занимали, угрожая совершенно занять собой все отведенное под хранение пространство.

Еще одной нерешенной проблемой оставалось обустройство мини-птицефермы. Я продолжал штудировать интернет в поисках правильного и долгосрочного решения, но пока не нашел того, что искал. И главной загвоздкой был корм. Его должно было быть много. А хранить его, в условиях обычной квартиры, было негде.

Последнюю неделю я посвятил покупке трех самых дорогих, надежных и вместительных внешних дисков, выкачал все свои фото и видео с облачных сервисов, фейсбука и инстаграма и сутками скачивал на них с торрентов фильмы и сериалы, статьи из Википедии, книги, музыку и мультфильмы.

Все это оборудование и запасы уже успели превратить вторую квартиру в труднопроходимый склад, хотя ближе к дате еще предстояло закупить продовольствие и медикаменты. Несколько раз я был близок поддаться соблазну начать складировать в нашей квартире, но вовремя останавливался. Наш дом должен был оставаться домом...

И еще... В конце марта, примерно за две недели до запланированного полета космонавтов на МКС, назначенного на 12 апреля 2020 года (какая ирония, в день космонавтики СССР) после долгих споров с женой, метаний и сомнений, я все же решился попытаться предупредить человечество о надвигающейся катастрофе. Я написал текст со своим предсказанием, максимально снабдив его всеми фактами и деталями, и отправил его с

анонимного почтового ящика в адрес министерств обороны и космических агентств Казахстана, еще в Английском переводе по адресам аналогичных организаций нескольких других стран, имеющих отношение к предстоящему полету, такие же анонимки отправил на адреса главных новостных агентств мира.

Очевидно, что мне никто не ответил, не приняв сообщение всерьез.

Ну и идите все в жопу!!! Когда загорится пожар, то будет уже поздно. Я сделал все что мог...

Еще я решил писать о том, что со мной происходит онлайн, вести своего рода дневник или даже превратить его в повесть, представить как выдумку, фикцию, фантастику, чтобы защитить себя от нападков, но все же дать возможность тем, кому повезет, прочитать, откликнуться, задуматься, поверить. Думал про фейсбук или инстаграм, но отбросил этот вариант, так как эти площадки не подходят для длинных историй. В итоге нашел сайт самиздата litnet.com, где принялся выкладывать свою историю по чуть-чуть, глава за главой, по мере того, как разворачивались события.

И самое главное... В конце 2019 года, под самый новый год, на земле началась вообще какая-то ерунда!!! Некая пандемия нового неизвестного вируса, родом из китайского города Ухань, названного COVID-19, охватившая к началу апреля почти весь мир, закрыв целые города и страны на карантин, в том числе и родной Казахстан, обрушив мировую экономику, заразив уже около миллиона человек и отняв жизни у более шестидесяти тысяч человек.

По мере того, как распространялась инфекция, разгоралась немыслимая истерия в средствах информации, я все больше недоумевал от происходящего, учитывая, что в середине мая 2020 года я ждал свою эпидемию, намного серьезнее и страшнее этой, которая должна прийти из космоса, а не эту подделку возникшую от того, что на базаре в Китае торговали летучими мышами. И еще, я в своем пророческом сне не помнил никаких упоминаний про этот COVID-19. Что это может значить? И может быть поэтому моей анонимке никто не поверил? Кто будет воспринимать всерьез историю про эпидемию, превращающую людей в монстров, когда по всему миру гибнут тысячи людей от нового штамма гриппа? Видимо никто!

Во всем мире, одержимом социальной изоляцией, в попытке остановить скорость распространения вируса, отменялись массовые мероприятия, чемпионаты, выставки, конференции. Перестали летать самолеты, ездить поезда, закрывались трассы. Я думал, может отменят и тот злополучный полет на МКС, и все образуется. Но нет, новости говорили об обратном. Полет все же должен был состояться несмотря на бушующую эпидемию.

Я даже не успел перевести маму к себе!!! Три недели назад я купил ей авиабилет к нам, но ко времени, когда нужно было вылетать, то ее город закрыли на карантин, а рейс отменили. И теперь мать осталась запертая в другом городе и я не был уверен, что карантин снимут до того, как к концу мая начнется уже “моя” эпидемия. Родителей же жены мы решили не трогать, подумав, что они вдвоем имеют шанс выжить, а моя мать в одиночестве — вряд ли.

И мы пока не решили, кого решимся предупредить о том, что начнется в мае. Малодушно решили взять еще один таймаут в неделю...

Труссы...

И вот... эти строки я пишу сидя с семьей дома, в домашней изоляции, переведенный на удаленную работу, пытаюсь разобраться во всем...

Что за фигня происходит?!!

ЧТО ЗА НЕМЫСЛИМАЯ БЕЛИБЕРДА?!!

ЧТО ЗА ДЕНЬ ДУРАКА?!!

8 апреля 2020 года.

Утро. Часы бесшумно отстукивают знакомый путь к указателю десяти часов. Семья все еще спит и будет спать минимум до часа дня, так как весь город, вся остальная страна и большая часть мира — на карантине, в школу и детский сад дети не ходят и наш график нарушен. А мне приходится вставать в девять утра и продолжать работать дистанционно, отвечать на почту, участвовать в унылых никому не интересных телеконференциях, притворяться занятым и нужным.

Я выпил после пробуждения желчегонный чай и шрот расторопши (когда настанут времена апокалипсиса, хорошее пищеварение и здоровье мне пригодятся), потом забил желудок обезжиренным творогом и приготовил огромную чашку растворимого кофе (бледного подобия профессионального кофе из дорогой кофе-машины у нас в офисе).

Десять часов утра. Я закрываю все рабочие окна на ноутбуке, кроме окна youtube. Долгожданная трансляция начинается в запланированное время. Минута в минуту. Ну что сказать: дьявол точен в деталях и дотошно пунктуален.

Я чувствую себя странно, двойственно, противоречиво. С одной стороны мне жутко и портивно, что сценарий, предсказанный моим сном, начинает абсолютно реально и физически сбываться. А с другой стороны я ощущаю некую нездоровую страсть. Как будто даже хочу подтолкнуть маховик судьбы, наблюдая за ним осведомленным соглядатаем, священным свидетелем, посвященным жрецом.

Мир и так сходит с ума с этим китайским вирусом, проглотив всю человеческую цивилизацию в трясину паники, информационной истерики и изоляции. Ха!!! Подождите еще немногим больше месяца!!! Вы все увидите, что этот китайский вирус, убивающий жалкие 2–3 процента от зараженных, даже в подметки не годится тому, что еще грядет!!!

Картинка на мониторе с названием “Онлайн-конференция экипажа МКС-63 — LIVE” оживает. Описание стрима анонсирует участие трех членов экипажа МКС-63 из Казахстана, США и Китая. Запуск корабля Dragon к международной космической станции состоится, как было запланировано, 12 апреля 2020 года.

Какие же они идиоты!!! Ведь я присылал им предостережения!!! Видимо моя депеша затерялась в папке “спам” каких-нибудь младших помощников четвертых загов по управлению входными дверями. Ну-ну...

— Как вы расцениваете решение не переносить срок полета, учитывая эпидемию COVID-19 и объявленный карантин в Казахстане? — спрашивает бойкий женский голос за кадром, видимо заданный онлайн, учитывая, что пресс-конференция с космонавтами происходит без физического участия журналистов.

Камера наезжает на угловатое, носатое, загорелое лицо мужчины в синей униформе с американский флагом на левом плече. Его резкий говор янки со среднего запада резко контрастирует с мягкой русской речью журналистки, задавшей вопрос.

— Мы около месяца следуем правилам очень строго карантина и мы все чувствуем себя замечательно, — уверенно отвечает янки, хотя я вижу, что глубоко в его серых глазах прячется страх и неуверенность.

Правильно боишься, ковбой!

— Всегда принимаются меры, направленные на то, чтобы члены экипажа с заболеваниями не попали на станцию. А в этот раз эти меры были еще более объемными. Мы последний месяц жили в звездном городке на карантине. И в соответствии с планом подготовки к полету, заключительный этап предусматривает сдачу многочисленных экзаменов, и традиционно, по завершению, экипаж обсуждает результат с комиссией, но в этот раз даже это общение было сведено к общению через стекло. Кроме того, в этот раз на Байконур к нам не приехал никто из наших близких и наш круг общения здесь был чрезвычайно ограничен. Так что волноваться не о чем, — добавляет второй космонавт, постарше, более расслабленный, довольный, лысый, с широким скуластым лицом. Я узнаю в нем Бакира Тохтарова, казахстанского космонавта, героя моего вещего сна.

Знал бы ты, что не этого вируса вам нужно бояться, а того, что вы сами втроем привезете с собой из космоса!!!

Глупцы, неведающие какую роковую волну последствий вы запустите на Земле!!!

Троянские кони враждебной инопланетной заразы, впущенные в укрепленный полис человеческой цивилизации!!!

Три всадника апокалипсиса, предсказанные на заре истории!!!

Еще один мужской голос журналиста, противно высокий, со слащавым энтузиазмом продолжал сессию вопросов и ответов.

— С психологической точки зрения, насколько сложным было процесс тренировок вдали от дома, зная, что вы покидаете планету в разгар пандемии?

На этот раз ответил третий космонавт, китаец. Бледное плоское лицо с глазами без складки на веке было почти неподвижным, непроницаемым, беспристрастным. Он с чувством собственного достоинства взял долгую паузу и ответил, медленно перебирая слова.

— Мы, как экипаж, конечно пострадали от того, что наши семьи не были с нами, но мы понимаем, что весь мир стал жертвой этого вируса. Наша ежедневная жизнь не отличалась от тех обычных правил карантина о которых упоминал мой коллега. Сейчас мы можем общаться только через камеру, а если бы этого кризиса не было, то мы бы общались вживую.

Еще один неведущий!!! Наивный!!! Опять про семью говорит!!! Беспокоится за них! Волнуется за детей, жену, родителей. Переживает... Еще учитывая, что эпицентр коронавируса был именно в Китае. Наверное, он даже ощущает чувство вины перед остальными космонавтами, что его народ стал причиной вспышки пандемии. Не о том ты волнуешься... Только подожди... То ли еще будет...

Камерахватила еще одно мужчину, в черном костюме, в тонких очках, с жирным лицом с наплывающей на белый воротник рубашки шей, видимо функционера из числа администрации космодрома. Он передал вопрос, видимо полученный онлайн от очередного журналиста.

— Берете ли вы с собой книги, бумажные, для личного чтения? И еще, не скучно ли на борту? — он самодовольно улыбался, очевидно наслаждаясь своим положением и вопросом, который был им озвучен.

Я же истекал желчью, наблюдая за этим самодовольным котяркой, и злорадно предвкушал банальный ответ на банальный вопрос.

Микрофон снова взял американец, который все более нервничал, ерзал на стуле и беспокойно озирался по сторонам.

— Да, в этот раз я беру с собой книгу, бумажную, Ричарда Матесона, “Я — легенда”, - ответил он, безуспешно разглаживая короткий ежик каштановых волос, — надеюсь, что у

меня будет время ее прочитать. В этот раз экспедиция у нас длинная, но на борту не скучно абсолютно, потому что у нас много дел...

Услышав его ответ, я по началу, потерял дар речи, а потом громко, в голос засмеялся, с трудом подавляя дальнейшие спазмы нездорового смеха, боясь разбудить спящих в спальне родных.

Он сказал “Я — легенда”!!!

Он это сказал!!!

Он будет читать историю, про то как пандемия выкосит все человечество и превратит всех в кровожадных вампиров?!!

Серьезно?!! Мне это не послушалось?!!

Какая ирония?!!

Высший пилотаж!!!

Троллинг космического уровня!!!

Следующий вопрос был от одного из новостных агентств, который заставил меня перестать биться в конвульсиях от смеха и с вниманием прислушаться.

— В прошлых экспедициях выход в космос был отменен и перенесен на неопределенное время ввиду различных технических трудностей. Планируется ли выход в открытый космос в этот раз, во время предстоящей экспедиции?

Ответ снова взял Бакир Тохтаров, широкой ладонью взяв микрофон в руки и с вызовом посмотрев в объектив видеокамеры.

— Планируется выход для замены панели регулятора жидкости ФГБ, а также по американской программе, выполнение процедуры ВКД, в случае отказа жизненно важного оборудования, — ответил он, ловко и самоуверенно жонглируя специальными терминами, вероятно рассчитывая на благоговейное уважение к его специализации со стороны не сведущий в технической стороне полета журналистской аудитории.

Какими бы он красивыми аббревиатурами не прикрывался, ясно одно — они будут выходить в космос. И скорее всего, именно во время этих выходов и подхватят заразу.

Мне захотелось заорать на них в монитор! Остановить!!! Предупредить!!! Сесть в машину и рвануть через карантинные кордоны в Байконур!

Идиоты!!!

Кретины!!!

Что вы делаете?!!

Но это было бесполезно. Хоть и я находился в Казахстане, где-то в тысяче километров от Байконура, добраться до этих людей было невозможно.

Трансляция закончилась, а я все продолжал пялиться в опустевший экран.

Все кончено. Надежды больше нет. Красная кнопка нажата. Адский сценарий запущен. Дьявольские механизмы закрутились и завертелись. Первый прямоугольник домино четким и точным щелчком пальца был отправлен в нокдаун, запуская цепную реакцию. Сцена готова. Актеры пудрят носики и поправляют костюмы. Прожекторы выставлены. Декорации на местах. Зрители собрались, расселись и притихли. Свет в зале потушен.

Первый акт начинается...

12 апреля 2020 года. Воскресенье. 11:05 по московскому времени. День космонавтики СССР. День, когда пятьдесят девять лет назад, в 1961 году, советский космонавт Юрий Гагарин на космической ракете “Восток-1” впервые за всю историю отправился в космос, проведя на околоземной орбите один час сорок восемь минут.

Какая ирония! Какой сарказм! Какой злой рок!!!

То, что свидетельствовало о величайшем достижении человека в науке и технике, теперь запускает механизм уничтожения цивилизации. Впрочем, как правило, достижения прогресса, облегчая жизнь людей, попутно неизбежно направлены на постепенное истребление всего живого на планете. Мы производим горы токсичного мусора, сжигаем природные ресурсы, вырабатываем углекислый газ, отравляем воду и воздух, придумываем оружие массового поражения. Словно в самой природе человека, в его глубинном геноме, заложен код самоуничтожения. Словно мудрая и всезнающая природа-Земля, на самой заре происхождения человека, когда он только начал немного отличаться от обезьяны, прямо ходить, брать в руки камень и палку, позаботилась о себе, заложила код самозащиты, понимая, какая угроза таится в неуклюжем, слабом и безобидно выглядящим куске волосатой неприкрытой плоти. Природа, будто бы понимала, что создала самую страшную силу — энергию человеческого разума, прекрасного, непостижимого, самосовершенствующегося от поколения к поколению, способного создавать шедевры, перекраивать ландшафты планеты, строить немыслимые города, но и злобного, пагубного, вредного, который убивает все, что находится рядом и до чего может дотянуться.

Я лежу под тонким вафельным одеялом на диване в гостиной. Слева спит старшая дочь, широко раскинув в стороны руки и ноги и, как всегда, сбросив одеяло. Жена с младшей дочерью сопят в спальне. Из полуоткрытого окна над раковиной веет утренним весенним сквозняком. Того самого окна, через которое в нашу квартиру заберутся вурдалаки из сна. Но мне лень подняться и закрыть его, и я лишь плотнее укрываюсь и укутываю дочь.

Проснулся я первым, как и каждое утро в последнее время. За пять минут до сигнала будильника. Сразу, по рывку, с ясной головой и с щемящей тревогой в сердце.

Надел в уши наушники и укрывшись с головой. С ухмылкой вспомнил историю, связанную с этим широким и длинным вафельным одеялом, как года два или три назад мы веселой компанией пили на чьей-то квартире вино, пели и танцевали, потом отправились на набережную и устроились прямо возле воды, среди камышей, а одна девушка принесла из машины это одеяло, которое мы расстелили на камнях. Потом мы забрали его с собой постирать, но так и не отдали хозяйке. Хорошие были времена. Веселые, хмельные, душевные. Что же будет с нами всеми??? Сможем ли мы испытать вновь эти моменты счастья? Общения с приятными людьми? Вечеринки и посиделки под хорошую музыку? Или все, что нас ждет впереди — это тьма, страх, смерть, ужас и изоляция? Неужели все, что мы любим и знаем канет в лету?!!

С трудом отвязавшись от грустных мыслей и воспоминаний, я сосредоточился на деле. Открыл на смартфоне youtube, нашел нужную трансляцию и принялся ждать, почти не моргая, с гулко бьющимся сердцем, отдающим удары по всему телу, и, кажется, даже по всей поверхности дивана.

На экране светилась картинка. Синее небо в белых разводах размазанных, словно масло по куску хлеба, облаков, пара уходящих вдаль рельс. Справа — аккуратный, выкрашенный в белое состав поезда, на вид — пассажирского. Слева — странная зеленая конструкция на платформе, ошестинившаяся к небу огромным полукругом, вроде держателя, на котором, вероятно, совсем недавно перевозили нечто большое и продолговатое, наверное — ракету.

И по самому центру картинка разрывалась пополам видом самой ракеты, поставленной стоймя, острым верхом в небо, в которое она и намеревалась вторгнуться.

Начинался второй акт трагедии. Или, более вероятно — трагикомедии, ведь рано или поздно любая драма превращается в фарс. Также и эта история...

Внезапно тишину космодрома прервал резкий шум, срывающийся на раскатистый рев. Так шумят самолеты перед взлетом. Я догадался, что у ракеты включились двигатели.

И тут, без всякого предупреждения, отсчета секунд, как обычно бывает, вертикальные держатели ракеты откинулись, огненное пламя запыхало под ракетой и оранжевая дымка окутала площадку. Ракета же, медленно, неохотно, с трудом преодолевая гравитацию, толкаемая вверх невероятной по силе энергией сгораемого топлива, принялась подниматься вверх. Выше и выше, оставляя за собой сияющий хвост пламени.

Этот же момент был показан еще с нескольких фиксированных ракурсов сбоку, поближе, снизу, совсем близко и сзади, смакуя священный момент торжества человека над природой, и еще, без сомнения, демонстрацию сил политических держав, не оставивших амбиции о доминировании в космосе даже во время бушующего урагана пандемии коронавируса.

Следующая картинка сняла пуск в движении, задирая камеру вверх, следя за удаляющейся от земли ракетой, которая все уменьшалась и уменьшалась в размерах, пока не превратилась в сияющую точку на фоне голубого неба.

Трансляция прекратилась, а я все продолжал пялиться в опустевшую картинку на смартфоне.

Теперь точно — все. Обратного хода нет.

Волнение сменилось неестественно тяжелой усталостью, несмотря на то, что я только проснулся. Я отбросил смартфон, снял наушники, закрыл глаза, позволив тяжести без сопротивления заполнять мое тело, словно водой пустую пластиковую бутылку, без остатка, начиная с кончиков пальцев на ногах, потом выше, достигнув живота, груди, заполнив обездвиженные руки и, наконец, достигнув шеи и головы.

— Будь — что будет..., уже ничего не исправишь..., - подумал я, отключаясь и проваливаясь в сон...

14 апреля 2020 года. 13:28 по московскому времени.

Долгая и изнуряющая работа за бортом была почти закончена. Электронные часы, обернутые вокруг толстого рукава скафандра “Орлан-МК” и застегнутые на самую последнюю дырочку в ремешке, показывали начало пятого часа ВКД, или внекорабельной деятельности. Или еще проще — нахождения в космосе. Для замены вышедшего из строя узла на одном из американских модулей международной космической станции.

За бортом он был один. С ним должен был выходить американец, но в последний момент тот почувствовал себя плохо. У напарника поднялась температура. Так что согласно нормативам безопасности, американец до выхода в открытый космос был не допущен, максимально изолирован, а информация о его состоянии была немедленно передана на Землю. Он представил какой переполох эти сведения поднимут в центрах управления полетами!

“Неужели они умудрились так прошляпить ситуацию, что пропустили коронавирус в зону подготовки космонавтов?” — спрашивал себя он, от досады морща широкий лоб, который давным давно покрылся бы потом, если бы не поток прохладного воздуха поддуваемого из сопла шлема в скафандре, охлаждающий лицо, подающий кислород для дыхания и поддержания давления, а также не позволяющий запотеть обзорному стеклу.

“Черт знает что происходит!!!” — с почти детской обидой пробормотал Бакир, повернув голову в сторону Земли, которая огромным голубым шаром, закрывая все нижнее пространство обзора, висела под его ногами, словно подвешенная за невидимую веревку, такая спокойная и безупречная на вид, но на самом деле испытывающая времена серьезных катаклизмов.

Он заметил, что станция пролетала над Центральной Азией и немедленно, без ошибки, определил местонахождение родного города, между двумя голубыми каплями озер, одного поменьше, другого — крупнее, опоясанного буграми заснеженных на пиках горных вершин, там, где он оставил своих престарелых родителей, супругу и четверых детей возрастом от двух до шестнадцати.

В сердце его больно екнуло и он в который раз за полет почувствовал сомнение в том, что поступил правильно, решившись следовать за своей мечтой, и не отказался от экспедиции, когда была удобная возможность, несмотря на долгие и мучительные споры с супругой.

Супруга его беспокоилась не за себя или за детей. Она, будучи умной и проницательной женщиной, боялась за него, что в период пандемии что-нибудь обязательно пойдет не так, либо в центре управления полетами, либо на станции. И что произойдет непоправимое и он не вернется. Ведь все понимали. И космонавты. И инженеры. Каждый в звездном городке, что упорное стремление не отменять запланированный полет движется не сухим рациональным расчетом, а слепой эмоциональной амбицией руководств космических агентств вовлеченных стран с одной стороны и надеждами влиятельных бизнес структур, инвестировавших миллионы долларов в экспедицию. Слишком много было поставлено на кон. Слишком много судеб, карьер и денег. И все были готовы рискнуть. Впрочем, рискнуть не собственными жизнями. А чужими жизнями трех космонавтов...

И он это все понимал. Знал, что они втроем являются пешками в чужой большой игре, манипулируемые и испытываемые, словно лабораторные крысы. Но и он знал во что ввязался. Он мог отказаться от участия в проекте в любой момент. Но не сделал этого. Потому, что ему было почти тридцать шесть и его возраст уже выходил за допустимые пределы допуска к полетному отряду. Поэтому эта экспедиция была его последним шансом увидеть космос, исполнить мечту всей жизни. В его детстве все мальчишки на вопрос “кем ты хочешь стать?” отвечали как один “космонавтом”, потом, повзрослев, они все забыли об этом. А он не забыл. Напротив, он целенаправленно лез вперед, выбрался из крохотного городка в северном Казахстане, поступил в летное училище, прошел жернова военной службы и, наконец, добился своего.

Так что он не сомневался, что поступал правильно, невзирая на жертвы и риск. Он хорошо знал самого себя, что смалодушничав, испугавшись, отказавшись от полета, он потом бы никогда бы не простил себя за слабость, и провел бы остаток жизни в сожалениях.

Но теперь, успешно пережив запуск, шестичасовой полет и стыковку со станцией, когда волнение и эйфория от достижения заветной мечты поутихла, вволю налюбовавшись видами Земли из иллюминаторов, он вдруг беспристрастным взглядом оглядел тесный лабиринт станции, пропахнувшей гарью от работы электроники и двигателей, и еще едким, въевшимся в перегородки за долгие годы эксплуатации запахом мужского немытого тела. И впервые почувствовал предательское сомнение в том, что усилия и риск стоили того.

И еще, если признаться, даже космические виды Земли, с придыханием описываемые всеми предыдущими космонавтами, не вызвали у него той глубины восторга и благоговения, которую он ожидал. Да, это было красивое, необычное, из ряда вон выходящее зрелище и ощущение, но, как оказалось, он был готов к нему, с самого детства любящий рассматривать спутниковые фотографии земных ландшафтов и материалы из космических экспедиций.

Но самое горькое, неприятное и разочаровывающее было то, что пустота и чернота космоса навевали на него какую-то неожиданную тоску, и еще даже отвращение от того, что эта бездушная бездна, лишенная воздуха — мертва, и веет от нее могильным холодом смерти.

Разразившаяся же на Земле пандемия добавила ему дополнительную порцию тревог и сомнений. Ведь он на месяц оставил родных одних, запертых в закрытом на карантин городе, где, не дай боже, в любое время могут начаться перебои с продовольствием. А мысли о престарелых родителях, входящих в группу риска, совершенно добивали его, хотя он позаботился о том, чтобы у них был достаточный запас еды, масок, антисептиков и лекарств от давления, чтобы не требовалось часто выходить на улицу. К тому же в городе оставалась его старшая сестра, на которую можно было положиться.

Он продолжал смотреть на проплывающий внизу родной город, частично скрытый лоскутами облаков, ощущая всю нелепую абсурдность своего положения. Он висел, как забытая высохшая груша на обмерзлом дереве, на высоте трехсот километров от Земли, сражаясь с неповоротливым скафандром, тратя невероятные усилия на починку какого-то регулятора жидкости для подачи воды то ли в раковину, то ли в унитаз в американском сегменте МКС, в то время когда он был нужен своей семье, вероятно так, как никогда прежде...

Почувствовав, что негативные эмоции захватывают его и вспомнив занятия по самоконтролю и психологии поведения в космосе, он постарался освободить разум от деструктивных мыслей, закрыл глаза, пять раз глубоко вдохнул и выдохнул, прислушался к

тишине внутри, пытаюсь найти точку опоры, а потом, вернув в нужное положение крепление на внешнем корпусе станции и внимательно осмотрев законченную работу, направился в обратный путь...

После четырех часов нахождения в открытом космосе его тело ныло от напряжения, словно его перемолотили и выплюнули из огромной электрической мясорубки. Каждая мышца будто звенела, совершая усилия, одно за другим, напрягаясь, чтобы продвинуть корпус еще немного вперед. Вроде бы он совершал обычные движения. Для Земли. Но в условиях космоса, будучи зажатым в громоздкий и неповоротливый скафандр, каждое такое движение давалось ему с невероятным трудом. Особенно манипуляции руками в перчатке. Все потому, что скафандр находился под давлением. И чтобы преодолеть это давление, приходилось давить пальцами с такой силой, как на Земле приходится сдавливать теннисный мячик для проверки его целостности.

Он аккуратно сделал шаг вперед по поручню, закрепил карабин страховочного троса, продвинул корпус, потом подтянул ногу, при этом крепко прижимаясь как можно ближе к обшивке станции, зная, что стоило совершить даже небольшой неловкий толчок от станции, как он может отлететь в черноту космоса. И тогда его жизнь будет зависеть только от надежности страховочного троса. Потом он сделал еще один цикл такой же последовательности действий, чтобы передвинуться еще немного дальше, на этот раз преодолев особенное крупное сплетение инженерных узлов и проводов.

“Только бы ничего не зацепить”, подумал он, больше беспокоясь о целостности станции, чем о своей безопасности.

Хотя в глубине его сознания все же всплыла известная всем космонавтам история о том, как 1991 году у одного из американских космонавтов на “Атлантисе”, во время выхода в открытый космос, крохотный стержень внутри скафандра проколол одну из перчаток. Космонавт не заметил прокола, так как прут блокировал разрыв, а произошедшее обнаружили только на борту при инспекции оборудования. Невероятная удача! Один шанс из десяти? Сотни? Тысячи? Поцелованный в лоб судьбой счастливчик! А остальным, менее везучим, при таком стечении обстоятельств грозила бы гипоксия и быстрая мучительная смерть, если не успеть быстро вернуться на борт корабля.

Преодолев несколько метров из оставшихся тридцати или сорока, он решил немного передохнуть, надежно закрепив карабин за очередной пролет поручня. Он больше не думал ни о родных, ни о проплывшем внизу городе, ни о мучивших его сожалениях и сомнениях. Он сосредоточился на деле.

Несмотря на активное охлаждение внутри скафандра и постоянный приток прохладного воздуха, он почувствовал, что потеет. Станция совершила очередной виток по орбите Земли и окончательно выскочила на светлую сторону. В черноте космоса ослепительной вспышкой сияло солнце, погасив свет всех до одной звезд. Он знал, что солнце на светлой стороне светит так интенсивно, что температура за бортом доходит до плюс сто пятидесяти, в то время, как на темной стороне температура опускается до минус двухсот.

Но ведь он не мог ощутить перепада температур. Ведь скафандр должен был надежно защищать его как от лютого холода на темной стороне, так и от пылающей жары на светлой. Однако факт оставался фактом. Ему стало жарко. Он снова закрыл глаза в привычной медитации, пытаясь успокоиться и определить действительно ли скафандр не справлялся с поддержкой нужной температуры. Или это его волнение заставляет тело перегреваться.

Он посмотрел на электронный блок на груди, где был расположен пульт управления скафандром и дисплей. Его ощущения подтвердились. Температура внутри скафандра действительно поднялась на несколько градусов выше нормы. Он перевел нужный тумблер из автоматического режима в ручной и вывел требуемый показатель. В ответ, за его спиной, агрегаты и узлы питания систем обеспечения жизнедеятельности усиленно зажужжали. Манипуляция сработала. Воздух, обдувающий лицо, действительно стал холоднее, а также по разгоряченному телу прошла волна приятной свежести.

Индикатор температуры на мониторе пришел в норму. Остальные показатели систем также не вызывали беспокойства.

“Ничего страшного... Все в порядке... Под контролем... Надо не забыть проверить автоматику скафандра после возвращения на станцию” — пробормотал он про себя, решив, что нужно двигаться дальше.

— Бакир... у тебя все в порядке? Ты переключил контроль температуры на ручной режим? — прошипел в радиопередатчике звонкий, даже сквозь помехи, женский голос с сильным американским акцентом.

Это была Джессика. Американка. Единственная женщина на станции. Она была тут с конца сентября 2019 года и считалась почти ветераном, если не брать в расчет еще одного космонавта, который находился на станции с середины прошлого лета. Джессика страховала его выход, предельно педантично контролируя все детали и внимательно мониторя со станции каждое его движение. Даже слишком педантично и внимательно, слишком поженски, словно круглая отличница, сдающая экзамен. И он не мог отделаться от мысли, что это его раздражает.

Он вырос в классической патриархальной семье, с властным отцом — добытчиком и мягкой матерью — домохозяйкой, и перенес те же нравы в свою семью. И несмотря на прекрасное светское техническое образование, давний переезд из глухой провинции в продвинутый мегаполис, он все же оставался по своей натуре традиционным ретроградом, не признающим проявления феминизма, и тем более женщину в типично мужской профессии космонавта.

— Температура поднялась на три градуса выше нормы. Ты разве у себя не заметила? — ответил он, несколько резче, чем того стоило, упрекнув ее в невнимательности. Он знал, что его реплика будет болезненно воспринята женщиной, перфекционисткой, ежечасно доказывающей мужскому коллективу, что она по полному праву занимает место на станции, не уступая никому в профессионализме, и заслуживает своей роли не по причине увлечения американцами равноправием полов и инклюзивностью.

— Да, я зафиксировала, — ответила она и он почувствовал в ее голосе металлические отголоски.

“Никто тебе не обещал, что будет легко, девочка. Назвался груздем — полезай в кузов”, с сарказмом подумал он.

— Отлично. Но можно было и мне сказать..., - проворчал он, немного смягчив голос.

— Ты прав. Прости. Моя ошибка, — сквозь помехи послышался ответ женщины. И он почувствовал, что она действительно сожалеет о своем промахе. Хотя и промаха ее никакого не было. Это он должен был внимательнее наблюдать за показателями работы своего скафандра. А она, согласно регламенту, должна сообщить о проблеме, если только показатели вышли бы за пределы нормы, тогда как повышение температуры на три градуса все еще было в рамках допустимых значений.

— Забыли. Ничего страшного. Сам должен был следить, — совсем смягчил свой тон он, улыбнувшись и ощутив укол стыда, что набросился на человека, который может быть находился, с его точки зрения, не на своем месте, но все же на хорошего человека, приятного в общении, и более того являющегося привлекательной женщиной.

В радиопередатчике повисла пауза. Но он был уверен, что на том конце связи женщина также улыбнулась.

— Возвращаешься? — спросила наконец она..

— Да. Еще метров тридцать пять...

Он проторчал в открытом космосе почти пять часов, впервые в своей жизни, после долгих часов тренировок в глубоком бассейне на точном макете МКС, и, казалось, ему был знаком каждый сантиметр и каждый провод станции. Он долгие годы предвкушал этот момент, ждал и готовился. Однако в реальности космос обманул его ожидания. В нем не было ничего красивого или торжественного. Он оказался пустым и холодным. И ему хотелось быстрее вернуться на станцию.

Он достал губами пластиковую трубочку и отпил несколько глотков прохладной воды из пакета, скрытого в кармане в районе груди, потом почесал нос о небольшую выпуклость, которая зажимает ноздри и помогает космонавтам продуть и выровнять давление в скафандре. Потом он глубоко вдохнул и шумно через рот выдохнул, собирая силы.

И вдруг, за мгновение до того, как он должен был начать движение в сторону шлюза, он услышал короткий приглушенный хлопок, а потом почувствовал неожиданную острую боль в левом бедре...

Прокол

Его тело, замурованное в скафандр, от удара дернулось и по инерции оттолкнулось прочь от станции. Он что есть силы ухватился в перчатке за поручень и с невероятным усилием удержал себя на месте.

“Что за черт? Что это было? Сбой? Обрыв одного из узлов скафандра? Обрыв системы поддержания давления? Или системы охлаждения? Или, неужели, обрыв от внешнего воздействия? И что с ногой? Вроде боль успокоилась и не чувствуется, что течет кровь. Значит все не так страшно...” — вихрем пронесли мысли у него в голове.

А еще, он ощутил, как в глубине живота собирается, ширится и поднимается вверх токсичный комок паники, готовый пережать спазмом глотку, взвинтить до предельных высот давление крови и заглушить голос рационального мышления.

“Неужели вот так?! Вот она — смерть?! Вот такая?! Пришла ко мне?! К тому, кто не прожил и сорока лет? Оставив родных на Земле?! Оставив детей! Жену!!! Как последний идиот?! Нет!!! Нет!!!!!! Нееееееет!!! Я не хочу так!!! Я не хочу умирать?! Я хочу снова увидеть лица детей!!! Хочу выбраться отсюда!!! Из этого гребаного скафандра!!! Из этого гребаного космоса!!!”

Еще немного и он готов был заорать в слепом беспомощном ужасе!!! Но в последнее мгновение сумел взять эмоции под контроль и вспомнить навыки, наработанные сотней часов тренировок.

“Никакой паники. Мужик. Ты — мужик. Успокойся. Успокойся... Тебя этому учили. Паника только погубит. Будешь мандражировать — погибнешь. Действуй четко по регламенту... Включи голову и действуй по регламенту... По регламенту...” — успокаивал себя он, глубоко дыша и выравнивая ритм сердца.

Осторожно, стараясь не двигаться слишком интенсивно, боясь усугубить возможное повреждение скафандра, он осмотрел левую ногу. Посреди бедра, с внешней стороны, белую поверхность скафандра украшала дыра, не больше сантиметра в диаметре.

“Прокол скафандра!!!” — подумал он, — “Ну надо же а?! В первый же выход!!! Просто счастливчик! Сколько было нештатных ситуаций на МКС при выходе в космос за более, чем двадцатилетнюю историю эксплуатации?! Раз? Два? И тут на тебе!!! У меня прокол!!! Но, видимо, не серьезный. Давление немного падает, но все еще в норме. Что там? Что нужно делать? Да. Сначала нужно предотвратить расширение воздуха в легких и желудке из за падения давления. Да, чувствую. Раздувает. Надо резко выдохнуть. Иначе их может разорвать, а в кровь поступят крупные пузыри воздуха. И кирдык. Все... Выдохнул... Дальше... Потом надо начать вытравливать больше кислорода из баллонов, чтобы компенсировать потерю давления. Вот так. Вот так... Все верно. Работает... Теперь нужно быстрее добраться до станции. Сколько у меня есть времени? Индикатор показывает четыреста бар давления в баллонах. Получается, если верить таблице, нарисованной на перчатке — хватит минут на тридцать максимум. С учетом того, что в шлюзовой камере нужно провести минут двадцать для выравнивания давления, получается, что остается только минут на десять. Если не успею, то начнется форменный цирк! Удушье от гипоксии. Вода в мышцах вскипит, меня раздует вдвое, кожа начнет разрываться и сгорать в ультрафиолетовых ожогах. Потом кровь забулькает, а сердце остановится. Потом все! Фарш! Но все выглядит в порядке. Давление — стабилизировалось... Отверстие небольшое и

дополнительный воздух из баллонов справляется с утечкой”.

Он осмотрелся вокруг. Аккуратно нащупал рукой в перчатке края дыры. Ничего не указывало, что разрыв произошел от того, что поверхность скафандра зацепилась за одну из выступающих узлов корабля. Значит, оставалась только одна причина — столкновение с космическим мусором. И это было невероятное, почти непрогнозируемое стечение обстоятельств!!!

Так как станция движется на относительно низкой орбите, то у нее и у вышедших в открытый космос космонавтов есть крошечная вероятность столкновения с космическим мусором. Отлетевшими объектами от самой станции, оставшимися на орбите ракетными ступенями, обломками вышедших из строя спутников, остатками горения топлива из двигателей или даже мелкими метеоритами. Учитывая скорость движения на орбите, достигающую до восьми километров в секунду, даже самая мелкая частица может лететь в десятков раз быстрее, чем пуля на Земле. И может нанести значительный урон МКС, а тем более скафандру вышедшего за борт космонавта.

“Прокол!!! Мать его так!!! Космический мусор!!! Дери его за ногу!!! Один шанс на миллион!!! Супер-приз на барабане! Бинго!!! И именно для меня, родимого!!!” — в сердцах возмущался про себя он. Но при этом волнение почти полностью покинуло его сознание. Он чувствовал себя спокойно, мысли текли ровно и рассудительно. Он превратился словно в хорошо смазанную и отрегулированную машину, которая точно контролировала ситуацию и безошибочно знала, что делать дальше.

“Теперь надо вызвать станцию. Ну, Джессика! Не подведи!”.

Он набрал в легкие немного воздуха и вызвал на связь МКС.

— Станция! У меня ЧП.

— Что случилось? — прохрипел в динамике взволнованный голос Джессики.

— Разрыв скафандра..., - с мазохически злорадной улыбкой ответил он, представляя насколько шокирующей эта информация будет воспринята женщиной.

“Теперь посмотрим на что ты способна...” — подумал он, — “Спасай меня, женщина! Действуй!”

На том конце радиопередачи на пару секунд воцарилась тишина. Бесконечная! Звенящая! Кричащая!

— Есть возможность оценить величину разрыва? — наконец нарушила тишину Джессика.

Он оценил ее реакцию. Она почти не позволила себе взять время на смятение. Ее голос стал спокоен и деловит. Ему это понравилось. Значит его шансы на спасение увеличиваются.

— Не больше сантиметра. Предположительно — от мелкого космического мусора.

— Ясно. Я вижу, что немного упало давление...

— Да, я тоже вижу. Я его выравниваю. Стравливаю из баллона.

— Правильно.

— Я знаю..., - снова не удержался от язвительного комментария он.

На несколько секунд в эфире опять повисла неловкая тишина. Он подумал, что ему стоит перестать троллить Джессику. Ведь от слаженности их усилий зависит его жизнь.

— Есть телесные повреждения? — словно не заметив его сарказм, спросила она.

— Может быть. После удара ощущалась боль. Теперь все в порядке. Видимо повреждений нет. Или они незначительны.

— Ясно. Я попрошу приготовить медицинский юнит.

— Спасибо. У меня есть минут десять, чтобы вернуться к шлюзу. Так что я пошел.

— Удачи... Я тебя тут жду..., - ответила она, неожиданно тепло, с придыханием, словно между ними была особая связь мужчины и женщины.

Усмехнувшись и даже немного смутившись от ее слов, он осторожно двинулся в сторону входного шлюза...

Один шаг. Второй. Третий. Контролируя каждое движение. Крепко держась за поручни. После каждого шага переставляя страховочный трос. Однако намного быстрее, чем позволяют регламенты безопасности. Рискуя совершить ошибку. Потому, что знал, что в нормальном темпе обратный путь может занять минут пятнадцать-двадцать. Но у него их не было. В его распоряжении было только минут десять...

Он ни о чем не думал. Ни о чем не сожалел. Ничего не боялся. Просто продвигался вперед, проталкивая громоздкий неповоротливый скафандр, по перилам, закрепленным к обшивке станции, преодолевая углы, перепады, узлы, ответвления, выпуклости и впадины МКС.

А космос смотрел на него всевидящими, но пустыми и мертвыми глазами. Словно на ползущего таракана. Беспомощного. Жалкого. Глупого. Стоило бы только космосу захотеть, так он бы смахнул его с места огромным тапком и раздавил. Но, видимо, космосу было лень вставать с дивана и он решил наблюдать что маленький и глупый таракан будет делать дальше.

Часы на руке показывали, что прошло двенадцать минут, как он начал добираться до шлюза. А до конца пути оставалось еще метров десять, через перепад стыковочного узла между модулями и препятствием в виде уходящего в сторону блестящего крыла солнечной батареи.

Он в который раз посмотрел на указатель давления. Все пока было в норме. Но показатель кислорода в баллонах катастрофически быстро снижался.

— Джессика, у меня давления в баллонах осталось на двести бар с небольшим. Ушла почти половина. Может не хватить... Есть предложения как сократить время шлюзования? — спросил он в радиопередатчик.

— Будем действовать по ситуации. Если нужно будет тебя откачивать, то все тут готово. Все в сборе. Ждут. Откачаем, — уверенно ответила женщина, но потом вдруг тяжело с хрипом закашлялась.

— Хорошо. Принято, — ответил он, настороженно прислушиваясь к тому, как Джессика с трудом справляется с приступом спазмов.

— Вы там что ли все коронавирусом заразились? — озвучил свои опасения он.

— Не знаю..., только началось..., температура вроде... и этот кашель... — смущенно ответила Джессика, когда кашель, наконец, отпустил ее.

“На станции нас шестеро. Трое находились на МКС примерно с середины прошлого 2019 года, еще до вспышки эпидемии коронавируса на Земле. Новая команда из трех космонавтов, в чьем составе и я, прибыла 12 апреля 2020 года, два дня назад. Сегодня, перед запланированным выходом в космос, с температурой слег американец из моей группы. Значит от него заразилась Джессика... А значит и я, как и все остальные на станции. У меня симптомов пока нет. Но могут скоро появиться. Есть шанс, что это обычный штамм вируса гриппа. Неприятно, но не критично. Но есть вероятность, что наша группа, несмотря на строгие протоколы карантина в звездном городке, занесла на МКС коронавирус Covid-19. Вот тогда — жопа!!! Нужна будет немедленная эвакуация... Ладно, будем решать проблему по мере их поступления”, - размышлял он.

Еще семь минут понадобилось ему, чтобы закончить путь и ухватиться рукой за люк входного шлюза.

— На месте. Давление в баллонах сто тридцать. Давление в скафандре — в норме, — отрапортовал он в передатчик, и не слушая ответа, принялся, прилагая отчаянные усилия, отвинчивать замок на шлюзовом люке. Тот поддавался с трудом. Руки дрожали от усталости и напряжения. Через долгих пять поворотов, люк, наконец, дрогнул и раскрылся.

Он протиснулся внутрь шлюза. Захлопнул за собой люк. Развернулся, глубоко вдохнул и шумно выдохнул, собираясь с силами. Потом принялся крутить замок на люке в обратную сторону. От усталости и напряжения в его глазах поплыли темные пятна и в ушах зазвенело. Он немного ослабил усилия, опасаясь того, что может потерять сознание. А время шло. Секунда за секундой. И показатель кислорода снижался все ниже и ниже, приближая роковую развязку.

Наконец, люк был закрыт. Теперь оставалось самое последнее. Самое сложное. Почти невозможное. За одиннадцать оставшихся минут успеть выровнять давление между атмосферой в шлюзе и в остальной станции. Согласно нормативам на это требуется минут тридцать, в минимуме — двадцать. А если этого не сделать, то люк между шлюзовым отсеком и станцией из за перепадов давления ему ни за что не открыть. Он будет намертво запечатан, даже если ему удастся раскрутить замок. И никто ему не сможет в этом помочь. Выровнять давление в шлюзе может только он. На этой стороне. И у него на эти манипуляции оставалось слишком мало кислорода.

В стекле небольшого иллюминатора виднелись лица остальных членов экипажа. Они по очереди просовывали свои лица в круглое окошко и смотрели на него испуганными глазами. Передатчик изредка доносил их слова, обрывки фраз, слов, возгласов, которых он почти не слышал и не воспринимал.

Он понимал, что наиболее вероятно умрет тут. В шлюзе. От гипоксии. На глазах у других членов экипажа. И последнее, что он увидит в своей жизни будет искаженное в ужасе лицо Джессики, малознакомой женщины, американки... Или лицо одного из других членов экипажа. Таких же незнакомцев. От осознания этого ему стало не по себе. Как будто ему было стыдно умирать перед чужаками. Тем более вот так, разыгрывая свой последний спектакль в жизни. В агонии. С синюющим лицом. С высунутым языком. С вытаращенными из орбит глазами.

“Да пошли вы в жопу!!! Не дождетесь!!!” — почти крикнул в окошко он и почувствовал как яростная, первобытная жажда жизни стремительно напомнила его истерзанное усталостью тело и передало ему непонятно откуда взявшуюся энергию. И он принялся действовать.

Он нащупал выступающий из стены тумблер управления подачи кислорода в шлюзе. И включил его, наблюдая за показателем барометра. Не моргая. Теряя терпение. Ощущая, как адреналин почти с осязаемым шумом прокачивается по артериям, пропитывает сердце, заставляя его тяжело ухать, заглушая голоса, доносящиеся из радиопередатчика.

“Вот и все братан... Тут мы и посмотрим чего ты стоишь!” — злорадно думал он про себя, наблюдая, как давление в барометре медленно тянется к указателю двухсот бар. Из шестиста необходимых.

Когда стрелка достигла двухсот, он вернул тумблер в первоначальное положение, перекрыв поток воздуха. По инструкции, нужно было теперь ждать около десяти минут, чтобы проверить насколько упадет давление в шлюзе.

Десяти минут у него не было. Он решил ждать две. Учитывая, что кислорода в баллоне оставалось минут на восемь и впереди еще предстояло повторить процедуру, когда давление в шлюзе достигнет необходимых шестиста бар.

Он внимательно смотрел на бегущую стрелку механических наручных часов, пока она преодолевала свой заданный путь в два оборота. Завороженно. Не моргая. А в подкорке его сознания, словно обрывки старых фотографий, разлетающиеся на ветру, пролетали воспоминания о его недолгой прожитой жизни. Забор из окрашенной в синий сетки рабица, который окружал его детский сад. Высокие тополя, растущие во дворе дома, где он провел детство. Морщинистые руки бабушки, глядящие его перед сном. Лица родителей на первой линейке в школе. Мальчишеские драки. Первая сигарета на заднем дворе. Первый глоток пива на скамейке в парчке. Глаза девушки после первого поцелуя. Школьный диплом. Переезд в другой город. Университет. Служба. Карьера. Женитьба. Рождение детей...

Как только стрелка часов отсчитала ровно две минуты, он взглянул на показатель давления в шлюзе. К счастью, стрелка сдвинулась с двухсот не более, чем на десять бар. Значит возиться с герметизацией шлюза нужно будет меньше и его шансы выжить немного повысились.

Он резко дернул тумблер назад, снова пустив поток кислорода в шлюз. При этом, краем глаза отметил, что воздуха в баллонах для дыхания оставалось минуты на четыре.

Долгие минуты три понадобилось, чтобы давление в шлюзе достигло нужных шестиста. И тут он почувствовал быстро нарастающее удушье и понял, что кислорода в баллонах не осталось. Ждать больше было нельзя. Времени на стабилизацию давления в шлюзе у него больше не было.

Превозмогая обрушившуюся на него слабость, он упал на колени и отчаянно принялся раскручивать замок на входном люке, бормоча про себя слова молитвы. Забыв, что является атеистом. Как мог, как помнил, как слышал когда-то в детстве от бабушки. Умоляя всевышнего помочь ему выжить, сделать так, чтобы давление между шлюзом и станцией чудным образом сравнялось и чтобы люк открылся.

Прокрутив нужные пять оборотов, почти ничего не видя перед глазами от того, что лицо залило потом, а зрение поплыло темными пятнами, он ухватился за ручку и дернул.

Люк остался безразлично неподвижным. Словно камень.

Он с трудом встал на ноги и кинулся к показателю барометра. Сквозь пелену, он едва различил, что давление упало на шестьдесят бар. Поэтому люк не открывался. Потом трясущимися руками в неповоротливой раздувшейся перчатке он включил тумблер подачи давления, решив оставить его включенным и продолжать дергать люк в надежде, что судьба или всевышний сжалятся над ним, и позволят люку открыться до того, как он потеряет сознание.

Остальное ему казалось произошло словно во сне. Слабеющими руками он вроде некоторое время сражался с ручкой люка. Потом провал. Толчок. Провал. Чьи-то руки. Провал. Щелчок открытия шлема. Провал. Снова чьи-то руки. Провал. Голоса. Провал...

И последнее, что он помнил — это нависшее над ним улыбающееся лицо Джессики...

Тридцать дней до часа ИКС

15 апреля 2020 года

Четверг.

В нашем городе вторую неделю, как ввели карантин, и запретили без надобности выходить из дома. Все сидят по домам, словно кроты в норах. Все закрыто, кроме аптек и продуктовых магазинов. По опустевшим улицам, словно весенние ласточки, летают доставщики готовой еды из ресторанов. И таксисты.

Я все еще притворяюсь, что работаю из дома. На самом деле сплю до десяти, лениво просыпаюсь, за пару часов по быстрому отвечаю на нужные рабочие имейлы. Иногда, укрывшись с головой в любимое вафельное одеяло, вишу на видеоконференциях, отключив микрофон и камеру.

Мне даже нравится. Дети рядом. Жена рядом. Никакой будничной шелухи. Никаких ранних подъемов по утрам. Никаких лихорадочных сборов сонных детей в школу и садик. Потом сборов обратно домой. Никуда идти не нужно. Не нужно спешить. Бежать. Успевать. Не нужно притворяться активным и разносторонним. Ходить на фитнес, в кинотеатры, на вечеринки, чтобы чувствовать себя в теме. Можно просто плотно закрыть дверь квартиры, защитившись от внешнего мира угрозой вируса, гуляющего, словно призрак, где-то снаружи, налипшего невидимой пленкой на руках и лицах прохожих, на кнопках лифтов, на поручнях лестниц и дверных ручках. Ничего не осталось, кроме нашего маленького мирка на шестьдесят квадратных метров. Как будто бы прошлый образ существования никогда не существовал. Будто бы он был лишь сном...

Как бы не были тревожны новости и предупреждения об опасности, бесконечным водопадом льющиеся из каждого утюга, мне становится как-то предательски хорошо и спокойно. Как будто я нашел в себе скрытого, прячущегося всю прошлую жизнь, интроверта. Перезагрузился. Сбросил все настройки на заводские. Отбросил ненужное. Перестал притворяться. Обнулится.

Я знаю, что так думать плохо. Ведь мир страдает в агонии. Люди умирают, лишаются работы, теряют бизнесы. Но все же, это не отменяет того, что карантин позволил на многие вещи взглянуть с другого ракурса. К примеру, понять, что материальные вещи — не главное. Что хорошие отношения с родными — ценны на вес золота. И что планете Земля на самом деле лучше без нас.

Да и вообще, вся эта истерия по коронавирусу — всего лишь разминка перед главным событием, которое грянет в середине мая. Вроде как судьба, провидение или еще что-то дает людям знак. Позволяет им подготовиться к тому, что будет. Ровно через месяц. Ровно через тридцать дней. Совсем скоро. Осталось совсем чуть-чуть.

Что я сейчас чувствую по этому поводу?

Да? Что?

Я закрываю глаза и смотрю внутрь себя. И знаете? После месяцев тревог, переживаний и бессонных ночей до боли в сердце, я чувствую, что не боюсь. Больше не боюсь. Я чувствую себя спокойно и уверенно. Я точно знаю, что смогу пережить грядущую катастрофу. Смогу выжить и защитить свою семью.

Откуда такая уверенность? Да хрен его знает.... Скорее всего эта уверенность — всего

лишь иллюзия о собственных силах и возможностях. В собственной неуязвимости. В том, что я смогу подготовиться и все предусмотреть. Ведь я с трудом могу сейчас представить, какие трудности нас ждут. Ведь мои представления о будущем ограничиваются только обрывистыми сновидениями годичной давности, острота восприятия которых давно притупилась. И вероятнее всего, с моей стороны является большой ошибкой недооценивать наступающую угрозу.

Я в который раз за утро направился прогуляться по второй квартире. Вид разложенных в ней запасов и оборудования придает мне уверенность. Крепкие решетки на окнах. Железная дверь. Два карабина с патронами в сейфе. Биты, ножи, тесак и топор. Палатка, спальные мешки, походная одежда и рюкзаки. Бинокли, часы, фонари и другие охотничьи мелочи. Солнечные панели и радиопередатчик. Фильтры и таблетки для воды. Полки для выращивания овощей и мешки с черноземом.

Не хватало главного. Воды. Еды. И медикаментов.

После долгих поисков информации в Интернете, я нашел несколько производителей и дистрибьюторов относительно недорогих аппаратов, которые вырабатывают воду из атмосферы, по той же технологии как обычные кондиционеры выделяют воду при охлаждении воздуха. Проблемой было то, что таким устройствам нужно стабильное и мощное электричество. И регулярное обслуживание. Всего этого после часа ИКС не будет. А мои возможности ограничивались лишь парой портативных солнечных панелей, которые могут справиться с зарядкой разве что смартфона. Или, как максимум, ноутбука.

Поэтому я отбросил эти идеи и решил закупить как можно больше питьевой воды. Может быть двести бутылей по двадцать литров в каждой. Может больше. Получится — минимум четыре тысячи литров. Четыре тонны. Если учитывать среднюю потребность человека в воде, что около двух литров в день, то получится, что запасов хватит минимум на пятьсот дней. На полтора года. Если не тратить воду на мытье, а только пить.

Для хранения бутылей с водой я решил отвести целую комнату в новой квартире. Самую маленькую. Также, как и в нашей квартире, служившей детской. Ее можно будет полностью освободить от мебели и сложить там бутылки. Сколько влезет. Рядами, один ряд над другим. До самого потолка.

Еще я решил купить большой рулон прочного строительного целлофана. Эту идею я подсмотрел в одном из старых фильмов ужасов, где отец и дочь спрятались в своей квартире во время зомби апокалипсиса в Лондоне. И отец расстилал целлофан на крыше дома, таким образом собирая дождевую воду, которая помогала им выжить.

Наша квартира находилась на последнем этаже. А на лестничной клетке был проход на чердак через сваренную из железных прутьев лестницу. Как-то, около года назад, нашу квартиру затопило. Оказалось, что система водоснабжения дома расположена на том чердаке, позволяя воде спускаться сверху к нижним этажам, обеспечивая давление. Так вот, накопитель воды дал течь и вода залила квартиры снизу. Пришли ремонтники и все быстро починили. Было много криков и эмоций, как со стороны владельцев квартир, так и со стороны обслуживающей организации. Но ущерб оказался незначительным. Немного эмульсии и час работы одного маляра привели наш потолок в исходное состояние. Так я узнал, что где-то над нами расположен резервуар с водой. И еще, что где-то там, на чердаке, должен быть доступ на крышу...

Пару дней назад я вышел на лестничную клетку и внимательно осмотрел проход на чердак, который был наглухо закрыт на висячий замок. Я поднялся по лестнице и

рассмотрел преграду, решив, что когда будет нужно, то без труда смогу вырвать крепления и сломать замок.

Я успокоил себя тем, что это был мой план “Б”. На тот неизбежный случай, когда вся чистая питьевая вода из бутылей будет израсходована. Конечно же, это был плохой план. Ведь я не мог знать насколько безопасно можно будет проходить на лестничную клетку и дальше вверх. Останется ли хоть сколько-нибудь воды в резервуаре? И как часто будут идти дожди в условиях нашего засушливого климата?

Но другого плана у меня не было.

С едой дела обстояли не лучше. Идея обустроить домашнюю птицеферму оказалась невыполнимой. Погрузившись в тему, я понял, что мы, городские жители, никогда не жившие в деревне и никогда не сталкивавшиеся с необходимостью ухода за живностью, не справились бы с задачей в условиях нашей небольшой квартиры. Уход за птицефермой оказался весьма требовательным и своеобразным занятием, требующим нужного освещения, корма, ухода и навыка. Ну и запах! Боюсь, что мы бы его не вынесли. Так что я отбросил эту затею, решив не занимать попусту время и ресурсы.

Нам придется ограничиться тем, что сможем купить готовым. Едой самого длительного хранения. Крупами, консервами, сушеными фруктами и макаронами. Закупить их как можно больше. В как можно более широком разнообразии и питательности. На год вперед. Может на два, если получится. А что будет потом, я не знаю...

Еще нужно не забыть про алкоголь. Про мое любимое красное испанское вино. Купить ящиков тридцать по шесть бутылок в каждой. Еще, на всякий случай, виски и водку ящиков десять. Больше не нужно. Чтобы не спиться...

И, наконец, медикаменты и средства гигиены. Обезболивающие в ампулах и таблетках, средства от расстройства желудка, от простуды, от кашля, противоаллергенные средства, спазмолитики, антибиотики в виде мазей и таблеток, средства от давления, противогрибковые, перекись водорода, хлоргексидин, йод, бинты, пластыри, жгуты, вата, повязки, шины для фиксации переломов, противоожоговый крем, кровоостанавливающие средства, сердечные. Мыло, шампунь, стиральные и чистящие порошки. Еще аптечные мультивитамины и минералы для взрослых и детей. Потом воротник для фиксации головы при повреждении шеи, хирургическая пила (страшно представить, если ею придется воспользоваться), средства для прижигания ран, хирургические ножницы, шприцы, скальпели, капельницы, физрастворы и спирт. Как можно больше. С наибольшим сроком годности.

Это все нужно будет закупить за оставшиеся тридцать дней до дня ИКС.

Я вернулся за кухонный стол, где был обустроен мой офис на время карантина. Прокрутил на компьютере новостную ленту, забитую до отказа тревожными сводками о коронавирусе, падении цен на нефть, крушении курса акций и валют. Я знаю, что нужно искать. Я точно знаю, что нужная новость должна быть где-то. Отбрасываю один новостной портал и беру за другой. За третий. За четвертый. Пока не нахожу то, что искал.

Медленно, смакуя каждое слово, читаю сухие куцые строки. И, почему-то, улыбаюсь. Невеселой улыбкой. Злой и саркастической. Ведь самая важная новость за всю историю человеческой цивилизации опубликована едва посещаемым отраслевым сайтом российского космического агентства, закопанная тоннами мишуры других новостей.

“МОСКВА. 14 апр.

На борту Международной космической станции, при выходе космонавта Бакира

Токтарова в открытый космос для проведения штатных технических работ, произошел инцидент с незначительным разрывом скафандра. Неисправность была вовремя обнаружена и космонавт успешно вернулся на борт. Также на станции проводятся штатные мероприятия по мониторингу за состоянием здоровья экипажа”.

Я немедленно осознаю, что означает эта новость. Действительно означает... Что останется, если смахнуть ворох типовых канцелярских строк и оставить самую суть. Что в ней по настоящему написано. А вернее, что не написано...

А означала эта статья, что Аннушка разлила масло. Что Токтар Бакиров сыграл свою роковую роль в мировой истории. Множество, казалось бы, несовместимых кусочков пазла сошлись в одну картину. Произошел идеальный шторм. Столкновение нескольких уникальных событий, породивших монстра.

Раз. Выход космонавта в открытый космос. Разрыв скафандра и заражение космонавта неким космическим вирусом.

Два. Амбиции космических держав. Их упрямство во что бы то ни стало завершить запланированную программу полетов на МКС.

Три. Пандемия Covid-19 на Земле. Проваленный карантин в звездном городке. Заражение космонавтов коронавирусом.

Четыре. Мутация двух вирусов в одном супер-вирусе, который за две недели после заражения превратит людей в кровожадных, питающихся сырой плотью зверей.

Вот такая невеселая считалка получается...

Я проснулся от резкого и высокого звука.

Сознание с трудом возвращалось к реальности после тяжелого сна и бурной вечеринки прошлой ночью, словно с трудом приподнимало тяжеленную чугунную плиту, чтобы вырваться из темноты на белый свет. Мы, четверо коллег-друзей с работы, тридцатого апреля, в канун ничего не значащего для нас праздника единства народов (как сейчас называется день первого мая), закатили небольшую вечеринку, где напились вина и пива, и до костей обсудили всех и каждого (впрочем, у меня еще получалось держать самую свою сокровенную тайну в секрете).

В условиях карантина и закрытых заведений, мы умудрялись перед выходными собираться по домам и даже по салонам наших машин, повинуюсь заработанному годами рефлексу корпоративных служащих спускать пар после рабочей недели. Специалисты говорят, что пить раз в неделю — тоже алкоголизм. Некий “отложенный” алкоголизм. Ну да и ладно. Оставим эти тонкости и морализаторства психологам. Нам нравится и все тут...

Тем более, что возможностей и обстоятельств для подобных посиделок вскорости может не остаться. Ведь кто знает, когда нагрянут плохие времена, сможем ли мы вот так собираться. Беззаботно болтать. Делиться сплетнями. Выпивать. И при этом не бояться громко смеяться.

Кто знает... Может быть совсем скоро нашими первостепенными задачами будет примитивное выживание. Задача не быть съеденными. Укушенными. Обращенными в монстров. Так что я наслаждался! Последними хорошими деньками. Пусть слегка омраченными карантином и коронавирусом! Я смотрел. Слушал. Шутил и кривлялся. Запоминал, стараясь аккуратно складывать приятные мгновения в ячейки памяти. Чтобы потом вспоминать каждое из них, доставая из этих ячеек, осторожно крутить в руках, разглядывать, словно ценные музейные экспонаты, любуясь их красотой и совершенством. Тогда, когда мрак падет на землю и всем нам будет не до смеха.

— Ааааааа!!!! — снова донесся звук. На этот раз я определил, что это был крик. Женский истеричный крик. А точнее крик моей супруги.

От количества выпитого накануне вина голова раскалывалась на куски, так что этот крик вызвал во мне только раздражение, а не желание спасти супругу от некой угрозы. К тому же, я был уверен, что никакой угрозы не было. В крайнем случае — ей кружка упала на ногу или одна из девочек нечаянно, в порыве детских игр, ткнула рукой матери по лицу.

— Ааааааа!!! — крик снова повторился. На этот раз он стремительно приближался ко мне, вместе со своим источником в виде моей жены.

Я отвернулся к стенке и зажмурился.

— Тимур! Посмотри!!! — орала она, кажется прямиком в ухо, будто разрывая в клочья мои барабанные перепонки.

— Куда? — промычал в подушку я.

— Сюда! Посмотри сюда!!! — продолжала визжать она и по тону ее крика я понял, что дело было не в упавшей на ногу кружке или неловком тычке в лицо от одной из девочек. И даже не в испачканной красным вином рубашке.

— Что? — рыкнул я, морщась и теснее прижимаясь лицом к подушке.

— Ну вот тут! Посмотри. Я решила проверить. И тут..., - упавшим голосом, сменив истеричные тона голоса на слезно-просительные, продолжала настаивать она.

Я поднялся с подушки. С трудом разлепил глаза и обнаружил перед своим носом тонкую белую полоску в протянутой в мою сторону руке супруги.

— Что нам делать? Я не хочу! Я боюсь! — бормотала она.

— Что делать с чем? Что ты не хочешь? Чего боишься? — недовольно, не понимая сути проблемы, проворчал я.

Но через доли секунды до меня дошло.

Мы планировали это больше года. Сдавали анализы и проходили обследования. Высчитывали нужные сроки в особых календарях. Проверяли температуру и считали комбинации лунного календаря. Пили витамины и минералы. Я даже бросал пить любимое красное вино на пару месяцев. Ничего не помогало. Неделя за неделей. Месяц за месяцем. А потом, когда началась свистопляска с эпидемией коронавируса, мы как-то молча, не сговариваясь, решили повременить, взять паузу, дожидаться пока обстановка не устаканиться.

И тут такое!!!

На белой узенькой полоске, пропитанной особым реагентом, совершенно четко и безапелляционно, словно заявление гражданина о вступлении в политическую партию, горели две полосы.

Супруга была беременна.

— Ты думаешь, что мы сможем родить? — почти плача спросила меня она.

Лицо супруги сжалось. Она смотрела на меня влажными и умоляющими глазами. В надежде получить поддержку. Опору. Чтобы удержаться на ногах от неожиданного удара судьбы. От усмешки коварного случая. Хотя — удара ли? Усмешки ли? Ведь мы хотели, чтобы это произошло. Планировали. Мечтали, чтобы у двух немного подросших сестричек появилась еще одна ляля. Крохотный братик или сестренка с которым или с которой они будут играть. Чей младенческий смех наполнит пространство нашей небольшой уютной квартиры. Но будет ли она оставаться уютной после того как мы забарикадируем входную дверь? После того, как прекратиться подача воды и электричества? А за окном начнется кошмар, свидетелем которого не становилось ни одно из живших прежде на планете поколений людей.

Впрочем, я хорошо знал свою женщину. Она никогда не сможет, сама, по своей воле избавиться от ребенка. Для нее это слишком болезненная и чувствительная тема. Тем более после двух выкидышей, которые она пережила весьма болезненно.

Я знал, что мне нужно делать и что говорить.

Я взял ее мягко за руку и посадил рядом, ожидая пока иссякнет поток ее испуганных, обрывистых слов.

— Мы не сможем... Мы не сможем!!! Когда случится твой вирус... Я не знаю... Что делать?!! Это же..., это же..., нам будет нужен роддом, а если нет, то..., как принимать роды тут...? Как? А если не получится? Если я не смогу? Если ты не сможешь? А даже если получится? Как потом? С маленьким в таких условиях? Его нужно будет купать... Кормить... Делать прививки... Осматривать у педиатра..., - она опускала голову все ниже и ниже, почти к самым коленям, бормоча свои скомканные слова, а в конце добавила, — а где будем брать памперсы...

От упоминаний памперсов я не сдержался и засмеялся. Она, кажется, даже не заметила моей реакции.

— Послушай меня, — глубоко вдохнув и выдохнув начал я, пытаюсь сформировать в голове цепочку нужных фраз, которые она от меня ждала.

Моя роль была ясна. Помочь ей успокоиться. Помочь принять ситуацию. Отбросить эмоции и позволить придумать план дальнейших действий. Сказать правильные слова, которые она ждала от меня. Как от самого родного ей человека. От мужа. Мужчины на тринадцать лет старше ее. Слова, которые из моих уст звучали бы более убедительно, чем сказанные ею самой.

Я не верю в астрологические прогнозы. В гороскопы. В знаки зодиака... В эту псевдонауку для людей, которые, как я считаю, не способны сами взять под контроль свою жизнь. И которые готовы верить нелепым предсказаниям шарлатанов и аферистов, делящих все население земли на двенадцать категорий. Но удивительное соответствие наших с супругой характеров описаниям знаков зодиака испытывало мой скептицизм на прочность. Я — козерог. Трудяга, не боящийся рутинной работы. Планировщик и зануда. Реалист и материалист. Склонный к рефлексии. Думающий слишком много не о том, что нужно. Пессимист склонный к депрессии. Достигатор ищущий постоянных свершений. Человек —

большой тяжелый камень. Все, как описывают козерогов астрологи. Жена же — близнецы. Воздушная и переменчивая. Немного безалаберная лентяйка. Не рвущая жилы. Не живущая в режиме состязания. Не воюющая. Эмоциональная и спонтанная. Меняющаяся решения на ходу. Будто ветер, обтекающий камень, рисующий над ним узоры из облаков. Не замораживающаяся слишком долго на обстоятельствах, которые не могла изменить. Идущая по жизни легко и непринужденно. Все сходилось. И наши характеры сходились. Дополняя друг друга, даря каждому то, чего не хватало самому.

— Послушай. Да — страшно. Да — непонятно. Впереди — только неизвестность. Как? Что? Где? На что? И все такое... Что мы можем сделать с этой неизвестностью? У нас есть два варианта. Мы можем испугаться. Сдастся. Сложить лапки. Можем позволить страху перед неизвестностью взять контроль над нами, лишит права принимать свои решения. А можем с холодной головой все разложить по полочкам, взвесить обстоятельства и сделать так как мы хотим. Зайди во в ту квартиру. Посмотри! Ты же все видела!!! Я почти все закупил. Осталось самое простое. Мы без затруднений продержимся в нашей квартире минимум год, а может и больше...

— Там нет еды и воды. И лекарств! И памперсов!!! — взвизгнула супруга, вскинув голову и посмотрев на меня отчаянным взглядом.

— Памперсы? Серьезно? Ты думаешь, что памперсы — это самый важный стратегический ресурс?!! У нас месяц в запасе! Я куплю тысячу памперсов! Мы будем кушать их на завтрак, эти памперсы!!!

— Не говори так..., - она хлопнула меня по колену. Я понял, что сказал не то, что хотел. И поторопился отбросить возникшую в воображении безумную картину, где мы, голодные и одичавшие, оставшиеся без еды, жадно разрываем оболочку прокладок подгузников и поглощаем их начинку в попытке насытить пустые животы.

— Все будет хорошо. За оставшийся месяц я куплю большой запас еды и воды. И нужных лекарств. Все купим, что требуется для родов. Там, всякие тазы, щипцы, капельницы...

— Какие тазы и капельницы!!! Ты сошел с ума! — опять крикнула она.

— Да не важно, как это все называется. Ну, все, что нужно для родов. Найдем в интернете информацию о том, что нужно. И я все куплю.

— А как ты будешь принимать роды?

— Ничего. Справлюсь. Распечатаем с интернета инструкцию. Повесим на стене. Я буду заранее учить. Вместе будем учиться. Время у нас будет. Все получится. До нас все поколения людей как-то рождались без роддомов. В степи. В горах. В лесу. Без медикаментов и докторов. И ничего! Как-то выживали!

— Ты дурак! Дурак!!! Дурак!!! — запричитала она, схватив меня обеими руками за голову, — ты вообще не знаешь о чем говоришь. Ты помнишь, что было когда я рожала старшую? Ты стоял за перегородкой и почти сознание потерял. А как ты собираешься роды сам принимать? У тебя ничего не получится! Вот ты дурак!!!

— Не правда. Я не терял сознание. Немного, может переволновался и все. Это был первый опыт для меня. С третьим будет спокойнее. Да и выхода не будет у меня другого. Я уверен, что справлюсь. Помнишь, раньше я боялся уколы делать. А теперь — легко.

— Уколы делать. Сравнил, блин, уколы с родами.

— Да знаю я, что это не то же самое. Это просто к примеру. Послушай! Мы справимся! Я тебе точно говорю. Поверь мне. Ведь мы давно хотели третьего. Верно? У нас не

получалось и не получалось. И вдруг — “хоп” и получилось, хотя мы перестали даже стараться. Кто знает — может быть это знак. Ты же веришь в это... — я сделал паузу и наблюдал как действует мой последний аргумент, моя так называемая тяжелая артиллерия в амуниции манипуляции супругой.

Подействовало. Ее лицо разгладилось. Уголки губ немного поднялись.

— Ты дурак! — повторила она, но тон ее голоса уже смягчился. Она сдалась. Она приняла.

— Хорошо. Дурак. Доктор Дурак. Акушер высшей категории — Дурак.

Она посмотрела на меня. Усмехнулась. Прижалась ко мне боком. И обняла...

Так, в нашем списке появилась новая статья. Акушерские приспособления и медикаменты для родов

Готовность номер один

10 мая 2020 года

Воскресенье.

За три прошедшие недели я закончил с закупкой воды, провизии и медикаментов по нашему с супругой списку. Теперь вторая квартира была полностью, до самого последнего квадратного сантиметра завалена припасами, оборудованием, одеждой и снастями. Прекрасная новая мебель и бытовая техника, оставленная старой хозяйкой, которая не могла служить приспособлением для хранения, была сдвинута по углам. Все свободное же пространство было занято штабелями, кучами и полками с коробками, мешками и пакетами.

Я — из тех мужчин у которых руки растут не из плеч, а из места пониже и сзади. Еще я из тех, которые, если разбирают устройство, то при обратной его сборке у них всегда остаются лишние детали. Вот так. Что поделаться... Наверное, издержки воспитания матерью-одиночкой.

Так что несмотря на старания сохранять порядок и систему хранения, я сумел лишь отделить пищевые запасы от непищевых. И единственным моим достижением эргономичного использования пространства оставались три ряда прикрученных к стене гостиной полок с пластиковыми лотками для выращивания овощей. Можно было приспособить такие же полки к остальным стенам, чтобы аккуратно разместить коробки и мешки. Но не вышло. Это нужно было делать в самом начале, когда вещей было немного. Теперь же, такая задача была невыполнима. Я бы с ней не справился. А вызывать мастеров в помощь также было поздно. Слишком подозрительно выглядели мои запасы. А я не мог рисковать, позволив посторонним людям задавать ненужные вопросы и делать ненужные выводы. Ну вы сами понимаете...

По итогам закупа, вторая квартира, до самой прихожей и туалетной комнаты, превратилась в труднопроходимый лабиринт. Также и детская комната, полностью освобожденная от мебели, была под завязку забита двумястами тридцатью шестью бутылками с водой. Чтобы не вызывать подозрений, мне пришлось заказывать воду в пяти различных компаниях. Также на мою руку сыграли требования бесконтактной продажи. Оплату приняли онлайн. А груз сгружали перед входной дверью. Вся операция заняла трое суток. А моя спина все еще ноет от количества перенесенных и разложенных в нужном порядке литров воды, что компенсируется наслаждением для глаз, когда я открываю дверь в детскую и наслаждаюсь зрелищем вертикальной голубой стены перед лицом, целого бассейна воды, упакованного до самого потолка в полупрозрачную голубоватую тару. Квинтэссенцией нашего будущего. Гарантией того, что мы будем жить. По крайней мере, пока не иссякнет последняя бутылка...

В отдельном месте мы сложили небольшой пакет с препаратами для родов. Оказалось, что по большей части у нас все почти уже было куплено. Так что закуп не занял много времени и не потребовал значительных затрат. Докуплены были внутривенные катетеры, седативные средства для расслабления при схватках, спазмолитики, анальгетики, утеротоники для ускорения родов, препараты для сокращения матки и глюкоза. Также я выкачал из Интернета и распечатал подробные инструкции о том, как принимать роды.

Размышления о том, что может возникнуть нужда проводить кесарево сечение и

эпидуральную анестезию, мы с ужасом отбросили. Я никогда не смог бы справиться с подобными задачами. Слишком опасно. И требует слишком значительных профессиональных навыков. Так что мы понадеялись на крепкий и молодой организм супруги. И на тот факт, что роды двух девочек прошли стандартно и без осложнений. Опять понадеялись на авось... Опять оставили незакрытым риск... Но что же делать..? Ничего другого не остается...

В тайне от жены я также купил средства для провоцирования медикаментозного выкидыша. На случай, если что-то пойдет не так до родов. Я знаю о чем говорю. Мы с супругой — бывалые родители... Проходили... Плавали... Знаем... Так что рисковать я не был намерен. Ну как рисковать не был намерен... Смешно, конечно. Слишком громко сказано. Как вообще можно говорить о степени риска, если беременность будет протекать на фоне жути зомби-апокалипсиса и изоляции в пределах небольшой городской квартиры? Вдруг у нее случатся осложнения, с которыми я не смогу справиться? Внематочная беременность? Гестоз? Выкидыш с необходимостью выскабливания? Анэмбриония или замершая беременность? Тем более, что две последние напасти с ней уже случались...

Опять же..., что поделаешь... Нам вдвоем придется играть с картами, которые будут выданы. Судьбой. Провидением. Удачей... Пусть она к нам будет благосклонна...

Ко всему этому нельзя будет забывать о двух девочках-малышках. О том, как они смогут пережить грядущие испытания... Сможем ли мы обеспечить им нормальные условия для жизни? Много вопросов. Слишком мало ответов. Так что меньше раздумий. Больше действий. Только вперед. Ведь до часа икс оставалось все меньше и меньше времени.

Я, печатая эти строки, сидя за кухонным столом, взглянул на супругу и дочерей. Они лежат вповалку, в разных позах, втроем на диване. Мои любимые. Мои сладкие. Мои котята. Мои птички. Мои конфетки. Мои мармеладки и шоколадки...

Младшая расположила свое худое хрупкое тельце на плоской и широкой спинке дивана и уткнулась головой в планшет, наблюдая в ютубе за чьей-то игрой в популярную детскую многопользовательскую игру. Ее глазки-пуговицы иногда смешно моргают. Крохотная ножка подергивается. А мышиный хвостик стянутых на затылке волос покачивается из стороны в сторону.

Супруга и старшая дочь занимаются домашними заданиями перешедшей на дистанционное обучение школы. Дочь старательно выводит ручкой слова в тетради. Лежа на животе. Беззвучно шевелит пухлыми губами. Ее шикарные длинные блестящие каштановые волосы с рыжим отливом спадают на лицо. На белый листок бумаги. Мешают работе. Но она упорно отказывается собирать их в узел. Жена нервничает и изредка повышает голос. Мне это не нравится. И мы уже не раз говорили о том, что ей нужно держать свои эмоции под контролем. Но однажды я сам примерил роль школьного учителя и понял сколько терпения нужно, чтобы обучать первоклашку. Поэтому я сдался.

Дочери нужно было выполнять задачи на бумаге, а жене потом отправлять фотографии решений онлайн через специальный сервис. Задания по языкам. Математике. Изобразительному искусству. Науке. Познанию мира. Даже физкультуре (от нас требовали снимать выполненные упражнения на видео). Сушая пытка, нужно признаться!

Как-то мы хотели малодушно бросить эти странные занятия, учитывая, что в скором времени никаких школ не останется и некому будет слать фотографии тетрадей и видео прыжков в длину. Но после, обдумав, решили, что не смотря ни на что, будем продолжать заниматься. Подобный опыт обучения будет нам в помощь, когда цивилизация рухнет и

только от нас будет зависеть смогут ли наши дети получить образование. Хоть какое-то. Вопрос — нужно ли оно им будет — оставался неясным. Скорее всего — да.

Когда мир падет, именно такие выжившие апокалипсис как мы, возможно, если все получится, будут строить основу будущего миропорядка. Будущего общества. Нового мира на обломках старого. А наши дети станут носителями знаний канувшей в лету цивилизации. Вот так вот! Пафосно и претенциозно!

Невыполненным оставался еще один пункт из моего списка. Предупредить близких людей о надвигающемся событии. Точный круг тех, кто будут этими людьми, мы так и не определили. Это должен быть список из лиц, которые смогут нам поверить, а после, когда грянет катастрофа, не станут угрозой, зная, что мы готовились заранее и у нас есть припасы.

Ну и последнее — как перевести мать из все еще закрыто на карантин города? Новости говорили о том, что некоторые авиарейсы в стране постепенно возобновлялись. Но пока сообщение между нашими городами было все еще закрыто.

Иногда я клял себя в малодушии, что не решил задачу с предупреждением близких заранее. Что, скорее всего, моя информация будет для них запоздалой, так как люди уже не смогут нужным образом подготовиться. Все дело было в моей проваленной в конце марта попытке предотвратить полет на МКС. Я ведь отправил предупреждения не совершать тот злосчастный полет с Байконура нескольким министерствам обороны, космическим агентствам, а также в ведущие новостные службы мира. Никто так и не ответил. Никто не поверил... Никто не принял информацию всерьез... Почему же должны поверить мои друзья? Только потому что они меня давно знают? Возможно, любят? Уважают? Ценят? Но скажем прямо — то, что я им скажу для любого адекватного человека покажется форменной дичью. Я это хорошо понимаю...

Жена решила моральную дилемму со своими родителями сама. Она сказала, что повременит с сообщением. Дождется пока мое предсказание не начнет однозначно сбываться. То есть до 15 мая, когда с МКС вернутся космонавты и можно будет сверять реальные события с моим сном годичной давности, записанным на листке бумаги.

Я поначалу немного обиделся, заподозрив ее в недоверии мне. Но после, обдумав, решил, что такой подход разумен. И также решил подождать....

15 мая 2020 года.

Пятница.

Вечер.

Утром и днем, несмотря на все еще действующий в городе карантин, я в вынужденном порядке, находился по работе в офисе. Как можно быстрее покончил с рутинной. А потом, дождавись первой развозки, наскоро нацепив опротивевшую маску и протерев руки вонючим антисептиком, поторопился домой.

Все потому что, как подсказывали новостные ленты, приземление спускаемого с МКС аппарата было запланировано на 16 часов 16 минут и 16 секунд по времени Москвы. Вам не кажутся странным эти повторяющиеся цифры? Да еще и шестерки с однерками? Вот как можно оставаться скептиком в таких ситуациях? Издевательство какое-то! Три, ядерный хрен, шестерки!!! Знак библейского апокалипсиса? Число зверя? Просто совпадение? Очередное, уже не помню какое по счету, совпадение?!! Эти люди с центра управления полетами? Они в своем уме?!! Они разве не могут дать журналистам информацию, что приземление произойдет одной минутой или секундой раньше или позднее, чтобы не светить подобной сатанисткой атрибутикой?!! Они бы еще на корпус спускаемого аппарата наклеили рисунки перевернутого креста. Или пентаграмму!

Разница времени с Москвой у нашего региона — плюс два часа. Значит первых новостей нужно было ожидать в четверть седьмого вечера.

В начале шестого, приблизительно за час до запланированного приземления, я выпрыгнул из развозящего сотрудников компании микроавтобуса и, под стук тревожно бьющегося сердца, почти побежал в сторону дома. Через претенциозную входную арку нашего жилого комплекса, обрамленную парой сидящих в мраморе львов (краем глаза я впервые за много лет обратил внимание на их жуткие пустые глазницы). Через длинный проход во внутренний двор сквозь смотрящее на центральную дорогу здание (опять же, впервые обратив внимание на одинокую памятную табличку о почившем в мир иной жителе). Прошел через внутренний двор, заполненный гуляющими людьми: женщинами с колясками, играющими на детской площадке детьми, стайками крикливых подростков (какого лешего?!! Карантин же!!!).

Внезапно я услышал, как кто-то выкрикнул мое имя. Обернувшись, я увидел знакомого, коллегу с работы. Я не видел его “вживую” около месяца. Только в виде корпоративного аватара в мобильном приложении, когда мы участвовали в одних и тех же телеконференциях во время карантина. Значит, меня ждал не просто обмен парой дежурных приветствий, а полноценный диалог.

Он шел по направлению ко мне с неизбежностью снежной лавины, накрывающей горнолыжный поселок. С закрывающей пол лица маске. Широко улыбаясь узкими щелями глаз. Смешно семеня ногами. Как нехстати.... Времени до приземления оставалось все меньше. А теперь мне придется тратить его на пустую болтовню.

— Здравствуйте! — с деланной вежливостью поздоровался я, обдумывая как поскорее отделаться от него.

— Да..., приветствую, уважаемый коллега..., - в свойственной ему вычурной манере

ответил тот.

— Давно Вас не было видно... Как ваш карантин? — спросил его я, решив взять быка за рога и самому начать неизбежный обмен ничего не значащих вопросов и ответов.

— Вас тоже не видно. А карантин хорошо. Дома сижу..., соблюдаю правила. А вы, смотрите, гуляете..., - прищурившись, колкостью ответил тот.

Он всегда так разговаривает. Криво. С подковыркой. Я давно к этому привык и в обычных обстоятельствах не обратил бы внимания. Но в этот раз, когда я был на взводе и спешил, то с трудом подавил желание нагрубить в ответ.

— На работу вызвали, — коротко ответил я, поблагодарив надетую на лицо маску, которая, надеюсь, скрывает истинную реакцию моего лица на его реплику.

— Ааа..., ну да..., понимаю... Знаете, коллега..., как хорошо, что я вас встретил. Мне нужно с вами о кое-чем посоветоваться... Может, пройдем и сядем..., - он указал рукой на ближайшую скамейку.

О боже! Нет! Только не это! — ужаснулся про себя я, вспомнив, что этот тип знаменит тем, что может долгими, путанными и пространными описаниями своих надуманных проблем украсть тонну времени. Нет! Только не это!

— Вы знаете..., меня дома супруга ждет... Она..., она..., у нее назначен зубной врач через пол часа и мне нужно сменить ее дома с детьми. Давайте поговорим в другой раз, — придумал на ходу я, радуясь своей сообразительности.

— Конечно, конечно! Идите, дорогой коллега. Спешите домой. Мой вопрос подождет... Он совсем пустяковый...

— Спасибо за понимание. Увидимся. Счастливо, — с облегчением сказал я и направился к своему подъезду.

— Бегите..., бегите..., - я услышал брошенные в мой след слова. Ощувив укол вины за сказанную ложь. За то, что не смог уделить время человеку. Я ведь знал, что он тут один, на заработках. Что его семья с взрослыми детьми — студентами живет в другом городе, а он раз в несколько месяцев навещает их. Ему и до карантина было одиноко, а в условиях изоляции и подавно. Еще я знал, что он выпивает. Хорошо выпивает. И, кажется, для него это становится проблемой, которая пока не сказывалась на работе, но которая грозила скоро таковою стать.

Что со мной не так? Ведь я должен думать о важном. О главном! О себе и своей семье! А не тратить время на посторонних людей. Тем более в такой важный момент!!!

С этими мыслями я добрался до нужного подъезда. Заходя в проем двери я чуть не сбил с ног выходящую навстречу взрослую женщину.

— Аккуратнее, молодой человек! Чуть не убил старушку!!! — проскрипела высоким голосом она, недовольно зыркнув на меня блеклыми, глубоко посаженными глазами на морщинистом лице.

Скомкано извинившись, я позволил ей выйти первой, а потом поскорее прошел в дверь сам, все еще слыша, как бабушка продолжала вслух возмущаться.

Что за напасть такая! Не могу добраться до квартиры. Сначала тот придурок с работы. Теперь бабка. Без маски. Вышла на улицу. Хотя ей то обязательно нужно сидеть дома.

Я подошел к лифтам, ощущая как нарастающее волнение мощным, будто электрическим напряжением наполняло мое тело. Туго сжимало некую тугую струну у меня в груди. Напрягало стенки живота. Стягивало гортань.

Цифры на панели вызова лифтов показывали, что они оба находились на шестом этаже.

Что было довольно странно. Они работали в связке и вызывался тот, который находится ближе всего к нужному этажу, чтобы забрать пассажира. Так что они очень редко оказывались на одном этаже одновременно. И еще. Опять эти гребаные шестерки. Вот дела...

Я нажал кнопку вызова. Локтем, как нас сейчас учат, чтобы не подхватить коронавирус. Правый лифт, тот который поменьше, с едва слышным гулом двинулся ко мне, через некоторое время прибыв на первый этаж.

Створки лифта, словно пасть хищника, раскрылись, приглашая зайти внутрь. Отделанные полированной нержавеющей сталью поверхности стенок поблескивали в свете скрытых за панелями в потолке светильников. Звучала приглушенная музыка. Как правило, сервисная компания ставила в лифтах нейтральную классическую музыку. Сейчас же звучало совершенно другое.

Гитарный ритм. Стиль восьмидесятых. Глухой низкий мужской баритон поет на английском:

“And the perverted fear of violence chokes a smile on every face
And common sense is ringing out the bells.
This ain't no technological breakdown
Oh no, this is the road to hell...”

Я узнаю песню и исполнителя. Крис, мать его, Ри. Road to Hell.

Да вы издеваетесь надо мной. Road to hell? Точно? Дорога в ад?!!

Я смотрел на раскрытую внутренность лифта, не решаясь войти. Глупая ситуация. Нелепая. Я боялся. Тревожная струна внутри груди сжалась еще сильнее. В спазме загудел желудок. Дыхание участилось. Мне показалось, что нечто странное было в этом лифте. Я даже подумал о варианте отправить лифт пустым на любой другой этаж и вызвать второй. Или вообще подняться на двенадцатый этаж по лестнице. Но потом одумался, решив, что бояться лифта собственного дома — это слишком...

С этими мыслями я прошел внутрь. Нажал локтем на кнопку нужного этажа. Дверцы с хлопком закрылись, словно захлопнулась крышка гроба. Я оказался заперт со всех сторон в металлической коробке. Лифт дернулся вверх. Крис Ри продолжал тянуть свой хит про дорогу в ад. Цифры на панели сменяли друг друга. Второй этаж. Третий. Четвертый. Как долго. Невыносимо терпеть. Быстрее! Пожалуйста, быстрее!!!

Сердце стучало так гулко, что казалось заполнило собой всю грудь и живот. Дыхание сбивалось. На лбу и спине выступил пот.

Пятый этаж.

“Oh no, this is the road to hell...”

Шестой этаж...

И тут! Лифт внезапно остановился. Если кто-то вызвал его на шестом этаже и направлялся выше, то дверцы должны были открыться. Но лифт просто встал на месте. На шестом этаже. На гребаном шестом этаже!!!

“Oh no, this is the road to hell...”

Мелко трясущимся пальцем, наплевав на антивирусные предосторожности, я снова нажал на кнопку двенадцатого этажа. Лифт не отреагировал. Я нажал снова. Ничего. Лифт просто стоял на месте, а Крис Ри продолжал повторять и повторять припев своей жуткой песни.

Я нажал на кнопку вызова диспетчера. Из динамика в ответ раздались щелчки и

бульканья. А потом я услышал, что и оттуда полилась та же музыка. Та же дорога в ад!!!

Oh no, this is the road to hell... ”

Это было слишком!!! Что это значит?!!

Я достал из кармана телефон, решив позвонить жене, чтобы она вызвала бригаду техников из обслуживающей компании. Но сотовой связи в лифте не было.

И стоило мне вернуть смартфон на место, как, словно по щелчку, выключился свет. И я оказался в крошечной темноте, освещаемой только красной цифрой “шесть” на панели с кнопками этажей.

Крис Ри, казалось, уже не просто пел, а ревел не своим голосом.

“Oh no, this is the road to hell!”

“Oh no, this is the road to hell!!”

“Oh no, this is the road to hell!!!”

Мои ноги подкосились. Я сорвал с лица маску и кинулся к дверям, прижав потные ладони к прохладе полированного металла. Нащупав края, я попытался пальцами разжать створки. Бесполезно. Они не двинулись ни на миллиметр.

В отчаянии я упал на колени и, зажмурив глаза, принялся молиться. Как мог. Как умел. Секунда проходила за секундой. Минута за минутой. Ничего не происходило. Темнота. Ревущая музыка про дорогу в ад. И красная светящаяся шестерка.

И, когда мое сознание было готово уже либо сорваться в безумство паники или выключиться в бессознание, свет вдруг зажегся. Крис Ри замолк, сменившись привычным Моцартом. А лифт, как ни в чем не бывало, двинулся вверх.

Седьмой этаж.

Восьмой.

Я, не вставая с колен, неморгающим взглядом смотрел на сменяющиеся цифры, умоляя судьбу покончить с играми и выпустить меня на свободу.

Девятый.

Десятый.

Все шло хорошо.

Одиннадцатый.

Двенадцатый.

Лифт чуть слышно ухнул. И остановился.

Казалось, что прошла вечность, пока дверцы оставались закрытыми, раздумывая выпускать меня из плена или нет.

А потом, с электрическим жужжанием, створки открылись...

— Что случилось? — спросила супруга, когда я, словно мешок с картошкой, ввалился в квартиру. С квадратными от страха глазами. С мокрым от пота лицом.

Я — муха, прилипшая к мухоловке.

Я — капля дождя, сброшенная с лобового стекла взмахом автодворника.

Я — подхваченный ветром полиэтиленовый пакет.

Я — досадная опечатка в журнальном тексте.

— Ничего. Все хорошо..., лифт застрял..., - бросил я в ответ, скидывая с ног обувь, отодвигая супругу в сторону и проходя прямым в ванную.

Краем глаза я отметил, что девочки, по обыкновению, лежат на диване и втыкают в планшеты. В других обстоятельствах я бы попытался отвлечь их от гаджетов, расшевелив своим появлением. Но сейчас мне было не до этого. Пусть сидят и не мешают.

Еще я не был готов рассказать супруге о произошедшем в лифте. По крайней мере не сейчас. Что она подумает про меня? Что я свихнулся? Что я испугался застрявшего лифта? Да и разговоров и расспросов будет слишком много. Не сейчас....

— Лифт?!! Как? — продолжала расспрашивать меня она, словно прочитала мои мысли.

— Физически. Взял и застрял. Это не важно. Забудь, — отрезал я, тщательно моя с мылом руки и лицо. Больше пытаюсь смыть с себя пережитые впечатления, чем выполняя антивирусные меры защиты.

— Ты звонил диспетчеру?

— Пытался. Не сработало.

— Как не сработало! Почему мне не позвонил?

Она стояла посреди гостиной. В одной руке — полотенце. В другой — мобильный телефон.

— В лифте не ловит сотка. Ты же знаешь... Послушай! Это все не важно. Лучше скажи — новости были?

— Пока нет. Вот... я все подготовила. Смотрю и жду...

Я, стремительно переодевшись в шорты и в домашнюю растянутую футболку, сел за круглый обеденный стол на котором стоял включенным ноутбук. На экране, в трех разных окнах, в Youtube эфирах шли трансляции новостей. Крупный европейский канал. Местный республиканский. И популярный российский.

— Ты молодец. Хорошо подготовилась, — похвалил ее я, отметив, что время на часах показывало двадцать минут шестого.

Получается, что с того момента, как я выскочил из развозки и направился через двор домой, потом встретился с коллегой, столкнулся со злобной бабкой, а после застрял в лифте, прошло не больше, чем пятнадцать минут. Невероятно!!!

— Пока новостей нет. Только нашла статью, что приземление ожидается в 16 часов и 16 минут по Москве.

— ... и шестнадцать секунд, — добавил я.

Супруга оставила мою реплику без внимания.

— Остался час. Я успею приготовить ужин. Будем кушать и смотреть.

С этими словами она отвернулась в сторону кухонной зоны со шкафами и раковиной,

где, как я только заметил, была разложена посуда, пакеты с продуктами и связками овощей. Еще я только заметил, что в духовом шкафу, под уютным желтоватым светом, томится курица с картофелем. Мое любимое и ее коронное блюдо.

Я с удивлением взглянул на супругу. Она, казалось, как и я была взбудоражена происходящим. Но не настолько, чтобы забыть об ужине. Еще ее фраза “будем смотреть и кушать” говорила о том, что она либо не воспринимает ситуацию всерьез, принимая ее за развлечение. Или же она, осознавая значимость происходящего, не теряет хладнокровия и самообладания. В отличии от меня...

Я развернулся на стуле в ее сторону, стараясь взглянуть в ее лицо, чтобы понять что с ней происходит. Безуспешно. Она, отвернувшись, ловко орудовала кухонными принадлежностями, собирая в огромной стеклянной бадье ингредиенты для салата.

Я позвал ее по имени.

Она не отреагировала.

Я произнес ее имя еще раз.

Стук ножа, методично ударяемого о дерево разделочной доски, был мне ответом.

Кажется я понял, что с ней происходило.

Я встал со стула, подошел к ней со спины и приобнял, опасливо смотря на лезвие ножа.

Она дернула плечами и сбросила мои руки.

Я обнял ее снова, немного крепче, сковав ее движения, заставив выпустить рукоятку ножа.

Тут ее тело конвульсивно вздрогнуло и резко опустилось. Потом еще раз. А после мелко затряслось. Наконец, она повернулась ко мне, показав скомканное в гримасе боли лицо. И глаза, полные слез, словно пара лесных озер ранней весной, набухшие дождями и тальми водами.

— Не обращай внимания... — срывающимся, глухим голосом сказала она, вырываясь из моих объятий, —пусти..., я нормально... у нас будет курица с картошкой. И салат, как ты любишь. Детям варю пельмени. Сейчас сядем. Будем кушать и смотреть.

Я, не обращая внимания на ее слова, продолжал крепко обнимать ее, потом немного присел в коленях, чтобы наши лица были ровно напротив друг друга в попытке встретиться с ней взглядом. Она продолжала вырываться и избегать контакта глазами. Но стоило мне поймать ее взгляд, словно степную птицу в капкан ловкого охотника, она вдруг обмякла, повисла на моих руках, и заплакала, позволив слезам выплеснуться через ресницы и пролиться, сначала на щеки, потом ниже на подбородок, а после капая мне на плечи, оставляя расплывающиеся темные пятна на моей футболке.

— Неужели это происходит? — чуть слышно спросила она.

— Сейчас узнаем.

— Мне страшно....

— Мне тоже, — признался я, поцеловав ее в белую полоску пробора на голове, глубоко вдохнув шоколадный аромат ее волос.

Следующий час с лишним мы провели словно в некоем артхаусном, полным сюрреализма, иррациональности и символизма фильме некоего безумного режиссера.

Наш стол был заставлен свежей вкусной едой. Возглавлял пиршество лоток румяных куриных ножек на облаке из долек пряного картофеля, облитых поверху лавой из расплавившегося пармезана и присыпанных щепоткой морской соли и перца. Прямиком из духовки. Пылающие жаром и ароматом. Поддержку ему оказывала огромная бадья салата из

танцующих основную партию огурцов и помидоров. С подтанцовкой из мелко нарезанного зеленого лука, рукколы и кубиков соленой брынзы. Щедро приправленный оливковым маслом и соевым соусом. Апофеозом нашей трапезы являлась початая бутылка красного испанского вина, чудом уцелевшая в глубинах кухонных шкафов, и пара бокалов с рубиновым напитком. Детский стол был скромнее. Девочки с редким для них аппетитом поглощали источающие пар пельмени в молочном океане из свежей сметаны.

А эфир новостей показывал новости круглосуточного европейского канала, который первым показал репортаж, который мы ждали.

И тут я поймал себя на мысли, что уже ощущал эти эмоции. Дышал этим воздухом. Испытывал эти же переживания. Да. Ровно год назад. В своем сне, где впервые увидел картинки из предсказанного будущего. Воспоминания прожитых год назад впечатлений нахлынули на меня с удивительной силой. Я не помню, что я делал в своем сне. Сидел ли также с супругой за ужином, поглощая ароматную курицу с картофелем и запивая терпким красным вином? Были ли рядом дети, с аппетитом поедающие дымящиеся пельмени? Еще сами новости про приземление тогда транслировал телевизор, а не как сейчас — экран небольшого серебристого макбука, которому едва нашлось места на кухонном столе. В остальном же — все казалось таким же.

Я медленно, словно боясь вспугнуть наваждение, повернул голову в сторону стены с подвешенным к ней плоским телевизором, почти ожидая, что он вдруг чудесным образом включится и примется показывать картинку приземления космонавтов. Но поверхность его экрана оставалась черна. Телевизор не работал. И не мог работать. Мы отключили кабельное телевидение больше полугода назад и теперь он играл роль больше художественного оформления, чем работающего бытового прибора.

Я возвратил взгляд на макбук, ощутив как супруга, сидящая рядом, нащупала мою руку и принялась в сильном волнении сжимать и разжимать ее..., в то время, как около десятка людей сустились вокруг трех космонавтов в белых скафандрах. Один из космонавтов откидывается на спину и устало улыбается в камеру. Он снимает шлем, подшлемник и с наслаждением вдыхает прохладный воздух казахстанской степи. Его мокрое от пота лицо — на весь экран. Внезапно улыбка сменяется гримасой напряжения. И мужчина тяжело кашляет...

Больше книг на сайте - Knigoed.net